

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Филология. Журналистика

2025

Том 25

Выпуск 4

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOLOGY. JOURNALISM

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Филология. Журналистика, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал

2025 Том 25

ISSN 1817-7115 (Print)

ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Лашкова Г. В., Матяшевская А. И. Этнолингвистические особенности австралийского сленга (на материале интернет-источников) 372
- Захарова А. В. Роль ключевых слов в заглавии художественного произведения (на материале романа А. Брукнер "Strangers") 378
- Калинина М. А., Захарова М. А. Семантическая неологизация в рамках лексико-семантической группы «Наименования коронавирусных штаммов-мутантов» 385
- Носачёва М. И. Прагматонимы-наименования стоматологических товаров: особенности образования 394
- Балашова Л. В. Фитометафоры в речи С. В. Лаврова 404
- Мирошниченко М. Р. Лексикографический портрет знаменательного слова *того* 414

Литературоведение

- Семенченко Ю. И. Единство и многообразие форм художественного психологизма в творчестве Кребийона-сына 424
- Фирсова Г. П. Границы пародии в романе «Телемак наизнанку» П.-К. Мариво 432
- Тестова Н. Р. Антропонимы в пьесах Екатерины II 439
- Савельева А. С. Жанр сверхповести в творчестве В. Хлебникова: специфика субъектной организации 445
- Маматов Г. М. Черты «альпийского текста» в поэме Н. П. Гронского «Белладонна» 452
- Зверева Т. В. Особенности воплощения Иов-сюжета в русской поэзии второй половины ХХ – начала XXI вв. 461
- Антышев А. В. Проблемы изучения интернет-фольклора в России 470

Журналистика

- Важина Е. А. Пандемия COVID-19 как один из факторов трансформации редакционного менеджмента СМИ: опыт последних пяти лет 476

Приложение

Представляем книги

- Елина Е. Г., Павленко Р. И. «Повествование о необычайном» 483

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Филология. Журналистика”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года. Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.9.1; 5.9.2; 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8; 5.9.9). Подписной индекс издания 36011. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна
Редактор
Дударева Светлана Сергеевна
Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович
Верстка
Степанова Наталия Ивановна
Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич
Корректор
Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.11.2025.
Подписано в свет 28.11.2025.
Выход в свет 28.11.2025.
Формат 60 × 84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,0).
Тираж 100 экз. Заказ 113-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям *Лингвистика, Литературоведение, Журналистика* (специальности 5.9.1, 5.9.2, 5.9.5, 5.9.6, 5.9.8, 5.9.9), а также материалы в разделы *Проблемы высшей школы, Представляем книгу, Хроника научной жизни*.

К рассмотрению не принимаются материалы, представленные в другие журналы или ранее опубликованные.

Объем публикации – 25000–40000 знаков с пробелами (для разделов Критика и библиография, Хроника научной жизни – 15000–20000), список литературы – 15–25 наименований. Статья должна содержать аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (не более 15), сведения об авторе (место работы, ученая степень, должность, e-mail, ORCID) на русском и английском языках. Текст необходимо тщательно отредактировать и оформить в соответствии с требованиями журнала: формат MS Word для Windows, через один интервал, с полями (левое – 3,5 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2,5 см), шрифт Times New Roman, кегль 14 для основного текста, 12 – для вспомогательного. Для цитирования используются внутритекстовые ссылки, список литературы составляется в порядке упоминания источников в тексте.

Статьи проходят проверку на оригинальность в системе Антиплагиат.ВУЗ и на соответствие техническим требованиям (см. *Правила для авторов*), затем они подлежат обязательному рецензированию (см. *Порядок рецензирования*) и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию.

Подача заявки на публикацию осуществляется через сайт журнала: <https://bonjour.sgu.ru>

После принятия редакцией решения о публикации статья автор обязан загрузить на сайт PDF-файлы подписанного Лицензионного договора, Экспертного заключения о возможности открытого опубликования статьи, Согласия на обработку персональных данных, а также прислать их оригиналы по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, редакция журнала.

Опубликованный номер размещается на сайте журнала, в российских и международных базах данных. Рассылка авторских экземпляров не предусмотрена.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Lashkova G. V., Matyashevskaya A. I.** Ethnolinguistic peculiarities of Australian slang (based on Internet resources) 372

- Zakharova A. V.** The role of key words in the title of a literary text (on the basis of A. Brookner's novel *Strangers*) 378

- Kalinina M. A., Zakharova M. A.** The development of semantic neologisms within the lexico-semantic group "The denominations of mutant coronavirus strains" 385

- Nosacheva M. I.** Pragmatonyms-names of dental products: Features of formation 394

- Balashova L. V.** Phytometaphors in Sergey Lavrov's speech 404

- Miroshnichenko M. R.** Lexicographic portrait of the autosemantic word "togo" 414

Literary Criticism

- Semenchenko Yu. I.** Unity and diversity of forms of artistic psychologism in Crébillon-son's works 424

- Firsova G. P.** The facets of parody in the novel *Le Télémaque travesti* by Pierre Carlet de Marivaux 432

- Testova N. R.** Anthroponyms in the plays of Catherine II 439

- Savelyeva A. S.** The genre of supersaga in V. Khlebnikov's writing: Specific nature of the subject organization 445

- Mamatov G. M.** Features of "alpine text" in the poem of N. P. Gronsky *Belladonne* 452

- Zvereva T. V.** The peculiarities of the actualization of the story of Job in the Russian poetry of the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries 461

- Antyshev A. V.** The issues of studying Internet folklore in Russia 470

Journalism

- Vazhina E. A.** The COVID-19 pandemic as one of the factors transforming media editorial management: Experience of the last five years 476

Appendix

Presentation of the Book

- Elina E. G., Pavlenko R. I.** "A story of the extraordinary" 483

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)

Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Байкулова Алла Николаевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бакиров Поян Уралович, доктор филол. наук, профессор (Термез, Узбекистан)

Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

Голубков Андрей Васильевич, доктор филол. наук, профессор РАН (Москва, Россия)

Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)

Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Долинин Александр Алексеевич, Ph.D. (Мэдисон, штат Висконсин, США)

Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Котелевская Вера Владимировна, кандидат филол. наук (Ростов-на-Дону, Россия)

Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Майга Абубакар Абдулвахиду, кандидат филол. наук (Бамако, Мали)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)

Мних Роман Владимирович, доктор гуманит. наук (славянские литературы), доцент (Варшава, Польша)

Мохаммед Газван Аднан Мохаммед, Ph.D., доцент (Баакуба, Республика Ирак)

Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)

Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)

Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D. (Вена, Австрия)

Се Чунъянь, доктор филол. наук (Харбин, Китай)

Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Харламова Татьяна Валерьевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, Китай)

Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)

Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)

Шестеркина Людмила Петровна, доктор филол. наук, доцент (Челябинск, Россия)

Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOLOGY. JOURNALISM”**

Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Aликаев (Nalchik, Russia)

Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)

Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)

Alla N. Baikulova (Saratov, Russia)

Poyon U. Bakirov (Termez, Uzbekistan)

Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)

Andrey V. Golubkov (Moscow, Russia)

Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)

Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)

Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)

Elena G. Elina (Saratov, Russia)

Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)

Vera V. Kotelevskaya (Rostov-on-Don, Russia)

Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)

Olga Yu. Kryuchkova (Saratov, Russia)

Aboubacar Abdoulwahidou Maiga (Bamako, Mali)

Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)

Roman V. Mnich (Warsaw, Poland)

Ghazwan Adnan Mohammed (Baqubah, Republic of Iraq)

Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)

Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)

Lina V. Razumova (Moscow, Russia)

Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)

Xie Chunyan (Harbin, China)

Irina A. Tarasova (Saratov, Russia)

Tatyana V. Kharlamova (Saratov, Russia)

Huan May (Beijing, China)

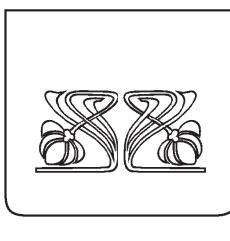
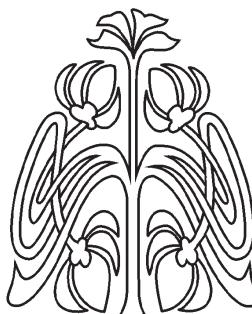
Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)

Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)

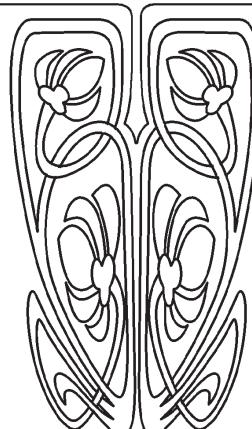
Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)

Lyudmila P. Shesterkina (Chelyabinsk, Russia)

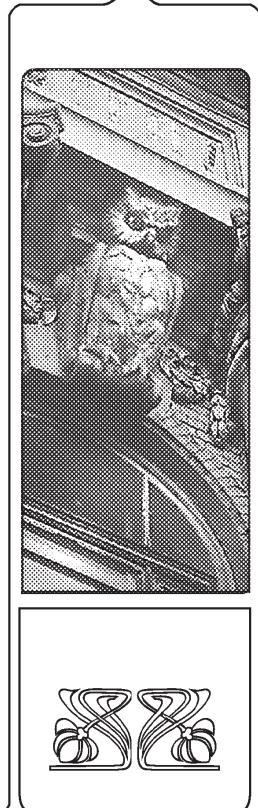
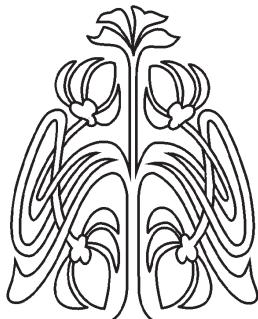
Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)

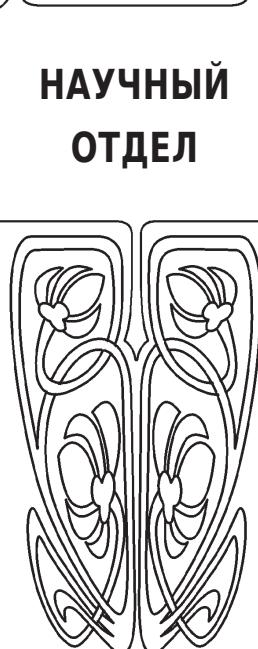
**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 372–377

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 372–377
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-372-377>
EDN: CQCSQM

Научная статья
УДК 811.111'282(94):004.77

Этнолингвистические особенности австралийского сленга (на материале интернет-источников)

Г. В. Лашкова, А. И. Матяшевская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лашкова Галина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, gylashkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4845-4696>

Матяшевская Ангелина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, angelinacaribe@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4465-2089>

Аннотация. Статья посвящена исследованию одного из основных вариантов английского языка, а именно австралийского. Как известно, основные варианты английского языка отличаются, прежде всего, на фонетическом и лексическом уровнях. При этом грамматическая структура, свойственная британскому английскому, с незначительными изменениями сохраняется и в других вариантах, именно поэтому особый интерес в данной работе представляет лексический уровень. В австралийском английском сложился определенный пласт лексики – сленг. На его формирование во многом оказала влияние история освоения австралийского континента. Первыми поселенцами стали выходцы из Великобритании, активно осваивающие пригодные для земледелия территории Австралии. Особую сложность для переселенцев представляли непривычные реалии окружающего мира, которые во многом сформировали уникальный словарный состав будущего варианта английского языка, а именно австралийского. Кроме того, значительное влияние на его формирование оказали диалекты австралийских аборигенов, а позднее, с открытием золотых месторождений в Австралии, приток поселенцев из разных европейских стран резко увеличился, что, в свою очередь, способствовало лингвистическому своеобразию австралийского английского, в частности лексическому. Активный образ жизни австралийцев, ведение многими из них фермерского хозяйства нашли отражение в их повседневной бытовой устной речи, которая и обусловила появление австралийского сленга. Важным фактором его образования и развития оказалось влияние со стороны носителей лондонского диалекта кокни. Диалект кокни известен своим рифмованным сленгом, который также был отмечен в данном исследовании как неотъемлемая составляющая австралийского сленга. В ходе анализа были выявлены как нарицательные существительные, так и имена собственные, послужившие основой для образования рифмы в австралийском сленге. Исследование лексического состава австралийского сленга позволило определить некоторые способы словообразования, такие как аффиксация и аббревиация, как наиболее продуктивные. Исследование австралийского сленга демонстрирует неразрывную связь между экстраполингвистическими и собственно лингвистическими особенностями его формирования.

Ключевые слова: варианты английского языка, австралийский вариант, этнолингвистические особенности, сленг, рифмованный сленг, диалект кокни

Для цитирования: Лашкова Г. В., Матяшевская А. И. Этнолингвистические особенности австралийского сленга (на материале интернет-источников) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 372–377. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-372-377>, EDN: CQCSQM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ethnolinguistic peculiarities of Australian slang (based on Internet resources)

G. V. Lashkova, A. I. Matyashevskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Galina V. Lashkova, gvlashkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4845-4696>

Angelina I. Matyashevskaya, angelinacaribe@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4465-2089>

Abstract. The article studies one of the main variants of the English language, Australian English. The main variants of English differ from each other on phonetic and lexical linguistic levels. The grammatical structure is the same in all variants, that is why the focus of the study was the lexical level of Australian English. The word-stock of Australian English includes slang as a certain layer of the vocabulary. It started to be formed under a strong influence of the first settlers from Great Britain. These settlers were mostly involved in farming which was spread in rural areas of the Australian continent. The greatest challenge was the unusual environment which caused linguistic peculiarities of Australian variant. It was also influenced by lexical peculiarities of aboriginal dialects, later these were dialects and languages of settlers from other countries which arrived there during the period of Gold rush. Local farmers tended to use some newly coined words and expressions in their everyday speech. Thus, Australian slang came in use and as the analysis demonstrates it was closely connected with London Cockney dialect, which was used by the first settlers from Great Britain. Cockney dialect is remarkable for its rhyming slang, which has been registered in the present research as an essential part of the Australian slang. In the course of analysis both common and proper nouns were singled out that served as the basis for rhyme in Australian slang. Studying the Australian slang vocabulary allowed to identify some most productive types of word formation, such as affixation and abbreviation. The research demonstrates a strong bond between extralinguistic and linguistic peculiarities of how the Australian English slang was formed.

Keywords: main variants of the English language, Australian variant of English, ethnolinguistic peculiarities, slang, rhyming slang, Cockney dialect

For citation: Lashkova G. V., Matyashevskaya A. I. Ethnolinguistic peculiarities of Australian slang (based on Internet resources). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 372–377 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-372-377>, EDN: CQCSQM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Благодаря статусу международного языка (*lingua franca*) английский неизменно привлекает внимание как зарубежных, так и отечественных лингвистов, а исследовательский интерес к определению специфики его территориальных вариантов стабильно высок. Австралийский английский на уровне литературной нормы является одним из вариантов английского языка. С середины 70-х гг. XX в. австралийский английский испытывает значительное влияние со стороны американского английского, которому подвержены и другие варианты, включая британский, что объясняется экономическим, культурным, политическим влиянием США в современном мире.

Исследователи сопоставляют австралийский английский, в частности его сленговую разновидность, с другими языковыми вариантами [1], пытаются выявить его лингвокультурные особенности [2] и существующие региональные разновидности [3], а также источники пополнения его словарного состава [4] и наиболее частотные в австралийском сленге

словообразовательные модели [5, 6]. Лингвисты [7, 8] часто подчеркивают, что особенности языковых вариантов английского являются отражением национальной идентичности говорящих, поэтому настаивают на необходимости их рассмотрения в свете многообразия экстралингвистических факторов.

Для более полного понимания современного состояния австралийского варианта английского языка необходимо учитывать исторические условия его формирования: в первую очередь, изначальная полилингвальность жителей континента, принявшего иммигрантов из множества европейских государств, с другой стороны, сохранившего некоторые особенности диалектов коренных австралийцев-aborигенов. Зарождением австралийского варианта английского языка традиционно считается конец XVIII – начало XIX в. – период заселения колонистами территорий современного Южного Уэльса [9]. В то время в Австралию активно направляли британских заключенных; кроме того, благодаря дешевой земле на континент хлынули

выходцы из рабочего класса и социальных низов, в результате чего основу австралийского варианта английского сформировали различные британские диалекты. Позднее, в конце XIX века, новая волна иммиграции со всего мира была вызвана «золотой лихорадкой». В результате в исторической перспективе на языковое поведение носителей австралийского варианта английского оказали влияние многочисленные контактирующие языки переселенцев, а также обособленность, уникальность и самобытность австралийского континента.

Динамичность трансформаций австралийского варианта наиболее наглядно прослеживается на примере аутентичных контекстов использования сленга в разнообразных, постоянно обновляемых интернет-источниках: сайтах для самостоятельных путешественников и искателей приключений¹, тематических материалах онлайн-школ², австралийских новостных сайтах и блогах³.

Своеобразие повседневной жизни австралийцев в окружении экзотической природы находит отражение в сленговых устойчивых сочетаниях. В проанализированном материале обнаруживается целый ряд выражений, имеющих в составе элемент *bush* (австралийский кустарник), например: *bush pig* (неприятный, невоспитанный человек) – *He behaves like a bush pig; to bush blow* (высморкаться без помощи платка) – *I didn't have a tissue, so I had to bush blow; bush telegraph* (сплетни и слухи) – *Heard on the bush telegraph you're coming down to Sydney on the weekend*. Образность номинации прослеживается в сленговом названии птицы-зимородка, под истошные крики которой вынуждены просыпаться местные жители, – *bushman's alarm-clock*, а также в выражении *having a sticky beak* (внимательно присмотреться к чему-либо) – *The neighbour left their back gate open, so I had a sticky beak at their garden*.

¹ Nomads World. URL: <https://nomadsworld.com/aussie-slang/> (дата обращения: 23.04.2025) ; The Big Australia Bucket List. URL: <https://bigaustraliabucketlist.com/australian-slang-words-phrases/> (дата обращения: 23.04.2025).

² Berlitz Language Centers. URL: <https://www.berlitz.com/blog/australian-slang-words-phrases-expressions-insults> (дата обращения: 23.04.2025) ; Story Learning. URL: <https://storylearning.com/learn/english/english-tips/australian-slang> (дата обращения: 23.04.2025) ; Amber Student. URL: <https://amberstudent.com/blog/post/a-beginners-guide-to-australian-slang> (дата обращения: 23.04.2025).

³ Parade. URL: <https://parade.com/1329263/marynliles/australian-slang/> (дата обращения: 23.04.2025) ; Australia Day. URL: <https://www.australiaday.com.au/fun-activities/browse-the-aussie-slang-dictionary/> (дата обращения: 23.04.2025).

Традиционные символы континента – кенгуру, вомбаты и кактусы – находим в следующих австрализмах: *to have kangaroos loose in the top paddock* (чокнутый, со странностями): *As far as I'm concerned, anyone who believes the news about the UFO has kangaroos loose in the top paddock; wombat's picnic* (неудача) – *The camping trip turned into a wombat's picnic; cactus* (быть сломанным) – *My old computer is cactus, time for a new one*. В словарном составе сленга обнаруживаются устойчивые словосочетания и с другими представителями местной фауны: ящерицы – *flat out like a lizard drinking* (прикладывать усилия, усердно работать) – *If someone calls you while you're at work you might reply with: "Can't talk, I'm flat out like a lizard drinking"*; собаки динго – *having a dingo's breakfast* (остаться голодным) и *dry as a dead dingo* (умирать от жажды) – *My throat is as dry as a dead dingo!*; лягушки – *frog in a sock* (излишняя энергичность, неистовство) – *Oh mate, the missus went off like a frog in a sock when she saw the mess I left in the garage!*; *I could hear Grandma from across the yard yelling, she was as cross as a frog in a sock that the boys had stolen her cigarettes*; змеи – *lower than a snake belly* (крайне негативная оценка человеческих качеств) – *Don't trust that bloke, he's lower than a snake's belly!*; домашние питомцы – *nervous like a long-tailed cat in a room full of rocking chairs* (для обозначения сильного беспокойства, тревожности) и *every man and his dog* (толпа) – *Every man and his dog were there today*.

Активный образ жизни австралийцев, ведение ими фермерского хозяйства и предпочтение отдыха на открытом воздухе легли в основу таких сленгизмов, как: *calm your farm* (расслабиться, успокоиться) – *Okay, calm your farm and let's think this through; a couple of sandwiches short of a picnic* (о необдуманных действиях) – *I think that person is a couple sandwiches short of a picnic, did you see what they just did?*; *don't get off ya bike* (мелочи жизни) – *Hey mate, it's only a scratch, don't get off ya bike about it; as useful as an ashtray on a motorbike* (нечто бесполезное) – *That idea is about as useful as an ashtray on a motorbike; I didn't come down in the last shower!* (не вчера родился); *happy as a tin of worms going fishing* (огорчиться) – *My neighbour lost his job. He looks as happy as a tin of worms going fishing!* Чувство юмора и ироничность жителей Австралии прослеживается в сленговых номинациях серферов – *Let's go somewhere else, this beach is full of shark biscuits*, а также

при обозначении необходимости отмахиваться от насекомых – *We tried to sit outside last night and enjoy the sunset, but I couldn't stop performing the Aussie salute.*

Немаловажное место в австралийском сленге занимает тематическая группа еды и напитков: *best thing since sliced bread* (радостное событие); *ham and eggs and duck under the table* (нечем перекусить); *not my bowl of rice* (не подходит) – *These shiny pink leather pants are not my bowl of rice; cup of tea, Bex and a lie down* (о человеке, который валится с ног от усталости и остро нуждается в отдыхе) – *You look buggered, I think you need a cup of tea, Bex and a lie down; drink with the flies* (пить одному) – *Every Sunday he sits on his porch and drinks with the flies; couldn't organize a booze-up at a pub* (неорганизованный, беспомощный) – *He's so hopeless: he couldn't organize a booze-up at a pub!*

Топонимы и имена собственные являются еще одним значимым источником пополнения разговорного австралийского английского: *as crook as Rookwood* (очень болен, по названию старого кладбища) – *I'm feeling as crook as Rookwood, so should go and see the doctor; London to a brick* (безусловно) – *He said it was London to a brick that the escaped spy and the UFO were related; Bob's your uncle* (и готово – фраза завершает перечень инструкций или рекомендаций) – *Stick all the ingredients in one pot, boil for 30 minutes, blend and Bob's your uncle... delicious soup!; to do the Harold Holt* (быстро убраться, сбежать, отсылка к таинственному исчезновению премьер-министра Австралии во время купания) – *Once I realised that, I did the Harold Holt!; to do a Bradbury* (неожиданный успех, конькобежец Стивен Брэдбери – первый австралиец-победитель зимней Олимпиады). Кроме того, сленг испытывает очевидное влияние массовой австралийской культуры – например, в нем присутствуют примеры заимствований из комедийного фильма *The Castle: tell him he is dreaming* (в ответ на оскорбительное, возмутительное предложение), *straight in the pool room* (нечто особенное и весьма ценное) – “*Dad, I made this painting for you at school*”. “*That's going straight to the pool room*”.

К группе сленгизмов с непрозрачной смысловой структурой, а также неожиданных для иностранцев особенностей австралийского английского могут быть отнесены выражения *woop woop* (далеко) – *He lives out in woop woop, miles from anywhere; hoo roo* (до встречи) – *I'll*

meet you in a week, hoo roo for now; gee ay! (отлично) – *We are having this family over for dinner. Gee ay!*; *hard yakka* (тяжелый труд, заимствование из наречия аборигентов) – *It's hard yakka raising children!; she'll be right* (ничего страшного, все будет хорошо) – *I forgot my umbrella, but she'll be right.*

Поскольку значительную часть первых поселенцев на континенте составляли носители диалекта кокни, одним из наиболее ярких элементов австралийского сленга является рифмованный сленг [10]. Феномен переключения кода [11] подразумевает выбор общелитературного варианта или сленгового выражения в зависимости от адресата и ситуации общения. Отметим типичные рифмы, использовавшиеся кокни для сокрытия содержания разговора (с этой целью основной элемент созвучия иногда отбрасывается) и в игровой функции: *dog's eye* (meat pie, мясной пирог) и *dead horse* (tomato sauce, томатный соус) – *What's for lunch? Dog's eyes and dead 'orse; hit the frog and toad* (road, в путь) – *It's nearly dinnertime. Let's hit the frog and toad!; boat race* (face, лицо) – *Wipe that smile off your boat!; rabbit and pork* (to talk, говорить) – *They were rabbitin' on about this and that – I wasn't even listening in the end; the dog and bone* (phone, телефон) – *The young chap was talking on the dog and bone.*

Кроме нарицательных существительных, в качестве основы для рифмы в сленге активно используются имена собственные известных личностей, например: *Pat Malone* (alone, один, сам по себе, имя американского бейсболиста) – *I went up the coast on my Pat Malone; Wally Lewis* (that will do us, на этом закончим, имя австралийского игрока в регби) – *When they finished stretching the coach said, “and that'll Wally Lewis”*. Рифма наблюдается и внутри некоторых идиоматических выражений, не имеющих связи с кокни: *slow your roll* (не гони лошадей, притормози) – *Hey, slow your roll with those shots!; give it a burl, give it a whirl* (попробовать нечто для себя новое, необычное) – *I haven't sky dived but I would give it a burl.*

Произносительные особенности кокни также прослеживаются в некоторых австралийских сленговых выражениях: *av a go* (have a go), *howzat* (how is that), *wadyasay* (what did you say?), *owyagoin, alright?* (how are you going?).

Рассмотрим наиболее частотные словообразовательные особенности в речи носителей австралийского сленга. Поскольку подробная

классификация сокращений в английском языке приводится авторами в работе [12], в данном случае ограничимся выявлением общих тенденций в словообразовании австрализмов. В проанализированном материале наблюдаются отдельные случаи инициального усечения, например, *kangaroo* < *roo*. Отметим, что для данной лексемы одновременно существует и альтернативный вариант с финальным усечением *kangaroo* < *kanga*: *Check out that massive kangs.* Иногда инициальные усечения сопровождаются добавлением суффикса: *umbrella* < *brolly* (зонт): *Grab a brolly, it'll be wet out.*

Как показал анализ материала, преобладают, безусловно, финальные усечения: *air conditioner* < *air con* (кондиционер); *gorgeous* < *gorge* (шикарный): *Check out this dress! Isn't it gorge?; isolation* < *iso* (изоляция, самоизоляция в пандемию): *When I first arrived I had to do two weeks of iso before I could go to see the sights; moustache* < *mo* (усы); *gossip* < *goss* (сплетни): *My friends love to meet up between classes and share the goss; spaghetti bolognese* < *spag bol* (спагетти болоньезе): *Grandpa made my favorite dish for dinner: spag bol with feta chese on top.* Следует отметить, что подобные усечения дополнительно подвергаются суффиксации: *utility vehicle* < *ute* (вездеход, внедорожник): *He's got all tools in the back of his ute; breakfast* < *brekky* (завтрак): *Let's go for a quick surf and then grab some brekky; minute* < *minny* (минута): *I'll be with you in a minny.* Отдельно следует упомянуть австрализм *Pommy*, который используется жителями континента для именования британцев: *pomegranate* < *pommy* (дословно: гранат) – по одной из версий, в сленге аналогия по цвету была проведена с краснотой обгоревшей на ярком австралийском солнце коже типичных британцев: *He's a Pommy, just moved here from England.*

Наиболее частотной моделью словообразования в австралийском сленге оказывается суффиксация, а именно добавление суффиксов *-ie* и *-o*, при этом иногда австралийские сленгизмы могут иметь их вариативное использование: *relatives* < *relie, relllo* (родственники): *I heard your rellies are visiting tomorrow.* Приведем некоторые примеры с использованием данной наиболее продуктивной модели в образовании австрализмов с суффиксом *-ie*: *barbeque* < *barbie* (барбекю): *Just getting a few mates together for Australia Day and having a bit of a barbie; lollipop* < *lollie* (конфета, леденец): *Gonna buy a bag of lollies while I'm at the shop; lipstick* <

lippie (губная помада): *I'm just going to pop some lippie on and then we can go!; sick leave* < *sickie* (больничный, иногда в значении: устроить себе внеплановый выходной от работы якобы по болезни): *I'm tacking a sickie tomorrow to go fishing; mosquito* < *mozzie* (москит) – озвончение согласной и ее удвоение в сочетании с добавлением производного суффикса: *Mate, these mozzies are killing me; Christmas present* < *Chrissie pressie* (рождественский подарок): *Did you get any good Chrissie pressies this year?; tradesperson* < *tradic* (торговец): *The tradie fixed our plumbing yesterday.*

Отметим, что вышеназванный суффикс *-ie* является характерным для литературной нормы английского не только в Австралии, но и на других континентах, в то время как добавление суффикса *-o* – особенностью именно австралийского варианта: *aggressive* < *agro* (агрессивный); *service station* < *servo* (станция техобслуживания, автозаправка): *I need to fill up at the servo; business* < *bizzo* (бизнес, дело): *It's none of your bizzo what I was doing at midnight at the graveyard; journalist* < *journo* (журналист): *The journos struggled to balance their broadcasts between the news about the UFO and the news on the escaped spy; derelict* < *dero* (плохо себя чувствовать, не в себе): *I feel a bit dero today because I'm hungover; smoke break* < *smoko* (перекур): *I'll meet you outside for a smoko; vegetarian* < *vejjo* (вегетарианец) – финальное усечение, сопровождающееся фонетической субSTITУЦИЕЙ: *I'm vejjo, does this have any meat in it, mate?*

Кроме названных словообразовательных моделей, в австралийском варианте отмечены немногочисленные примеры срединного усечения: *McDonald's* < *Macca's* – при этом исходная сокращенная часть *Mc* становится полноценным словом *Mac*, происходит удвоение финальной согласной и добавление суффикса *-a* с сохранением притяжательного падежа: *Let's grab some Macca's for dinner;* сочетание инициального и финального усечения в границах одного слова: *Australia* < *Straya; сокращение: Thank you* < *ta;* аббревиатура (алфавитизм, имеющий написание с заглавной буквы и точки и произносящийся побуквенно): *overseas* < *O.S.: Can't you put going O.S. a little longer?;* характерная для разговорной речи трансфонация: *Monday* < *Mundy, Saturday* < *Sundy.*

Итак, как показало проведенное исследование, изучение особенностей австралийского варианта английского языка, в частности слен-

га, позволяет проследить влияние различных лингвистических и экстралингвистических факторов, а именно роль как европейских языков, так и диалектов местного аборигенного населения, сформировавших австралийский сленг. Его уникальность особенно ярко проявляется в лексике, неразрывно связанной с флорой, фауной, топонимическими названиями австралийского континента. Кроме того, австралийский сленг содержит многочисленные образные наименования состояний человека в различных жизненных ситуациях. Необходимо также отметить важное влияние лондонского диалекта кокни, особенно его рифмованного сленга, который, в свою очередь, способствовал формированию собственного рифмованного сленга в рамках австралийского варианта. Изучение словообразовательных особенностей австралийского сленга позволило выделить наиболее продуктивные способы, такие как аффиксация, сокращения различного типа и др.

Рассмотрение своеобразия австралийского варианта английского языка в целом и его сленга в частности позволяет выявить как общие с британским и американским вариантами тенденции его развития (как, например, аббревиация и суффиксация), так и специфические характеристики (рифмованный сленг). Необходимо отметить лингвокреативность в создании сленговых лексических единиц, составляющих уникальную языковую картину мира жителей австралийского континента.

Таким образом, изучение основных вариантов английского языка, в данном случае австралийского, позволяет выявить то, что их объединяет, – грамматическую структуру, своюственную британскому английскому, при этом отмечаются некоторые отличия, не являющиеся принципиальными. В рамках теории вариантологии особое внимание уделяется истокам формирования тех лексических и фонетических отличий, которые и обуславливают существование и активное распространение этих вариантов в мире в настоящее время. Исследование австралийского сленга демонстрирует неразрывную связь между экстралингвистическими и собственно лингвистическими особенностями его формирования.

Поступила в редакцию 06.05.2025; одобрена после рецензирования 05.06.2025; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted 06.05.2025; approved after reviewing 05.06.2025; accepted for publication 01.09.2025

Список литературы

1. Трубаева Е. И. Лексические особенности австралийского варианта английского языка // Язык и культура (Новосибирск). 2013. № 8. С. 91–95. EDN: REFCXD
2. Редкозубова Е. А. Сленг как этноспецифичный феномен австралийского и новозеландского коммуникативного пространства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 4 (128). С. 66–72. EDN: SAAZZB
3. Агапова И. В., Горбунова В. С. Особенности австралийского варианта английского языка // Перспективы науки и образования. 2014. № 3 (9). С. 142–146. EDN: SGUBBD
4. Винокурова Д. Е. Источники и способы образования австралийского сленга // Студенческая наука и XXI век. 2014. № 11. С. 275–277. EDN: TJFPPB
5. Ильина О. К. Экстралингвистическое влияние на процесс номинации в австралийском сленге // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2023. № 2 (58). С. 45–54. <https://doi.org/10.36622/VSTU.2023.28.72.004>, EDN: CCZSGT
6. Рыбакова А. С., Юдина О. А. Структурные особенности австралийского сленга // Казанская наука. 2019. № 12. С. 125–127. EDN: BQUMSE
7. Hudson R. A. Sociolinguistics. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 268 р.
8. Wardhaugh R., Fuller J. M. An Introduction to Sociolinguistics. New Jersey : Wiley-Blackwell, 2021. 451 р.
9. Лашкова Г. В., Сисина М. А. Как понять австралийца? К проблеме австралийского варианта английского языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 9–12. EDN: KYBKPT
10. Лашкова Г. В., Матяшевская А. И. О современной лингвистической ситуации в Англии. К проблеме вариативности английского языка в Лондоне // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 282–287. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-282-287>, EDN: HMNAQT
11. Auer P. Code-Switching in Conversation: Language, Interaction and Identity. London ; New York : Routledge, 2013. 368 р.
12. Лашкова Г. В., Матяшевская А. И. Телескопия как особый способ словообразования в современном английском языке (на материале интернет-источников) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 264–270. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-264-270>, EDN: XPCIPX

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 378–384

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 378–384

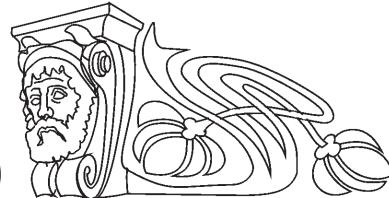
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-378-384>, EDN: DHZAQK

Научная статья

УДК 821.111.09-31+811.111'38+929Брукнер

Роль ключевых слов в заглавии художественного произведения (на материале романа А. Брукнер “Strangers”)

А. В. Захарова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Захарова Анна Владимировна, аспирант кафедры английского языкознания, zaharova.vera25@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8037-0573>

Аннотация. В статье рассматривается роль ключевых слов, вынесенных в заглавия художественных произведений, на материале романа “Strangers” современной британской писательницы Аниты Брукнер. Будучи сильной позицией текста, заглавие является одним из важнейших элементов, который выделяет его среди других текстов и на который в первую очередь обращает внимание читатель. Вынесение ключевого слова произведения в такую сильную позицию увеличивает его эстетический потенциал. Лингвопоэтический анализ ключевого слова *stranger*, дополненный использованием компьютерной программы для анализа корпусов текстов Sketch Engine, продемонстрировал, как ключевое слово участвует в раскрытии художественного содержания романа и характера главного героя. В сочетании с другими словами оно приобретает либо положительную, либо отрицательную адгерентную коннотацию и обращает определённым набором ассоциаций. Использование художественно-выразительных средств, таких как эпитеты, метафоры, противопоставления и лексические повторы, помогает подчеркнуть одиночество главного героя и отсутствие значимых связей с окружающими его людьми. Важную роль в передаче идей романа через ключевое слово играет также грамматическая категория числа: использование ключевого слова во множественном числе (*strangers*), начинающееся уже с заглавия, усиливает впечатление отчуждённости. Дистрибутивный анализ существительного *stranger* в романе (а именно анализ его распределения по тексту) позволил выявить дополнительный способ эстетического воздействия ключевых слов – «значимое отсутствие», т. е. отсутствие ключевого слова в определённых важных эпизодах произведения на фоне его регулярного появления в других частях текста.

Ключевые слова: ключевое слово, заглавие, частотность, лингвопоэтический анализ, корпусный анализ, адгерентная оценочная коннотация

Для цитирования: Захарова А. В. Роль ключевых слов в заглавии художественного произведения (на материале романа А. Брукнер “Strangers”) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 378–384. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-378-384>, EDN: DHZAQK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of key words in the title of a literary text (on the basis of A. Brookner's novel *Strangers*)

A. V. Zakharova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Anna V. Zakharova, zaharova.vera25@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8037-0573>

Abstract. The article examines the role of key words in the titles of literary works on the basis of the novel *Strangers* by a contemporary British writer Anita Brookner. Being one of the strong positions of a text, a title makes a given work of verbal art notable and draws the reader's attention to it. Placing the key word of a literary work in such strong position increases its aesthetic potential. The linguopoetic analysis of the keyword *stranger* was supported by the use of Sketch Engine, a computer program that works with text corpora. It demonstrated how the key word contributes to revealing the global purport of the novel and the character of the protagonist. Combined with other words, the key word acquires either positive or negative adherent connotations and becomes enriched with a whole range of associations. The use of expressive means, such as epithets, metaphors, oppositions and lexical repetitions, helps to emphasize the loneliness of the protagonist and a lack of meaningful connections with the people around him. The grammatical category of number also plays an important role in conveying the novel's literary message through the key word: the use of the plural form of the key word (*strangers*), which starts from the title, reinforces the sense of alienation. Distributive analysis of the noun *stranger* in the novel allowed us to identify another way to create an aesthetic impact by means of key words – “meaningful absence”, i.e. the absence of the key word in certain important episodes of the work as opposed to its regular appearance in other parts of the text.

Keywords: key words, title, frequency, linguopoetic analysis, corpus analysis, adherent evaluative connotations

For citation: Zakharova A. V. The role of key words in the title of a literary text (on the basis of A. Brookner's novel *Strangers*). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 378–384 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-378-384>, EDN: DHZAQK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вопрос о заглавиях художественных произведений широко изучен как лингвистами, так и литературоведами. Заглавие является первым, что видит читатель, открывая текст, оно выделяет этот текст среди других и создаёт определённые ожидания. Учитывая его особую роль, неудивительно, что в заглавие могут выноситься ключевые слова данного художественного произведения.

Заглавия могут отражать разные аспекты текста: имя главного героя («Джейн Эир» Ш. Бронте, «Оливер Твист» Ч. Диккенса, «Миссис Дэллоуэй» В. Бульф) или его представление через социальный, семейный или иной статус («Женщина французского лейтенанта» и «Коллекционер» Дж. Фаулза, «Дочь таксиста» Дж. Дарлинг), хронотоп произведения («Грозовой перевал» Э. Бронте, «На маяк» В. Бульф, «1984» Дж. Оруэлла), его тему, основную сюжетную линию или конфликт («Убийство на улице Морг» и «Золотой жук» Э. А. По, «Семейный ужин» К. Исигуро, «Большие надежды» Ч. Диккенса, «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея, «Искупление» И. Макьюэна). Нередко заглавие отражает также авторскую оценку описываемых событий или персонажей. Например, в романе «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда определение «великий» демонстрирует отношение персонажа-рассказчика к главному герою.

К функциям заглавия исследователи обычно относят следующие:

- 1) именующая (называющая) [1, с. 229];
- 2) – выделяет данный текст в ряду других; таким образом, заглавие имеет статус имени собственного;
- 2) смысловая (тематическая) [2, 3] – определяет тему текста, отражает определённый аспект его содержания;
- 3) прогнозирующая [1, с. 229] – создаёт определённые читательские ожидания;
- 4) образно-эмоциональная [4] – отражает образную сторону художественного текста, выполняет функцию воздействия;
- 5) демонстративно-экскламационная или рекламная [4] – направлена на возбуждение читательского интереса;
- 6) концептуализирующая – «отражение собственно авторской интерпретации» [5, с. 168].

Исследуя сильные позиции художественные текста, И. В. Арнольд уделяет особое внимание именно заглавию. Под *сильной позицией* она понимает «начало и конец текста или его формально выделенные части (главы, строфы и т.п.)» [1, с. 241]. В свою очередь, сильная позиция начала подразделяется на «название произведения, факультативные эпиграф и пролог и далее первые строки или первые предложения» [1, с. 241]. Эти позиции содержат важную информацию, которая в полной мере раскрывается во взаимодействии со всем текстом [1, с. 241–242]. Такая важная информация может заключаться в *ключевых словах* произведения.

Понятие «ключевые слова» широко используется в разных науках. Под ними чаще всего понимаются слова, несущие важную, ключевую информацию и раскрывающие содержание текста. При изучении литературного произведения для выделения ключевых слов исследователи опираются на следующие критерии [6; 7, с. 26; 8; 9]:

- высокая частотность употребления;
- семантическая разветвлённость;
- разнообразие контекстных связей;
- лексическая полифония;
- наличие системы синонимов;
- индивидуальные авторские значения;
- участие в выражении глобального художественного содержания произведения;
- использование в значимых эпизодах;
- использование в названии произведения.

Важно отметить, что для определения слова как ключевого достаточно соблюдения лишь нескольких из этих критериев. Многие исследователи считают первостепенным критерий частотности, или повторяемости: «...актуализация потенциальных возможностей языковой единицы (в художественном тексте) происходит только в условиях специально организованного контекста. Одним из наиболее распространенных принципов такой организации является *принцип повторяемости*. Так, например, ... повторение ключевых и тематических слов создает образную перспективу произведения» [7, с. 26]. И. В. Арнольд связывает такую актуализацию с понятием *выдвижения* (*foregrounding* [10]) – «наличия в тексте формальных признаков, фокусирующих внимание читателя на

некоторых чертах текста и устанавливающих смысловые связи между элементами разных уровней... Выдвижение задерживает внимание читателя на определённых участках текста и тем самым помогает оценить их относительную значимость» [11, с. 208].

Западные исследователи также делают акцент на критерии частотности. В корпусной лингвистике анализ ключевых слов является одним из самых популярных способов анализа художественной литературы [12]. Используя такие технические средства, как Wmatrix [10], CLiC (Corpus Linguistics in Context) [13] и другие, лингвисты выделяют ключевые слова произведения при помощи специального инструмента, который сравнивает частотность единиц данного текста с их частотностью в других корпусах. Кроме того, остальные инструменты данных программ наглядно демонстрируют сочетаемость конкретных слов, их использование в контексте, их контекстуальные синонимы и т.п. [12].

В данном исследовании мы также прибегаем к помощи программы для анализа корпусов текста – *Sketch Engine*, особенно к следующим её разделам: *Keywords*, *Word Sketch* (выделение коллокаций с выбранным словом) и *Concordance* (рассмотрение выбранного слова в контексте)¹. Однако важно отметить, что корпусный анализ не является нашим единственным методом исследования – он лишь служит первым этапом для анализа лингвопоэтического. Лингвопоэтика – филологическая дисциплина, выявляющая уникальность словесно-художественного творчества, выделяющего его среди других функциональных стилей речи. Её методы помогают раскрыть эстетическую значимость языковых единиц текста и определить степень их участия в его художественной организации. Лингвопоэтический анализ позволяет выяснить, каким образом языковые и стилистические средства и их сочетание создают определённый эстетический эффект и какую роль они играют в осуществлении творческого замысла автора [14, с. 85–86]. Корпусный анализ даёт возможность проверить и подтвердить, а также дополнить выводы, сделанные на основе «интуитивного» лингвопоэтического анализа. Необходимость сочетания автоматического анализа и традиционных методов исследования текста подчёркивают и специалисты по корпусной стилистике [15–17].

¹ Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 11.05.2025).

Для анализа ключевого слова в заглавии художественного произведения был выбран роман «Strangers» британской писательницы Аниты Брукнер (1928–2016) [18]. Опубликованный в 2009 г., он повествует о пожилом мужчине, Поле Стёрджисе, ведущем тосклившую одинокую жизнь, скрашенную лишь общением со знакомыми и незнакомцами – *strangers* – людьми, с которыми он не построил близких отношений. Среди этих людей оказывается даже его единственная родственница, которой он наносит визиты каждое воскресенье. В такой атмосфере Пол размышляет о природе своего одиночества, своём консервативном характере и недолгом времени, оставшемся ему для жизни. Однако всё меняется, когда в этой однообразной жизни появляется молодая, активная женщина, а затем – его бывшая супруга.

Роман Аниты Брукнер, который представляет собой повествование от третьего лица, построен на изображении внутреннего мира главного героя и раскрытии его переживаний. Само ключевое слово, вынесенное в заглавие, задаёт тему романа – тему отчуждённости героя от окружающих его людей. Оксфордский словарь даёт следующие значения слова *stranger*: 1. «a person that you do not know» («There was a complete *stranger* sitting at my desk.»); 2. «a person who is in a place that they have not been in before» («Sorry, I don't know where the bank is. I'm a *stranger* here myself»)². В связи с первым значением интересно также выражение *stranger to somebody* и приведённый в словаре контекст: «She remained a *stranger* to me»³. Как можно увидеть, данное слово даже в первом словарном значении имеет достаточно широкую трактовку: от незнакомца, которого ты никогда не встречал, до человека, который тебе не близок, несмотря на то что вы нередко взаимодействуете (как, например, взаимодействовал Пол с австралийской парикмахершей и даже с женой своего кузена).

Не считая заглавия, ключевое слово *stranger* встречается в тексте романа 32 раза, соответствствуя критерию частотности. Более того, пять из его употреблений приходятся на сильную позицию. Первые три мы обнаруживаем в начальных абзацах романа, включая первое предложение первого абзаца:

“Sturgis had always known that it was his destiny to die among *strangers*. The childhood he

² См.: Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 11.05.2025).

³ Там же.

remembered so dolefully had been darkened by fears which maturity had done nothing to alleviate. Now, in old age, his task was to arrange matters in as seemly a manner as possible in order to spare the feelings of those *strangers* whose pleasant faces he encountered every morning – in the supermarket, on the bus – and whom, even now, he was anxious not to offend.

He lived alone, in a flat which had once represented the pinnacle of attainment but which now depressed him beyond measure. Hence the urge to get out into the street, among those *strangers* who were in a way his *familiaris*, but not, but never, his *intimates*” [18, p. 6].

Ключевое слово сразу обозначает главные темы повествования: одиночество, отчуждённость, страх приближающейся смерти (“it was his destiny to die among *strangers*”). Кроме того, в ироническом описании нежелания «ранить чувства незнакомцев» (“to spare the feelings of ... *strangers*”) раскрывается характер главного героя: его мягкость, робость, чувство такта на грани с боязнью причинить кому-то неудобства. Наконец, благодаря антитезе *familiaris* и *intimates* ключевое слово *stranger* начинает расширять своё значение.

К сильной позиции текста относятся также начала глав – и ключевое слово *stranger* после первой главы оказывается в такой сильной позиции дважды. В первый раз – в первом предложении главы 11:

“He was anxious now to be finished with this woman, who was, after all, a *stranger*, though not a *stranger* of the kind he envisaged – *benign*, *efficient*, *professional* – but someone whose presence was curiously *unenlightening* and in whom he was no longer inclined to take an interest” [18, p. 72].

Во второй раз – в конце первого абзаца главы 12:

“They were, and would remain, *strangers*. But it was the ideal *stranger* that he sought, and would go on seeking, for close friendship still eluded him” [18, p. 79].

Эти главы находятся в середине романа, и в них происходит одно из главных потрясений Пола в этой истории – смерть Хелены, жены его кузена, которая всё это время была частью его повседневной жизни, а также одной из *strangers*, постоянно присутствовавших в ней. Её смерть влечёт за собой серьёзные изменения, так как Пол наследует её квартиру как единственный родственник. Однако это потрясение, возможно, не повлияло бы на Пола так сильно, если бы параллельно с ним не произошли внутренние

изменения, отражённые в контекстах с ключевым словом *stranger*. Эти изменения связаны с отношениями Пола и его молодой попутчицы из самолёта Вики Гарднер.

Именно к Вики относятся определения, представленные в примерах из глав 11 и 12. Завязавшееся в Венеции общение неожиданно продолжилось в Лондоне, однако довольно скоро обернулось разочарованием для Пола. Как всегда, он не смог добиться более близкой связи с женщиной, занятой исключительно своими проблемами. Пример из главы 11 полностью отражает это разочарование и несоответствие ожиданиям Пола через использование лексического повтора и противопоставление положительных эпитетов *benign*, *efficient*, *professional* слову *unenlightening*. Данные эпитеты, обычно не сочетающиеся с существительным *stranger*, наделяют его дополнительными адгерентными коннотациями.

Однако уже в следующей, 12-й главе, после того как Хелена попала в больницу, акценты смещаются. Вики становится для Пола *the ideal stranger*, и благодаря сочетанию с прилагательным *ideal* ключевое слово приобретает положительную коннотацию, усиленную противопоставлением (*strangers* – *the ideal stranger*). С другой стороны, *stranger* также оказывается противопоставлено понятию *close friendship*, символу настоящей человеческой близости. Таким образом, отношения, выражаемые ключевым словом, воспринимаются как некий необходимый «социальный минимум» в одинокой жизни главного героя.

В связи с сильной позицией стоит также упомянуть конец текста. Как ни странно, здесь ключевого слова *stranger* мы не обнаружим. Более того, последнее употребление ключевого слова в тексте приходится на главу 24 – и далее, до финальной, 27-й главы, мы его больше ни в каком виде не встречаем. В главе 25 происходит настоящая кульминация внутренней жизни Пола: по просьбе бывшей жены он едет во Францию проверить её летний дом – и, после выполнения просьбы проведя некоторое время в Париже, понимает, как на самом деле хочет провести остаток своей жизни. Он больше не ищет её смысла в окружающих его незнакомцах, рутине или попытке сблизиться с женщинами из прошлого – он находит покой в том, чтобы просто отаться её течению. Таким образом, исчезновение ключевого слова из текста знаменует разрешение внутреннего конфликта героя, который оно символизировало.

Дистрибутивный анализ использования ключевого слова в тексте был бы неполным без рассмотрения его распределения по главам. При внимательном чтении обнаруживается некоторая закономерность: существительное *stranger* появляется как минимум по одному разу почти в каждой из двадцати семи глав романа, за исключением трёх финальных, а также глав 6–7, 13–14 и 20–21. Даже вне привязки к описываемым в этих главах событиям такое распределение ключевого слова с равномерными интервалами отсутствия задаёт определённый ритм повествованию. И если вспомнить события данных глав, становится очевидно, что именно отсутствие ключевого слова, а не его появление, является маркером поворотов в сюжете романа (и, соответственно, в жизни главного героя). В главах 6 и 7 происходит появление Вики в доме Пола и в его повседневной жизни; в главах 13 и 14 Пол восстанавливает связь с бывшей женой после случайной встречи в библиотеке; наконец, в главах 20 и 21 Пол продаёт квартиру Хелены, получая «больше денег, чем ему нужно» [18, р. 151], что в итоге обеспечит ему безбедное существование за границей, – но перед этим он должен вновь встретиться с Вики. Именно эти события знаменуют для Пола очередной виток в поиске смысла жизни, в котором он ненадолго забывает о своей отстранённости от окружающих – и больше не думает о них как о *strangers*. Это соответствует и итоговому исчезновению ключевого слова из текста в главах 25–27, описанному выше.

Таким образом, ключевое слово в романе “*Strangers*” создаёт фон для повествования, а его отсутствие становится способом выдвижения важных эпизодов. В данном случае мы можем говорить о значимом *отсутствии* как об ещё одном способе эстетического воздействия ключевых слов художественного произведения – т. е. об отсутствии ключевого слова в важных эпизодах на фоне стабильного присутствия в других. В романе Аниты Брукнер такой фон обеспечивается регулярным появлением ключевого слова *stranger* в большей части глав, а также достаточно частым употреблением в сильной позиции начала глав.

Теперь дополним наш анализ ключевого слова результатами, полученными с помощью Sketch Engine⁴.

⁴ См.: Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 11.05.2025).

Согласно Sketch Engine, у ключевого слова *stranger* следующие коллокации: *relative, ideal, virtual, other, only*. Из них наиболее интересны первые три: они представляют ключевое слово как понятие, обладающее градацией, от абсолютного (*ideal*) и почти абсолютного (*virtual*) до относительного (*relative*). Рассмотрим прилагательное *virtual*, используемое в своём втором словарном значении: “*almost or very nearly the thing described, so that any slight difference is not important*” (“*He married a virtual stranger*”)⁵. Словосочетание *virtual strangers* в тексте относится к привычному окружению главного героя, лишний раз подчёркивая его одиночество и оторванность от других людей: “*He might venture some delicate probing, but then he would be back to his wearisome programme of boring interrogation, of engaging virtual strangers into exchanges about holidays, about their children – all the questions to which he usually reverted in his desire to initiate conversation, the illusion of familiarity*” [18, р. 109]. Ту же функцию выполняет и прилагательное *relative*, описывающее непонимание, которое Пол встречает и среди более близких ему людей: “*He was aware that he aroused little interest, and that when he asked relative strangers how they were, really wanting to know, their replies were tinged with forbearance, as if he were applying the wrong sort of code*” [18, р. 69]. Придаточное сравнительное ещё ярче демонстрирует отчуждённость героя: он словно существует в ином, отличном от нормального мире и говорит на совершенно другом языке.

Stranger является объектом для следующих глаголов: *engage, remain, ask, be*. Здесь внимания заслуживает глагол *remain*: словосочетание *remain strangers* встречается в тексте дважды, описывая при этом отношения Пола с разными женщинами – Хеленой и Вики. Оно закрепляет их статус, подчёркивая отсутствие каких-либо перспектив сближения.

Глагольные конструкции с ключевым словом можно также обнаружить среди сочетаний с предлогом, выделенных Sketch Engine. Среди них интересный контраст представляет пара *die among strangers* и *rely on strangers*. Первую фразу мы обнаруживаем в самом начале романа. Она даёт представление о мироощущении Пола. Вторая относится уже не к нему, а к Вики: именно ей Пол в 22-й главе говорит: “*My dear girl, you*

⁵ См.: Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 11.05.2025).

can't rely on *strangers* to help you out" [18, p. 155]. Следующее же предложение, оформленное в виде несобственно-авторской речи [19], демонстрирует неожиданное сходство персонажей: "Though, he realized, that was what he had always done" [18, p. 155]. Таким образом, этот контекст подчёркивает параллели в поведении и в некотором смысле даже мировосприятии персонажей, до этого казавшихся совершенно разными.

Наконец, отдельно Sketch Engine выделяет конструкции с глаголом *to be*, которые выглядят как некие формулы: *stranger is X* и *X is a stranger*. Одну из них мы уже рассмотрели ранее: "...*strangers* who were in a way his *familials*, but not, but never, his *intimates*" [18, p. 6]. Второй конструкцией такого типа оказывается следующая: "He supposed that he would visit her in France, if the invitation were to be repeated, but for the time being he would, he knew, be better off on his own, or in the company of those *strangers* who were the unwitting inhabitants of his everyday life" [18, p. 123]. Здесь появляется метафора «*strangers* как обитатели некой среды, которую представляет собой индивидуальная человеческая жизнь».

Употребления конструкции *X is a stranger* вновь подчёркивают отрешённость Пола от окружающих людей. Во 2-й главе встречается следующее предложение: "Fortunately there was no shortage of *strangers*; in fact everyone was a *stranger*" [18, p. 17]. Ощущение одиночества здесь усилено лексическим повтором ключевого слова перед синтаксической паузой. Остальные примеры использования этой конструкции интересны наличием в них слова *suddenly*: "Suddenly they were *strangers* again" [18, p. 30]; "Beside him Sarah was suddenly a *stranger*, apparently attentive to the view beyond the window, no more eager to talk than he was" [18, p. 160]. Подобное использование, относящееся к Вики и Саре – женщинам, при помощи которых Пол надеялся победить своё одиночество (или хотя бы обрести покой), отражает невозможность близости, понимания и сочувствия и неизбежное возвращение к нейтральному статусу *strangers*.

Наконец, обратимся к предложно-именным конструкциям с ключевым словом. В первую очередь, рассмотрим словосочетания с предлогом *of*. Через него обозначается принадлежность к ключевому слову понятий *shortage*, *category*, *neighbourhood*, *kindness*. Из них заслуживает внимания второе словосочетание, которое мы находим в следующем контексте: "Or rather

relegated her [Вики] to the category of *strangers* to which she truly belonged" [18, p. 27]. Здесь интересен выбранный глагол: Оксфордский словарь определяет его как "to give somebody a lower or less important position, rank, etc. than before"⁶. Таким образом, через используемый глагол мы узнаём дополнительный факт о восприятии *strangers* главным героем: это некая неважная, довольно низкая позиция в кругу близости. Ключевое слово *stranger* приобретает адгерентную негативную коннотацию. Учитывая уже известные нам факты и противопоставление статуса *stranger* дружбе, на которую Пол уже не надеется, подобный выбор слов дополнительно подчёркивает пассивность и смирение героя.

Словосочетания с предлогом *with* дополняют это впечатление. Они описывают разные формы взаимодействия с незнакомцами: *contact with strangers*, *conversations with strangers*. Первое из этих сочетаний относится к Полу, а второе – к Вики. Контексты их употреблений ярко демонстрируют разницу между героями. Для Пола контакт с незнакомцами – *final resource*, способ борьбы с одиночеством, причём далеко не первый. Для Вики же это естественный способ существования: "She seemed anxious to talk, although he gave her few cues. She seemed not to need them, to be used to conversations with *strangers*" [18, p. 27]. Здесь привычность подчёркивается грамматической конструкцией *to be used to*.

В заключение стоит также обратить внимание на грамматическое число ключевого слова, вынесенного в заглавие произведения в форме множественного числа. Именно эта форма преувеличивает в романе: из 32 употреблений на неё приходится 23. Девять случаев употребления слова *stranger* в единственном числе почти всегда связаны с конкретными женщинами из жизни Пола: Хеленой ("And it was at such a wedding that he had met his cousin Roland's new wife, Helena, who was thus both a *stranger* and not a *stranger*" [18, p. 18]), Вики ("But this *stranger*, who had sought his advice, seemed to regard him as a normal human being" [18, p. 57]) и Сарой ("Beside him Sarah was suddenly a *stranger*..." [18, p. 160]). Единственным исключением становится словосочетание *that other stranger in the opposite bed*, описывающее соседку Хелены по больничной палате. В связи с Вики также встре-

⁶ См.: Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 11.05.2025).

чается уже рассмотренное нами словосочетание *ideal stranger* – однако на размышления о нём Пола наводит именно присутствие конкретного человека. В остальных же, более отвлечённых рассуждениях *strangers* неизменно используется во множественном числе. Таким образом, создаётся впечатление, что герой окружён подобными людьми, благодаря чему усиливается ощущение его одиночества.

В целом ключевое слово *strangers* в одноимённом романе Аниты Брукнер отличается разнообразием контекстных связей и богатством ассоциаций. Соответствуя ряду критериев ключевых слов, оно раскрывает художественное содержание романа и способствует развитию характера главного героя, создавая определённый фон повествования. Особым средством выразительности является значимое отсутствие ключевого слова, выявляемое благодаря анализу его распределения по тексту. Необходимость этого анализа подчёркивается вынесенностью ключевого слова в сильную позицию текста – заглавие романа. Дополненное частым использованием в сильной позиции начала (как всего произведения, так и отдельных глав), такое авторское решение с первых строк обращает внимание читателя на данную единицу и создаёт условия для эстетического воздействия её отсутствия в определённых эпизодах.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. М. : Флинта, 2019. С. 226–242. (Стилистическое наследие XX века).
2. Богданова О. Ю. Заглавие как семантико-композиционный элемент художественного текста (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 18 с. EDN: WZMRWE
3. Кржижановский С. Поэтика заглавий. М. : Никитинские субботники, 1931. 32 с.
4. Кольцова Л. М., Лунина О. А. Художественный текст в современной лингвистической парадигме. Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2007. 51 с. EDN: ZXTZQB
5. Николина Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие. 3-е изд. стер. М. : Академия, 2008. 272 с. (Высшее профессиональное образование. Педагогические специальности). EDN: QTIKJR
6. Фонякова О. И. Ключевые слова в художественном тексте // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1985. Vol. 34, iss. A33. P. 141–145.
7. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Л. : Проповедование, 1978. 327 с.
8. Задорнова В. Я., Захарова А. В. Роль ключевых слов в организации художественного текста (на материале романа О. Уайлда «Портрет Дориана Грея») // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27, № 4. С. 21–31. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-2>, EDN: AUHGMK
9. Задорнова В. Я. Слово в художественном тексте // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. Вып. 29 / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2005. С. 115–125. EDN: UBCUDD
10. Leech G. Language in Literature: Style and foregrounding. London : Routledge, 2008. 234 p. <https://doi.org/10.4324/9781315846125>
11. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности // Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. М. : Флинта, 2019. С. 205–214. (Стилистическое наследие XX века).
12. Mahlberg M., Wiegand V. Corpus stylistics, norms and comparisons: Studying speech in Great Expectations // Rethinking Language, Text and Context: Interdisciplinary Research in Stylistics in Honour of Michael Toolan / eds. R. Page, B. Busse, N. Nørgaard. London : Routledge, 2018. P. 123–143.
13. Mahlberg M., Stockwell P., Joode J. de, Smith J. C., O'Donnell M. B. CLiC Dickens: Novel uses of concordances for the integration of corpus stylistics and cognitive poetics // Corpora. 2016. Vol. 11, iss. 3. P. 433–463. <https://doi.org/10.3366/cor.2016.0102>
14. Задорнова В. Я. Стилистика английского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : МАКС Пресс, 2024. 108 с. EDN: KADLHY
15. Baker P. Using corpora in discourse analysis. London : Continuum, 2006. 198 p.
16. Duguid A. Newspaper discourse formalisation: A diachronic comparison from keywords // Corpora. 2010. Vol. 5, iss. 2. P. 109–138. <https://doi.org/10.3366/cor.2010.0102>
17. Partington A., Duguid A., Taylor C. Patterns and meanings in discourse: Theory and practice in corpus-assisted discourse studies. Amsterdam : John Benjamins, 2013. 372 p.
18. Brookner A. Strangers. London : Fig Tree, 2009. 201 p.
19. Зайцева Е. И. Эстетически обусловленное членение абзаца в английской художественной прозе : дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 178 с.

Поступила в редакцию 31.05.2025; одобрена после рецензирования 13.07.2025; принятая к публикации 01.09.2025
The article was submitted 31.05.2025; approved after reviewing 13.07.2025; accepted for publication 01.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 385–393

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 385–393

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-385-393>, EDN: GDBFQB

Научная статья
УДК 811.161.1'373.43

Семантическая неологизация в рамках лексико-семантической группы «Наименования коронавирусных штаммов-мутантов»

М. А. Калинина¹, М. А. Захарова²✉

¹Волгоградский государственный медицинский университет, Россия, 400131, г. Волгоград, площадь Павших Борцов, д. 1

²Волгоградский государственный институт искусств и культуры, Россия, 400001, г. Волгоград, ул. Циолковского, д. 4

Калинина Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и латинского языков, ma-kalinina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0155-5708>

Захарова Мария Алексеевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, forestwell@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2856-1254>

Аннотация. В статье описана семантическая неологизация в пределах лексико-семантической группы «Наименования коронавирусных штаммов-мутантов» как части лексико-семантического поля «Новая коронавирусная инфекция». Актуальность статьи обусловлена введением в оборот лексических единиц, еще не изучавшихся в рамках обозначенной темы. Цель статьи – предложить параметры классификации репрезентантов вышеназванной лексико-семантической группы и провести компонентный анализ собранного материала, что является основным методом, используемым в статье. Предложены такие параметры классификации языковых единиц внутри рассматриваемой лексико-семантической группы, как соотнесенность лексем со штаммами коронавируса (штаммы, возникшие вследствие мутаций; штаммы, различающиеся ареалом происхождения, распространения и контагиозности) и тип семантического развития (семантическая деривация или вторичное заимствование). Определены и системно проанализированы отдельные гиперо-гипонимические парадигмы. Рассмотрены следующие способы образования семантических неологизмов: метафорический перенос – доминантный тип; семантический синкретизм; паронимическая аттракция. При рассмотрении неологизмов, образованных на базе метафорического переноса, анализируются лексические единицы, семантически производные от наименований мифических хтонических существ с коннотациями ‘чудовище’, ‘угроза’, ‘опасность’, ‘смерть’, ‘гибрид’, ‘раздор’, ‘борьба’. Семантический синкретизм рассматривается как приращение смысла исходной лексемы. В статье затронут деривационный потенциал паронимической аттракции в области обозначений новых штаммов коронавируса. Уделено внимание влиянию политкорректности на особенности образования (мотивации) семантических неологизмов. С опорой на энциклопедические справки, представленные на портале «Новое в русской лексике», отмечено, что штаммы, выявленные в определенных странах, называются в соответствии с буквами греческого алфавита и теряют потенциально стигматизирующую связь с обозначением этих стран.

Ключевые слова: коронавирус, лексико-семантическая группа, семантическая деривация, вторичное заимствование, семантический синкретизм, паронимическая аттракция, политкорректность

Для цитирования: Калинина М. А., Захарова М. А. Семантическая неологизация в рамках лексико-семантической группы «Наименования коронавирусных штаммов-мутантов» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 385–393. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-385-393>, EDN: GDBFQB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The development of semantic neologisms within the lexico-semantic group “The denominations of mutant coronavirus strains”

М. А. Калинина¹, М. А. Захарова²✉

¹Volgograd State Medical University, 1 Pavshikh Bortsov Sq., Volgograd 400131, Russia

²Volgograd State Institute of Arts and Culture, 4 Tsiolkovskogo St., Volgograd 400001, Russia

Marina A. Kalinina, ma-kalinina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0155-5708>

Mariya A. Zakharova, forestwell@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2856-1254>

Abstract. The article describes semantic neologisation within the lexico-semantic group “The denominations of mutant coronavirus strains” as part of the lexico-semantic field “The new coronavirus infection”. The relevance of the article is determined by bringing into clear focus the lexical units that have not yet been analyzed within the designated topic. The paper aims at introducing the parameters according to which the linguistic units within the aforementioned lexico-semantic group can be classified, and at conducting a systemic componential analysis of the

collected material, which lays the methodological basis for the paper. The lexical material is analyzed according to the following parameters: the designation of particular coronavirus strains (mutant strains, strains different by origin, spread and contagiousness) and the type of semantic development (semantic derivation or secondary borrowing). Certain hypero-hyponymic paradigms are singled out and carefully analyzed. The following ways of semantic neologisation are described: metaphoric shift – the dominant one; semantic syncretism; paronymic attraction. As far as the metaphoric shift is concerned, the paper analyzes the lexical units based on the names of mythical chthonic creatures evoking such connotations as 'monster', 'threat', 'danger', 'death', 'hybrid', 'discord', 'strife'. Semantic syncretism is considered as semantic addition to the meaning of the original lexeme. The paper touches upon the derivational potential of paronymic attraction in the names of new coronavirus strains. The article also considers the issue of political correctness which determines the motivational basis for semantic neologisms. According to the encyclopedic notes on the site "New in the Russian vocabulary", strains detected in particular countries are named with Greek letters so that those countries are not stigmatized.

Keywords: coronavirus, lexico-semantic group, semantic derivation, secondary borrowing, semantic syncretism, paronymic attraction, political correctness

For citation: Kalinina M. A., Zakharova M. A. The development of semantic neologisms within the lexico-semantic group "The denominations of mutant coronavirus strains". *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 385–393 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-385-393>, EDN: GDBFQB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение. Постановка проблемы

Лингвисты регулярно обращаются к вопросам, касающимся динамики языка, а также способам языковой репрезентации явлений, соответствующих эпохе. Так, пандемия новой коронавирусной инфекции 2020 г., повлекшая за собой кардинальные перемены в жизни общества, а также вызвавшая «колossalную языковую продуктивность во многих языках мира» [1, с. 101], стала объектом рассмотрения в целом ряде исследований [2–8]. Несмотря на временную дистанцию в пять лет, связанные с коронавирусом языковые аспекты по-прежнему привлекают внимание специалистов. Традиционно выделяя экстралингвистические и собственно лингвистические факторы, языковеды описывают, анализируют и прогнозируют развитие языка коронавирусной и посткоронавирусной эпохи. Данное исследование не стало исключением.

Предметом рассмотрения в настоящей статье стали семантические неологизмы, связанные с коронавирусной инфекцией и зафиксированные в период 2020–2024 гг. (по материалам сайта «Новое в русской лексике»¹ и «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» [9]). Чтобы внести терминологическую ясность, определим семантический неологизм как единицу, возникшую в результате семантической деривации или вторичного заимствования. Многие неологизмы лексико-семантического поля «Новая коронавирусная инфекция» периода 2020–2024 гг. появляются вследствие семантической деривации, которая понимается

нами как «множество различного рода преобразований, в том числе процесс приобретения словом дополнительных значений в результате переносов наименования (метафорического, метонимического, функционального), а также изменение семантического объема слова» [10, с. 92]. Семантический неологизм может представлять собой как новый лексико-семантический вариант (далее – ЛСВ) многозначного слова, так и омоним, если рассматривать «семантическую деривацию как семантический способ образования новых слов» [11, с. 65]. И. М. Некипелова разграничивает понятия «семантическая деривация» (образование новых ЛСВ) и «семантическое словообразование» (образование омонимов) [12, с. 34–37]. Результаты обоих процессов: семантической деривации и семантического словообразования – более ярко проявляются в диахронии, чем в синхронии, так как для квалификации определенных языковых единиц как значений многозначного слова или омонимов необходимо достаточное количество соответствующих контекстов употребления. Мы осознаем спорность вопроса, связанного с квалификацией исследуемых нами семантических неологизмов, которые могут быть описаны как ЛСВ определенных лексем, уже существующих в русском языке, так и как омонимы – единицы, только формально тождественные определенным лексемам, уже существующим в русском языке. Определение лексического статуса единиц, составляющих лексико-семантическую группу «Наименования коронавирусных штаммов-мутантов», в большей мере связано с лексикографической практикой и не является конечной целью настоящего исследования.

¹ Новое в русской лексике. URL: <https://neolex.iling.spb.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

Семантические неологизмы поля «Новая коронавирусная инфекция» демонстрируют значительный семантический и деривационный (в разных смыслах) потенциал. Например, лексема **корона**, ставшая словом-символом пандемии коронавируса, представляет собой деривационное слово, производное от **коронавирус**, поскольку «деривационное поле данного слова объединяет всю совокупность непосредственно производных от него слов» [13, с. 13]. Помимо фиксированных словарями производных **коронакризис**, **коронаскептик**, **коронасленг**², указанная лексема является элементом других дериватов: **коронабесие**, **корона-равнодушный**, **корона-саммит**, **корона-тусовка**, **антикорона**. Выделению данной части слова в отдельную лексему способствовало не только стремление к экономии речевых усилий носителей языка, но и внешнее сходство, которое легло в основу названия вируса: его шиповидные отростки напоминают солнечную корону (ср. **корона** ‘3) светлый ореол вокруг солнца, видимый во время солнечного затмения’ [14, т. 8, с. 479]). Усечение **корона** может либо включаться в существующую парадигму значений и привести к образованию еще одного ЛСВ, либо стать омонимом. Мы склоняемся ко второй точке зрения, поскольку **корона** (как производное от **коронавирус**) образует неологическое поле – систему лексических инноваций, характеризующихся «определенной структурой, иерархичностью природы, семантической общностью составляющих элементов, выполняющих в языке единые функции и распределяющихся между центральной частью системы и ее периферией» [15, с. 148–149], и, как было отмечено выше, является деривационным словом.

Более детально семантическое развитие лексемы **корона** описано в коллективной монографии «Русский язык коронавирусной эпохи» [2, с. 103–112]. Пополнив словарный состав русского языка многочисленными лексемами, символ **пандемии** устанавливает все новые и новые деривационные связи, подтверждая свой значительный семантический и словообразовательный потенциал. Семантические процессы, связанные с функционированием лексем **корона** («новая омонимия»), **самоизоляция** («новая полисемия») и **вирус** («неизуальное изменение объема семантики»), подробно проанализированы в

работе [16, с. 66–70]. В настоящее время, спустя пять лет после пандемии новой коронавирусной инфекции, появился целый пласт неологизмов, которые на данный момент практически не описаны в научной литературе. Этим определяется **актуальность** нашей работы. **Цель** настоящего исследования – путем классификации наименований коронавирусных штаммов-мутантов выявить структурно-семантические процессы, лежащие в основе семантической неологизации.

Материалы и методы

Материалом для настоящего исследования стали семантические неологизмы, полученные методом сплошной выборки с сайта «Новое в русской лексике», в общем количестве 73 единицы. Отобранный материал был подвергнут компонентному анализу по таким лексико-семантическим параметрам, как соотнесенность лексем со штаммами коронавируса (штаммы, возникшие вследствие мутаций; штаммы, различающиеся ареалом происхождения, распространения и контагиозности) и тип семантического развития: семантическая деривация или вторичное заимствование.

Дефиниции производных лексем приводятся по материалам портала «Новое в русской лексике»³, дефиниции производящих лексем – по «Большому академическому словарю русского языка» [14], «Мифологическому словарю» под редакцией Е. М. Мелетинского [17], а также по данным электронной версии энциклопедии «Britannica»⁴. Обращение к англоязычному ресурсу обусловлено тем, что достаточно большое число анализируемых неологизмов представляет собой вторичные заимствования из английского языка как языка международного общения. Обращение к «Мифологическому словарю» продиктовано тем, что названия отдельных штаммов являются заимствованиями и мотивированы интернациональными названиями мифологических существ.

Результаты исследования

1. Общая характеристика ЛСГ «Коронавирусные штаммы-мутанты»

Основой ЛСГ «Коронавирусные штаммы-мутанты» является гиперо-гипонимиче-

² Орфографический академический ресурс «Академос». URL: <https://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

³ См.: Новое в русской лексике.

⁴ Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 10.03.2025).

ская парадигма с вершиной **мутант**. Лексические единицы, максимально представляющие

ЛСГ «Коронавирусные штаммы-мутанты», даны в таблице.

Лексико-семантическая группа «Наименования коронавирусных штаммов-мутантов»

Названия штаммов по их связи с ареалами появления	Названия штаммов по количеству мутаций	Обозначения штаммов посредством букв греческого алфавита, отражающие последовательность появления этих штаммов	
британец (тж. британский штамм, британский мутант)	Мутант двойной мутант тройной мутант	α-вариант, альфа-вариант, альфа-ковид, ковид-альфа, альфа-штамм	альфа
южноафриканский мутант (тж. южноафриканский штамм)		β-вариант, бета-вариант, бета-штамм, бета-ковид, ковид-бета	бета
бразильский мутант (тж. бразильский штамм)		γ-вариант, гамма-вариант, гамма-ковид, ковид-гамма, гамма-штамм	гамма
индиец, индийский мутант (тж. индийский штамм)		δ-вариант, дельта-вариант, дельта-штамм, дельта-ковид; дельта-плюс, дельта-линия	дельта
		ιота-штамм, ιота-ковид	ιота
		κаппа-штамм	κаппа
		λямбда-штамм, λямбда-вариант, λямбда-вариация, λямбда-ковид	λямбда
		οмикрон-вариант, οмикрон-вариация, οмикрон-версия, οмикрон-модификация, οмикрон-разновидность, οмикрон-тип, οмикрон-штамм, κовид-οмикрон, οмикрон-коронавирус, οмикрон-мутация	οмикрон
		εпсилон-штамм, εпсилон-вирус	εпсилон

Штаммы, обозначения которых вошли в указанную таблицу, имеют особую контагиозность и высокую степень распространения (согласно дефинициям и энциклопедическим справкам, представленным на портале «Новое в русской лексике»⁵). В первой колонке таблицы представлены однословные семантические неологизмы, а также их аналоги – словосочетания с опорным словом **мутант** и модифицирующими определениями (словосочетания такого типа даны и во второй колонке). В третью колонку к собственно семантическим неологизмам добавлены словообразовательные варианты (сложения с префиксOIDами).

Первая отличительная черта материала, представленного в таблице, – лексическая избыточность. М. Н. Приемышева отмечает: «Эти оба процесса – активное словообразование и словотворчество и его скорость и интенсивность – привели к первому важнейшему лингвисти-

ческому следствию: к колоссальной избыточности нового языкового материала в лексико-семантической системе русского языка и, как следствие, к дублетности, к нетрадиционной широкой вариативности единиц разного уровня (от графической до семантической)» [18, с. 19].

Неологизмы, входящие в ЛСГ «Коронавирусные штаммы-мутанты», вступают в синонимические и гиперо-гипонимические связи. Вершиной наиболее крупной гиперо-гипонимической парадигмы в составе рассматриваемой ЛСГ является лексема **мутант** ‘(проф., разг.) новый (как правило, более заразный, агрессивный и т. п.) штамм коронавируса SARS-CoV-2, появившийся в результате мутации’ [9, с. 191]. В данную парадигму можно включить две лексемы:

- **британец** ‘(разг.) штамм коронавируса SARS-CoV-2, впервые выявленный в Великобритании’ (синонимы – **альфа-штамм, альфа**) [9, с. 30],

⁵ См.: Новое в русской лексике.

• **индиец** '(разг.) штамм коронавируса SARS-CoV-2, впервые выявленный в Индии и в течение 2021 г. получивший распространение в большинстве стран мира, предположительно отличающийся от исходного варианта вируса большей заразностью и способностью вызывать более стремительное протекание болезни' (синонимы – **дельта-штамм, дельта**)⁶.

Немногочисленность подобного рода наименований объясняется решением именовать штаммы коронавируса буквами греческого алфавита, что продиктовано политкорректностью, т. е. отсутствием негативных оценочных коннотаций, которые могут быть связаны со странами в том случае, если в названии штамма обозначен первичный ареал распространения вируса⁷. На наш взгляд, данные неологизмы можно отнести к синкетичным. С одной стороны, указанные лексемы можно рассматривать как словообразовательные дериваты, образованные по следующей модели:

британ(ский штамм) + **-ец** → **британец**,
индий(ский штамм) + **-ец** → **индиец**.

Тогда обозначения штаммов могут быть омонимичны обозначениям представителей указанных этносов (словообразовательные

омонимы). С другой стороны, анализируемые лексемы можно рассматривать как семантические дериваты с архисемой 'штамм', где отмечаются метонимические контекстуальные приращения смысла у этнонимов **британец** и **индиец** (семантическая мотивация).

Во-вторых, в гиперо-гипонимическую парадигму с вершиной **мутант** входят обозначения штаммов – словосложения, образованные по следующей модели: префиксOID, выраженный буквой греческого алфавита или ее названием + лексема **вариант** (назовем его «**буква+вариант**»). Гипонимы, образованные по данной модели, составляют большую часть представленного в таблице материала.

Семантические производные от обозначенений греческих букв стилистически маркированы (*разговорное, профессиональное*)⁸ и обозначают наиболее известные в медийном пространстве штаммы. Анализ дефиниций позволяет заключить, что в семантиках некоторых подобных наименований⁹ происходит семантическая деривация – развитие новых значений на основе метонимического переноса, т. е. гипонимы рассматриваемой парадигмы обладают эпидигматическим потенциалом:

дельта ‘1) (разг.) штамм коронавируса SARS-CoV-2, впервые выявленный в Индии и в течение 2021 г. получивший распространение в большинстве стран мира, предположительно отличающийся от исходного варианта вируса большей заразностью и способностью вызывать более стремительное протекание болезни’	→ ‘2) (разг.) заболевание COVID-19, вызванное данным штаммом’
омикрон ‘1) (проф., разг.) штамм коронавируса SARS-CoV-2, впервые выявленный в Ботсване и ЮАР в ноябре 2021 г. и затем начавший стремительно распространяться по миру, предположительно отличающийся от исходного варианта вируса большей заразностью’	→ ‘2) (разг.) инфекционное респираторное заболевание (COVID-19), вызванное данным штаммом’ → ‘3) о распространении омикрон-штамма коронавируса SARS-CoV-2. Экономические последствия омикрона не ограничиваются инфляцией <загл.>’.

Помимо широкой вариативности наименований штаммов коронавируса и семантической разветвленности семантическим **дельта** и **омикрон**, в рамках собранного нами материала можно выделить гиперо-гипонимические парадигмы с вершинами **дельта-линия** и **омикрон**.

⁶ См.: Новое в русской лексике.

⁷ Там же.

2. Способы образования семантических неологизмов, обозначающих коронавирусные штаммы-мутанты (на примере подвариантов штамма «омикрон»)

Рассмотрим гиперо-гипонимическую парадигму с вершиной **омикрон** (не представлена

⁸ См.: Новое в русской лексике.

⁹ Там же.

в таблице). Названия разновидностей данного штамма представляют собой семантические неологизмы, образованные следующими способами:

- 1) на основе метафорического переноса;
- 2) на основе семантического синкремизма;
- 3) на основе паронимической аттракции.

2.1. Названия подвариантов омикрона, образованные на основе метафорического переноса

Согласно энциклопедической справке, представленной на портале «Новое в русской лексике», отдельные варианты штамма омикрона были названы в честь мифологических существ канадским биологом-эволюционистом Р. Грегори в 2022 г.¹⁰ В русском языке подобные названия данных штаммов омикрона являются результатом вторичного заимствования, т. е. семантическая деривация начинается в языке-источнике (английском), однако благодаря интернациональному характеру образов мифологических существ (мифологических концептов-универсалей) в подавляющем большинстве случаев находит семантическое подкрепление и в лексической системе русского языка. Данные семантические заимствования со временем могут закрепиться в русском языке на правах отдельных ЛСВ соответствующих русских лексем, т. е. результат их семантической деривации в языке-источнике на базе метафоры будет отражен в семантиках соответствующих русских слов.

Многочисленные примеры рассматриваемой группы семантических заимствований касаются неофициальных обозначений геновариантов **омикрона**, появившихся на основе мифологем. Метафорический перенос у некоторых из них осуществляется на основе коннотативных сем ‘угроза’, ‘враждебность’, ‘опасность’, ‘смерть’:

- **грифон** – ‘подвариант (XBB) омикрона-штамма коронавируса SARS-CoV-2, выявленный в 2022 г.’¹¹

← **грифон(ы)** «в греческой мифологии чудовищные птицы с орлиным клювом и телом льва» [17, с. 162];

- **кракен** – ‘подвариант (XBB.1.5) омикрона, штамма коронавируса SARS-CoV-2, впервые обнаруженный 22 октября 2022 г. в США и характеризующийся быстрым распространением и тяжелым течением вызываемой им болезни’¹²

¹⁰ См.: Новое в русской лексике.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

← **кракен** – ‘морское чудовище из скандинавских легенд, образ которого, вероятно, навеян гигантскими кальмарами и осьминогами’¹³;

- **тифон** – ‘одна из разновидностей омикрона-штамма коронавируса SARS-CoV-2’¹⁴

← **тифон** – ‘в греческой мифологии ... хтоническое териоморфное существо’ [17, с. 529];

- **цербер** – ‘подвариант (BQ.1.1) омикрона, штамма коронавируса SARS-CoV-2, выявленный в октябре 2022 г. в Великобритании и характеризующийся быстрым распространением’¹⁵

← **цербер (кербер)** – ‘в греческой мифологии пес, страж Аида – царства мертвых’ [17, с. 29, 281].

Отдельно рассмотрим семантический неологизм **кентавр** ‘подвариант (BA 2.75) омикрона, штамма коронавируса SARS-CoV-2, появившийся в Индии в мае 2022 г., имеющий черты штамма дельта и характеризующийся быстрым распространением и невосприимчивостью к антителам других вариантов омикрона’¹⁶. Для семантического развития данной семантической опоры стало понятие ‘гибрид’, связанное с мифологемой **кентавр(ы)** – ‘в греческой мифологии дикие существа, полулюди-полукони, обитатели гор и лесных чащ; отличаются буйным нравом и невоздержанностью’ [17, с. 280].

Кроме названий мифологических существ, семантическая деривация на основе метафорического переноса наблюдается у лексемы **ниндзя** ‘(неизм.) подвариант омикрона, штамма коронавируса SARS-CoV-2, объединяющий сублинии BA.4 и BA.5, выявленный в мае 2022 г. и характеризующийся быстрым распространением и невосприимчивостью к антителам переболевших другими вариантами омикрона’¹⁷. В основе переноса лежат, по-видимому, коннотации ‘стремительность’, ‘неуязвимость’: в энциклопедии «Британника» определение боевого искусства **ниндзюцу**, которому обучались ниндзя, включает следующие умения: ‘маскировка (disguise, concealment), escape (ускользание, букв. побег, выход)’¹⁸. Как и в случае с неологизмами, семантически мотивированными обозначениями мифологических существ, семантическое заимствование **ниндзя** находит подкрепление в лексической системе русского языка за счет дифференциальных и коннотативных сем и имеет шанс со временем

¹³ См.: Encyclopedia Britannica.

¹⁴ См.: Новое в русской лексике.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Encyclopedia Britannica.

получить статус оттенка значения или отдельного ЛСВ соответствующей русской лексемы:

• **ниндзя** – ‘в средневековой Японии – человек, мастерски владеющий искусством тайного перемещения и маскировки’ [14, т. 12, с. 441], коннотации: ‘неуловимость’, ‘неуязвимость’.

2.2. Названия подвариантов омикрона, образованные на основе семантического синкетизма

Ко второй группе семантических неологизмов мы относим слова, образованные в результате семантического синкетизма – процесса «приращения смыслов» [12, с. 39]. В качестве производящих лексем выбираются наименования небесных тел, у названий которых, на наш взгляд, синкетичность проявляется в расширении семантического объема за счет ‘искусственного’, безассоциативного наращения смыслов. Примеры семантических неологизмов данного типа немногочисленны:

• **пирола** – ‘штамм коронавируса SARS-CoV-2, подвид (BA.2.86) омикрон-штамма, возникший в результате многочисленных мутаций и отличающийся невосприимчивостью к вакцинам; выявлен в августе 2023 г.’ (неофициальное название – в честь астероида 1082 Пирола)¹⁹;

• **рыбы** – ‘подвариант стелс-омикрона (подвариант линии BA.2.10), штамма коронавируса SARS-CoV-2, характеризующийся быстрым распространением и выявленный в Индии в 2022 г.’ (Omicron Piscium – название одной из звезд созвездия Рыб)²⁰; название, по-видимому, основано на формальном совпадении обозначений звезды и коронавирусного штамма;

• **арктур** – ‘подвариант (XBB.1.16) омикрона, штамма коронавируса SARS-CoV-2, характеризующийся быстрым распространением и выявленный в марте 2023 г. в Индии’ (предположительно от имени собственного «Арктур» – названия звезды в созвездии Волопаса)²¹. Название, по-видимому, дано по аналогии с обозначением **рыбы**.

На наш взгляд, представленные выше наименования имеют шанс остаться в качестве омонимов к соответствующим русским лексемам – именам собственным.

2.3. Названия подвариантов омикрона, образованные на основе паронимической аттракции

К третьей группе относятся семантические неологизмы, возникшие в результате пароними-

ческой аттракции, которая находит свое отражение не только в поэтической функции языка [19, с. 200], но и в неологии. В современной лингвистике встречаются многочисленные исследования, рассматривающие паронимическую аттракцию как стилистический прием и элемент языковой игры. В основе данного языкового процесса лежит «механизм взаимопрятяжения паронимов в рамках определенной речевой ситуации, силой притяжения которых является созвучие и между которыми возникают гибкие смысловые связи, источником которых выступают ассоциации и мысленные представления индивидуального сознания» [20, с. 42].

Паронимическая аттракция, понимаемая как «семантическое уподобление сходных по форме единиц» [19, с. 200], в рассматриваемой группе штаммов **омикрона** представлена двумя примерами – лексемами **юнона/дженни** ‘подвариант (JN1, мутация штамма BA.2.86 – пирола) омикрона, выявленный в ноябре 2023 г. и характеризующийся быстрым распространением’²² и **флирт** ‘подвариант (KP.2) омикрона, штамма коронавируса SARS-CoV-2, характеризующийся быстрым распространением; такая группа штаммов’²³.

Согласно энциклопедической справке, неофициальное название **юнона** (англ. *Juno*) появилось в иностранных социальных сетях как результат неформального прочтения терминологической аббревиатуры *JN1*, название **дженни** зафиксировано в русскоязычных СМИ²⁴. В данном случае объектом паронимической аттракции является римское имя богини Геры – **Юнона**.

Штамм **флирт** «назван так по маркерным аминокислотным заменам *F*, *L*, *R* and *T* [FLiRT] в его последовательности» (Russia24. pro 20.05.2024)²⁵ и представляет собой омоним к литературному слову **флирт** ‘любовная игра, кокетство’ [21, т. 4, с. 571]. Однако, в отличие от названия **юнона** / **дженни**, лексема **флирт** обладает достаточным деривационным (в широком смысле) потенциалом, чтобы стать частью языковой игры, например, основанных на омонимии каламбуров. Кроме того, по сравнению с **дженни** / **юноной**, у лексемы **флирт** можно отметить детализацию семантики: она обозначает не только сам подвариант омикрона, но и соответствующую подгруппу штаммов.

¹⁹ См.: Новое в русской лексике.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Заключение

Языковые единицы, составляющие ЛСГ «Наименования коронавирусных штаммов-мутантов», обозначают разновидности данной инфекции в соответствии с ареалом происхождения, а также указывают на их особую контагиозность и высокую степень распространения, что отражено в дефинициях рассматриваемых лексем (по материалам портала «Новое в русской лексике»).

Первые фиксируемые наименования штаммов: **британец, индиец** – связаны с локализацией распространения штамма и могут оцениваться как семантические и/или словообразовательные производные в зависимости от широты лексического контекста, в котором рассматриваются данные единицы. Однако подобные названия содержат негативные оценочные коннотации, которые могут привести к стигматизации стран, на территории которых впервые были выявлены соответствующие штаммы коронавируса. Руководствуясь именно принципом политической корректности, в дальнейшем эксперты называли штаммы коронавируса буквами греческого алфавита (**альфа, бета, гамма** и т.д.) и их дериватами, группа которых, по нашим подсчетам, является самой многочисленной (47 единиц).

Наиболее продуктивным способом семантической неологизации в рамках рассмотренной ЛСГ является метафорический перенос (**грифон, кракен, тифон** и т.п.) через актуализацию коннотативных сем негативной оценки, связанных в основном с образами хтонических существ или богов, а также с хаосом и конфликтами. Следует отметить, что большая часть лексем является продуктом вторичного заимствования, при этом находит семантическую поддержку в системе русского языка.

Использование в качестве мотивационной базы интернациональных образов мифологических существ или сословий, образ которых также мифологизирован в массовом сознании (**ниндзя**), продуктивно не только по причине прозрачности семантической мотивации, но также в связи с политической корректностью.

Менее продуктивными при семантической неологизации (номинации коронавирусных штаммов-мутантов) являются пути семантического синкретизма (**пирола, рыбы, арктур**) и паронимической аттракции (**юнона / джен-**

ни, флирт). Однако, несмотря на малочисленную репрезентацию данных способов семантической неологизации в лексико-семантической группе наименований штаммов коронавирусной инфекции, мы считаем, что именно паронимическая аттракция обладает значительным деривационным потенциалом в рассматриваемом лексико-семантическом поле, поскольку продиктована попытками систематизировать представления о мире через аналогию и словотворчество, а также стремлением к языковой игре.

Список литературы

- Громенко Е. С. Корона как ключевое слово русского языка коронавирусной эпохи // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021. С. 101–112. EDN: DSINET
- Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021. 610 с. EDN: PZXQOJ
- Катермина В. В., Липириди С. Х. Лингвокультурный аспект новой лексики пандемии коронавируса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 2. С. 49–59. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-2-49-59>, EDN: RBIIOF
- Катермина В. В., Липириди С. Х. Лексика пандемии коронавируса как отражение эволюции социума // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 95–105. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-1-95-105>, EDN: LEWQLL
- Громенко Е. С. «Коронный» потенциал русского языка начала 2020-х годов // Новые слова и словари новых слов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Козловская. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2020. С. 45–66. EDN: NQFCQL
- Левина С. Д. Новая глагольная лексика в русском языке периода пандемии // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021. С. 419–429. EDN: PSAQDN
- Приемышева М. Н. Лингвокреативный потенциал русской разговорной речи (по материалам «Словаря русского языка коронавирусной эпохи») // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 3 (41). С. 279–294. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2024.3.22>, EDN: JDVSZY
- Зайцева И. П. «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidphobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 801–813. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).801-813](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).801-813), EDN: PIHHUL

9. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с. EDN: IAXIOE
10. Калинина М. А. Эпидигматическое освоение галлизмов в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 271 с. EDN: NNUBWP
11. Варламова М. Ю. Омонимия как результат семантической деривации в пределах наименований лица // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12, № 3. С. 65–68. EDN: IBBKCH
12. Некипелова И. М. К вопросу о разграничении понятий *семантическая деривация и семантическое словообразование* в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2 (14). С. 33–46. EDN: MJXTOL
13. Голев Н. Д., Шкурапацкая М. Г. Спецификация и деривационное слово в системе понятий деривационной лексикологии // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2002. № 2-2. С. 13–17. EDN: PYVPZT
14. Большой академический словарь русского языка / под ред. Д. И. Балахоновой. М. ; СПб. : Наука, 2004 –.
15. Сенько Е. В. Современные процессы в лексике русского литературного языка : учеб. пособие. Владикавказ : Северо-Осетинский гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 2016. 151 с. EDN: WEJMYX
16. Радбиль Т. Б., Рацбурская Л. В., Палоши И. В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-63-79>, EDN: AAVDRN
17. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Советская энциклопедия, 1990. 672 с. EDN: SGUNCF
18. Приемышева М. Н. Ковидный лексикон русского языка: тенденции динамики лексико-семантической системы в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2021. С. 16–51. EDN: OABBLD
19. Кузнецова И. Н. О паронимической аттракции во французской фразеологии // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2020. № 30. С. 200–201. EDN: IZDUKN
20. Конева Е. А. Паронимия – парономазия – паронимическая аттракция: трактовка понятий // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 2 (21). С. 39–43. EDN: UQYGMG
21. Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. 3-е изд., стер. Т. 4. М. : Русский язык, 1988. 796 с.

Поступила в редакцию 11.03.2025; одобрена после рецензирования 22.04.2025; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted 11.03.2025; approved after reviewing 22.04.2025; accepted for publication 01.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 394–403

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 394–403

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-394-403>, EDN: JLKPNN

Научная статья

УДК 811.161.1'373.611

Прагматонимы-наименования стоматологических товаров: особенности образования

М. И. Носачёва

Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Носачёва Марина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и латинского языков, sgu0308@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6734-0067>

Аннотация. Объектом исследования впервые являются прагматонимы-наименования стоматологических товаров. В качестве предмета исследования рассматривается словообразовательный аспект. Цель – выявление способов образования рассматриваемых прагматонимов с учётом их специфики – промежуточного положения между товарами широкого потребления и товарами медицинского назначения. В ходе исследования было установлено соответствие между особым положением стоматологических прагматонимов среди других товаров, с одной стороны, и медицинских товаров, с другой стороны, и спецификой используемых способов их образования. Так, для образования данных прагматонимов широко используются лексико-семантический (онимизация и трансонимизация) и лексико-синтаксический способы (образование прагматонимов-словосочетаний и предложений), типичные для создания прагматонимов-наименований других групп товаров, а также нейминга других рекламных имён. С другой стороны, близость товарам лекарственного назначения обуславливает обращение к продуктивным моделям медицинского терминообразования, что предопределяет доминирование словосложения и сложносокращённого способов, в том числе с использованием отрезков греко-латинского происхождения. Среди выявленных групп способов преобладают морфологические (26,4%), лексико-синтаксические (22,5%), а также морфолого-синтаксические (17,1%) способы образования прагматонимов; 12,5% исследуемых единиц образованы комплексными способами (лексико-семантическим или лексико-синтаксическим в сочетании с одним из морфологических или морфолого-синтаксических способов). Прагматонимы, образованные особыми способами – нумерализацией, с использованием графических или математических символов, немногочисленны, их доля составляет 1,0%. Прагматонимы с непрозрачной внутренней формой слова (5,0%) составляют отдельную группу в связи с невозможностью определить способ их образования.

Ключевые слова: прагматонимы, стоматологические товары, способы образования

Для цитирования: Носачёва М. И. Прагматонимы-наименования стоматологических товаров: особенности образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 394–403. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-394-403>, EDN: JLKPNN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Pragmatonyms-names of dental products: Features of formation

M. I. Nosacheva

V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia

Marina I. Nosacheva, sgu0308@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6734-0067>

Abstract. The object of the study is pragmatonyms-names of dental products. As the subject of study the word-formation aspect is considered. The aim is to identify the ways of how the pragmatonyms are formed, taking into account their specific nature – the intermediate position between consumer goods and medical goods. In the course of research it was established that there is a correlation between the special position of dental pragmatonyms among other products, on the one hand, and medical products, on the other hand, and the specific nature of the ways of their formation. Thus, lexical-semantic (onimization and transonimization) and lexical-syntactic methods (formation of pragmatonyms – word groups and sentences), typical for the formation of pragmatonyms-names of other groups of goods, as well as other advertising names are widely used. On the other hand, the proximity to the medicinal products determines the recourse to productive models of medical terminological formation, which predetermines the dominance of compounding and clipping, including the use of Greek and Latin components. Among the identified groups of methods, morphological (26.4%), lexical-syntactic (22.5%) and morphological-syntactic (17.1%) methods for the formation of pragmatonyms predominate; 12.5% of the studied units are formed by the complex ways (lexical-semantic or lexical-syntactic combined with one of morphological, morphological-syntactic ways). Pragmatonyms formed by special means – numbering, using graphic or mathematical symbols – are few, their share is 1,0%. Pragmatonyms with opaque internal word-form (5.0%) comprise a separate group because of the inability to determine the way of their formation.

Keywords: pragmatonyms, dental products, ways of word-formation

For citation: Nosacheva M. I. Pragmatonyms-names of dental products: Features of formation. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 21, iss. 3, pp. 394–403 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-394-403>, EDN: JLKPNN
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Ежедневное появление новых товаров, характеризующее современный век потребления, приводит к возникновению в языке множества названий. «Словесное обозначение марки товара, в равной степени относящееся к каждому экземпляру в данной серии и ко всей серии в целом» [1, с. 127] получило название «прагматоним». Удачная номинация способствует созданию положительных ассоциаций с соответствующим продуктом у потребителя и позволяет производителю успешно встроить товар в существующий товарный ряд, подчеркнув его преимущества относительно других товаров.

В качестве основных способов образования имен собственных исследователями рассматриваются онимизация апеллятива и трансонимизация, а также заимствование [2–4]. Онимизация и трансонимизация подразделяются на семантическую (образование имени собственного без каких-либо формальных изменений) и грамматическую (данные процессы сочетаются с различными словообразовательными трансформациями) [2].

Однако создание прагматонимов относится к сфере искусственной номинации, в которой «онимообразование идёт часто по своим особым моделям...» [2, с. 42], и может быть представлено комплексной системой способов, включающей не только традиционные лексико-семантический, лексико-сintаксический, морфологические способы, но также фонетический способ, нумерализацию и некоторые другие [5].

Обратим внимание, что способы образования прагматонимов зависят во многом от сферы их использования. Объектом исследования становились как прагматонимы в целом [4, 6–11], так и отдельные классы прагматонимов – наименования продуктов питания и безалкогольных напитков [12, 13, 5, 14], конфет [15–17] и других кондитерских изделий [18, 19], молочных продуктов [20], средств бытовой химии [21], товаров гигиены и косметических товаров [22], кормов и уходовой косметики для собак [23], часов [24], банковских продуктов [25].

В качестве объекта данного исследования рассматриваются прагматонимы-наименования стоматологических товаров (зубные пасты, гели, щётки, нити, ополаскиватели для полости рта, средства для фиксации зубных протезов и т.д.),

до настоящего времени не анализировавшиеся лингвистами. Стоматологические продукты занимают промежуточное положение между товарами массового потребления и товарами лекарственного назначения, так как многие из них предназначены не только для ежедневной гигиены полости рта и профилактики стоматологических заболеваний, но также для коррекции начальных стадий патологических состояний, например для реминерализации эмали или для уменьшения кровоточивости десён при гингивите, пародоните, пародонтозе, и рекомендуются лечащим врачом. В связи с этим можно предположить, что их номинация обусловливается не только основными закономерностями онимообразования в целом (см. выше), но также общими тенденциями, характерными для нейминга различных товаров, и тенденциями, свойственными номинации лекарственных средств.

Являясь одним из видов рекламных имён, прагматонимы, однако, редко выступают в качестве объекта изучения в работах, посвящённых словообразовательному аспекту, в отличие от эргонимов, активно рассматривающихся с данной точки зрения (см., например, [26–32] и др.). Способом образования прагматонимов посвящена работа О. Ю. Лазаревой [4]. В остальных исследованиях рассматриваемый аспект анализируется не в качестве основного, а наряду с другими аспектами, например функциональным [7], семантическим и лингвокультурологическим [18], лингвосемиотическим [17], или представлен частично, к примеру при исследовании прагматонимов с точки зрения их синтаксических характеристик [16, 18].

Таким образом, сказанное предопределяет новизну как объекта, так и предмета настоящего исследования. Цель исследования – выявление основных способов создания прагматонимов-наименований стоматологических товаров с учётом указанной выше специфики анализируемых языковых единиц. Представленная ниже классификация основных групп способов образования прагматонимов во многом соответствует классификации способов образования рекламных имён в работе Т. П. Романовой [5] и соотносится с классификациями в других современных работах по ономастике, в том числе

по эргонимии, например [4, 26, 33], однако детализируется и уточняется применительно к исследуемому материалу (280 прагматонимов, полученные методом сплошной выборки из каталогов торговых интернет-площадок).

Анализ прагматонимов-наименований стоматологических товаров позволяет говорить о следующих способах онимообразования: лексико-семантическом (подразделяющемся на онимизацию и трансонимизацию), лексико-сintаксическом (образование прагматонимов-словосочетаний и предложений), морфологических (аффиксация, сложение) и морфолого-сintаксических (сращение, аббревиатура, эллиптизация), а также комплексных и некоторых специфических способах образования рекламных имён. Интерпретация лексико-семантического, лексико-сintаксического и морфологического способов соответствует их трактовке в современных исследованиях онимообразования ([4, 5, 26, 33] и др.). При морфолого-сintаксическом способе, выделенном автором, образование прагматонима происходит на базе словосочетания, что позволяет противопоставить данный способ морфологическому по типу базиса, участвующего в словообразовании [34].

Рассмотрим каждый из способов онимообразования подробно.

I. Лексико-семантический способ (42 прагматонима)

Среди основных разновидностей данного способа рассматриваются онимизация и трансонимизация (термины используются в узком смысле для обозначения семантических процессов онимообразования, не сопровождающихся какими-либо формальными изменениями).

1. Онимизация (27 ед.).

Среди рекламных имён этой группы преобладают отсубстантивные прагматонимы (20 ед.): например *Самхита* ‘собрание гимнов, молитв’ (санскр.), *Aasha* ‘надежда’ (хинди), *Promise* ‘обещание’ (англ.), *Bambolina* ‘куколка, малышка’ (ит.), *Принцесса, Знаменитая, Смайлик*.

Также представлены адъективные прагматонимы (5 ед.): *Pure* ‘чистый’ (англ.), *Clear* ‘чистый, светлый’ (англ.), *Intelligent* ‘умный’ (англ.); адвербальные прагматонимы: *Now* ‘сейчас, теперь’ (англ.); прагматонимы-числительные: *One* ‘Один’ (англ.). Один прагматоним образован от глагола: *Chew* ‘жевать’ (англ.) – данная зубная паста производится в форме жевательных таблеток.

2. Трансонимизация (15 ед.).

Прагматонимы, образованные трансонимизацией, можно разделить на следующие группы:

1) онимы, образованные от фамилии основателя бренда (3 ед.): *Colgate, Schulke, Philips*;

2) прагматонимы, образованные от имён сказочных персонажей или мультипликационных героев (6 ед.): *Pierrot, Tooth Fairy* (Зубная фея), *Чебурашка, Умка, Буратино, Дюймовочка*;

3) прагматонимы, образованные от названий мультфильмов или детских передач (4 ед.): *Фиксики, Гадкий Я, Лео и Тиг, АБВГДейка*. Обратим внимание на то, что некоторые названия рассматриваемых двух групп обладают двойной мотивацией, поскольку восходят одновременно и к имени главного персонажа мультфильма, и к его названию (герой Чебурашки и мультфильм «Чебурашка», герой Умка и мультфильм «Умка»). Данные способы популярны при образовании названий зубных паст для детей;

4) прагматонимы, образованные от топонимов (1 ед.): *Pomorin*. Данный прагматоним образован от лимонима – озера в Болгарии, в котором добывают рапу, входящую в состав этой зубной пасты;

5) прагматоним, образованный от названия буквы: *Alpha* (1 ед.).

Как следует из вышеизложенного, в группе лексико-семантических способов наиболее продуктивна онимизация (64,3%), преимущественно на базе субстантивных основ / корней различных языков. Среди прагматонимов, образованных трансонимизацией, наибольшее количество онимов образованы от имён сказочных персонажей и героев мультфильмов.

II. Лексико-сintаксический способ (63 прагматонима)

С помощью лексико-сintаксического способа образуются прагматонимы в форме словосочетаний и предложений, а также словесных пар.

1. Прагматонимы-словосочетания (51 ед.) представлены наибольшим количеством примеров.

1) Прилагательное + существительное (26 ед.). Большинство прагматонимов образованы на базе английского языка (17 ед.): *Bright Light, Happy tooth, White wash, Freeze Kiss, Open Smile, White Secret*; 2 прагматонима – латинские наименования: *Longa Vita, Natura Siberica*; 7 прагматонимов образованы на основе русского языка: *Блестящая улыбка, Сибирский прополис*,

Алтайский Прополис, Крымский травник, Гододный Леший, Новый жемчуг, Лесной бальзам.

2) Существительное + существительное (10 ед.); 8 прагматонимов – словосочетания, состоящие из английских слов, например: *Teeth Space, Smile Honey, Dino's smile*; 1 латинское название (*Officina naturae*) и 1 русское название (*Магия ботаники*).

3) Существительное + предлог + существительное (1 ед.): *Pasta del Capitano* (ит.) (предлог де образует слитную форму с артиклем существительного).

4) Числительное + существительное (+ существительное) (2 ед.): *4 Seasons, 5 Star Cosmetics* (англ.).

5) Числительное + существительное + наречие (1 ед.): *One drop only* (англ.).

6) Местоимение + существительное (1 ед.): *Моё Солнышко*.

7) Местоимение + прилагательное + существительное (1 ед.): *My White Studio* (англ.).

8) Местоимение + существительное + существительное (1 ед.): *Мои секреты здоровья*.

9) Прилагательное + прилагательное (1 ед.): *Global White*.

10) Наречие + прилагательное (1 ед.): *Forever bright* (англ.).

11) Гр. корень + существительное + прилагательное (1 ед.): *Bio Stomatolog professional* (англ.).

12) Прилагательное + существительное + предлог + существительное-имя собственное (1 ед.): *Зубная паста по Болотову*.

13) Существительное + предлог + существительное-топоним (1 ед.): *Здоровье из Сибири*.

14) Словосочетание-топоним + существительное (1 ед.): *Beverly Hills Formula* (англ.).

15) Существительное-топоним + прилагательное (1 ед.): *Korea vera*.

16) Аббревиатура + существительное (1 ед.): *LP Care*.

2. Прагматонимы-предложения (5 ед.): *Stop Price, Ki Kiss me! Love Live, Clear Clean* (англ.), *Человек, живи век!*

3. Прагматонимы-словесные пары (6 ед.).

1) Прилагательное + прилагательное (3 ед.): *Fresh & White, Fresh & Clean, White & White* (англ.).

2) Существительное + существительное (3 ед.): *Soothe & Care, Art & Fact, Or & Care* (англ.).

4. Прагматонимы, состоящие из предлога и прилагательного (1 ед.): *On White* (англ.).

Таким образом, наибольшее количество прагматонимов – это прагматонимы-словосочетания, из них большинство образованы по моделям «Существительное + прилагательное» и «Существительное + существительное». Прагматонимы-предложения и прагматонимы-словесные пары представлены практически в одинаковом количестве.

III. Морфологические способы (74 прагматонима)

Морфологические способы представлены аффиксацией, сложением и сложносуффиксальным способами. В качестве словообразовательных элементов, использующихся в образовании рассматриваемых прагматонимов, ввиду указанной выше специфики стоматологических товаров, применяемых не только как гигиенические и уходовые средства, но и для профилактики заболеваний полости рта, зачастую выступают компоненты греко-латинского происхождения, продуктивные в медицинском терминообразовании, в том числе в номенклатуре лекарственных средств (см. [35]).

1. Аффиксация (20 ед.).

1) Префиксация (9 ед.), например: *Acenna, Innova, Innature, Exdent, Rewhite, SUPER DANT*.

2) Суффиксация (11 ед.): *Parodontax, Parodontol, Stomatol, DENTACO, ПРЕВЕНТИН, Dentique* и некоторые др. При суффиксальном способе образования прослеживается та же тенденция, что и в словообразовании названий лекарственных средств – частое использование финальных компонентов *-ах, -ох, -х* наряду с настоящими суффиксами, используемыми в номенклатуре лекарственных средств, *-in, -ol*. Не являясь суффиксами в лингвистическом понимании, финальные отрезки *-ах, -ох* и подобные *de facto* выполняют функцию суффиксов, позволяя образовать латинизированные названия стоматологических товаров. В ряде названий к основе присоединяется финаль *-o*: *Sanino, Dentaco*.

Большинство приведённых выше названий демонстрируют продуктивность аффиксов и финальных компонентов греко-латинского происхождения, использующихся в медицинской терминологии (*a-, in-, ex-, re-, -ol, -in* и др.), в словообразовании прагматонимов-наименований стоматологических товаров.

2. Сложение (53 ед.).

Способ сложения понимается в нашей работе в узком смысле как чистое сложение

корней / основ / слов. Данный способ образования прагматонимов очень распространён в сфере названий стоматологических товаров. Словообразовательная модель сложения греко-латинских корней, широко представленная, как было показано автором (см., например, [34, 36]), в терминообразовании клинической медицины, активно используется для нейминга стоматологических продуктов. Словообразование на базе греко-латинских отрезков способствует как точности и информативности номинации (например, один из наиболее частотных компонентов в названиях зубных паст – лат. основа *dent-* ‘зуб’), так и его индивидуализации (данную функцию выполняет широкий спектр компонентов композитов, например *pur-* от лат. *purus*, а, иум ‘чистый’ в прагматониме *Purodent*, альб- от лат. *albus*, а, иум ‘белый’ в названии *Альбадент*, лат. *lux* ‘свет’ в *Dentalux* и т.д.). Обратим внимание, что зафиксированы прагматонимы, образованные сложением не только греко-латинских корней, но и гибридные наименования, включающие как греко-латинские отрезки, так и национальные элементы, или целиком состоящие из национальных компонентов.

1) Сложение на базе греко-латинских корней (19 ед.): *Sensodyne*, *Пародонтоцид*, *Biomed*, *Фтородент*, *Dentalux*, *Альбадент*, *TotalDent*, *Curasept*, *Ойлдент*, *Oradent*, *Purodent*. В данной группе встречается равное количество прагматонимов, состоящих полностью из латинских корней (*Dentalux*, *Альбадент*, *TotalDent*, *Oradent*), и греко-латинские гибридные названия (*Biomed*, *Sensodyne*) – по 9 ед. Только один прагматоним – *Пародонтоцид* – образован сложением двух греческих основ.

2) Сложение на базе греко-латинских корней и отрезков других языков (22 ед.), например *DentaWell*, *Dentaid*, *Blend-a-Med*, *Aquafresh*, *Crownterra*, *Aquawhite* (образованы сложением латинских и английских корней / основ / слов), *Wunderdent* (сложение немецкой и латинской основ), *ZOOZONE* (сложение хорватского слова и английского существительного, восходящего к греческому *zona*), *Faberlic* (сложение латинского и транслитерированного русского существительных).

3) Сложение на основе национальных корней / основ / слов (12 ед.): например *Selfsmile*, *Sos-white*, *Smilekit*, *Brush-Baby*, *CLEANSET*, *Kingfisher*.

3. Сложение + суффиксация (1 ед.): *Ecodentrix*.

Итак, в группе морфологических способов доминирующим является сложение корней / основ / слов (71,2%). Большинство сложных прагматонимов включают греческие и латинские отрезки, 21,2% онимов состоят только из компонентов национальных языков. Продуктивные модели основосложения, а также используемые словообразовательные средства греко-латинского происхождения схожи с использующимися в медицинских терминообразовании и номенклатуре лекарственных средств.

IV. Морфолого-синтаксические способы (48 прагматонимов)

К морфолого-синтаксическим способам относятся аббревиация, сложносокращённый способ, эллиптирование (а также эллиптирование совместно с сокращением), сращение. Аббревиация в работе понимается в узком смысле как способ образования инициальных аббревиатур [37], противопоставляемых по своей структуре сложносокращённым словам. Эллиптирование – способ образования эллиптикового имени, под которым мы, вслед за Н. В. Подольской, понимаем форму, возникшую «в результате опущения одного из слов или одной основы, входящих в дву- или многословное или дву-, многоосновное имя» [1, с. 150]. Сращение – способ образования сложного слова на базе словосочетания при одновременном действии процессов сложения и конверсии или сложения и аффиксации [34].

1. Аббревиация (3 ед.).

Выявлено 3 аббревиатуры: *R.O.C.S.*, *GS* и *T.A.J.*

2. Сложносокращённый способ (38 ед.).

Сложносокращённый способ – один из самых распространённых способов образования прагматонимов-наименований стоматологических товаров, например: *Splat*, *Lacalut*, *Remarsgel*, *Natusana*, *Protefix*, *Germadent*, *Spokar*, *DENTERRA*, *Oral-B*, *ApaCare*, *Mulsan*, *Buccotherm*, *Pepsodent*, *DENTA ROZ*, *Hismile*, *Curaprox* и некоторые другие.

Здесь могут быть выделены следующие группы.

1) Прагматонимы, образованные сокращением первого компонента и сложением сокращённого варианта с самостоятельным словом / корнем (25 ед.), при этом первый компонент может подвергаться различным сокращениям: усекается последняя, две или три последних буквы (*Natusana*, *Germadent*), или большая часть слова, так что в прагматоним входит только на-

чальная часть первого компонента (*Remadent*, *Remarsgel*, *Theodent*), например, прагматонимы *Remadent*, *Remarsgel* образованы сокращением слова **remineralising** (т.е. данные зубные пасты предназначены для реминерализации эмали) и сложением с компонентами *dent*, *gel* с использованием различных соединительных элементов. *Apacare* и *Apadent* – оба прагматонима образованы сокращением названия химического вещества гидроксиапатита (*hydroxyapatite*), входящего в состав данных зубных паст, и сложением их с соответствующими компонентами. Прагматоним *Pepsodent* образован сокращением слова **Pepsin**, обозначающего пищеварительный фермент, входящий в состав зубной пасты, и сложением с компонентом *-dent*. Прагматоним *Natusana* – результат сложения первой части латинского существительного **natura** и латинского прилагательного *sanus*, а, им в форме женского рода – **sana** (согласован с существительным *partura*, *ae*, *f*). *Protefix* – специальное средство для фиксации зубных протезов; название образовано сокращением существительного **Prothesis** и глагола **fix** ‘фиксировать’. В прагматониме *Germadent* первый компонент образован сокращением прилагательного **German**.

2) Прагматонимы, образованные сокращением второго компонента и сложением с первым элементом (7 ед.). Как и в первой группе, второй компонент может подвергаться различным сокращениям и усекаться вплоть до одной буквы. Так, в прагматониме *Oral-B* до одной буквы в названии сокращено существительное *brush*. В прагматониме *Biotin* у финального компонента *mint* усекается последняя буква.

3) Прагматонимы с сокращением обоих компонентов (3 ед.): *Splat*, *Lacalut*, *Buccotherm*. Прагматоним *Splat* образован от латинского названия водоросли *Spirulina platensis*, входившей в состав одноимённой зубной пасты. Прагматоним *Lacalut* образован сокращением (с одновременным сложением) компонентов словосочетания «лактат алюминия» – наименования соединения, содержащегося в зубной пасте. В прагматониме *Buccotherm* первая часть сложного слова восходит к прилагательному латинского происхождения *buccolingual* (лат. **buccolingualis** от *bucca*, *ae*, *f* ‘щека’), а отрезок *therm* – сокращение словосочетания **thermal spring water** – термальные источники использовались для лечения поражений слизистой оболочки щёк и языка.

4) Прагматонимы с сокращением / наложением общего компонента (2 ед.): *DENTERRA* и *HISMILE*. *DENTERRA* – сокращение с одновременным наложением элемента, в результате чего возникает эффект языковой игры: *dent* + *terra*. Такой же эффект наблюдается в названии *HISMILE* – от английского *his smile*.

Отдельно рассмотрим раздельнооформленный прагматоним *DENTA ROZ*, образованный сложением компонента *DENTA* с компонентом *ROZ*, представляющим собой написанное в латинской графике сокращённое русское название фирмы-производителя *Родник Здоровья*.

3. Эллиптизирование (3 ед.).

Данным способом образованы прагматонимы, в которых опущено родовое название – зубная паста, а прилагательное субстантивируется: Семейная (Зубная паста семейная), Корейская (Зубная паста корейская), Освежающая (Зубная паста освежающая).

4. Сокращение и эллиптизирование (1 ед.): *Remars* (*Remineralizing tooth paste*).

5. Сращение (3 ед.): *Glorysmile*, *Realdeal*, *Smilebe*.

Таким образом, среди морфолого-синтаксических способов доминирующее положение занимает сложносокращённый способ, при этом большинство прагматонимов образованы одновременным сокращением первого компонента и сложением с финальным элементом, представляющим собой основу / слово греческого или латинского происхождения. Многочисленные произвольные, т.е. неморфемные, сокращения снижают информативность наименований.

V. Комплексные способы (35 прагматонимов)

В данной группе рассматриваются прагматонимы, образованные одновременно несколькими группами способов.

1. Лексико-семантический + морфологические / морфолого-синтаксические / фонетические способы (18 прагматонимов).

1) Звукоподражание и онимизация (3 ед.): *Klatz*, *Тик-Так*, *Кря-Кря*.

2) Стяжение артикла и предлога с формой слова и онимизация (1 ед.): *Aldente*.

3) Онимизация с добавлением флексии (2 ед.): *Hilfen* (от нем. *Hilfe*, *f* + окончание *-n*), *das Experten*. Обратим внимание, что оба прагматонима стилизуются под немецкие существительные, но с точки зрения грамматики не

являются правильными. Так, слова *das Experten* в немецком языке не существует – есть слово *der Expert* (во множественном числе *die Experten*).

4) Онимизация с опущением финального компонента слова (1 ед.): *Absolut* (от англ. *absolute*).

5) Онимизация с последующим изменением основы (1 ед.): *Beiber* (от *Beißen*, восходящего к нем. глаголу *beißen* ‘кусать’). Данный прагматоним образован от немецкого существительного *Beißen*. В связи с тем что большинство потребителей российского рынка стоматологических продуктов воспринимали букву Ъ как b, производители приняли решение изменить основу слова, вследствие чего, однако, данный прагматоним потерял мотивированность.

6) Онимизация + лексический повтор (1 ед.): *Зуби зуби*.

7) Трансонимизация + сложение (2 ед.): *AltaiBio, Argodent*. Первый прагматоним образован сложением топонима *Altai* и греческого корня; второе название – сложением мифонима *Argo* и латинского отрезка.

8) Трансонимизация + суффиксация (2 ед.): *Siberina, Listerine*. В прагматониме *Siberina* к несколько видоизменённой основе топонима Сибирь прибавлен суффикс -in и окончание -a. Прагматоним *Listerine* образован от фамилии хирурга Джозефа Листера путём прибавления суффикса -in и английской финали.

9) Трансонимизация + сложносокращённый способ (1 ед.): *Dabur*. Название предположительно происходит от словосочетания *Doctor S.K. Burman*, от искажённого **Daktar Burman**.

10) Трансонимизация + флексия (2 ед.): *Кедра, Levrana*. Название *Levrana* образовано от имени персонажа Леврана книги Е. Гуляковского «Чужие пространства» и оказалось схожим с названием одной из немецких торговых марок. Чтобы отстоять название бренда, его владельцы принимают решение сменить свою настоящую фамилию на фамилию Леврана. Таким образом прагматоним, образованный трансонимизацией от имени литературного персонажа, впоследствии переходит в иной разряд имён собственных и становится фамилией основателей бренда.

11) Трансонимизация + сингуляризация (1 ед.): *Himalaya*. Название образовано от названия горной системы Гималаи и в качестве названия зубной пасты употребляется в единственном числе в форме женского рода.

12) Трансонимизация + стилизация (1 ед.): *Siwakof / Siwak.f*. При производстве данной зубной пасты используется порошок мисвак, получаемый из дерева мисвак / сивак, произрастающего в Саудовской Аравии, Индии, Пакистане, Йемене. Название пасты стилизуется под фамилию производителя торговой марки.

2. Лексико-синтаксический + морфологические / морфолого-синтаксические способы и / или особые способы образования (17 ед.).

1) Сложносокращённый способ + лексико-синтаксический способ (11 ед.): *Doctor.el, Dr Kögel, Dr Hauschka, Dr Wild Tebodont, Dr Nano-To, D and Silver, Dr Dent*.

2) Сложносокращённый + префиксация (1 ед.): *Exoden*.

3) Сложносокращённый + суффиксация (1 ед.): *Curaprox*. *Curaprox* – сложение латинского существительного *cura* с сокращённым прилагательным **professional** с присоединением суффиксоподобного элемента в конце слова.

4) Аббревиация + лексико-синтаксический способ (1 ед.): *D.I.E.S. – 7 days*. Данный прагматоним представляет собой параллельное название, первой частью которого является аббревиатура *D.I.E.S. – dental innovation expert system*, а второй частью – словосочетание, при этом фиксируется языковая игра – буквы аббревиатуры образуют знаменательное слово *dies* (лат. ‘день’), и это же слово на английском языке представлено во второй части названия.

5) Лексико-синтаксический способ + нумерализация (2 ед.): *Зубная нить № 1, Dental Clinic 2080*.

6) Аббревиация + нумерализация (3 ед.): *SP 4, Oksa 1100, AB 1918*.

Таким образом, можно видеть большое разнообразие комплексных способов образования прагматонимов, условно объединённых в две равнозначные по количеству входящих в них единиц группы. Каждый из способов представлен небольшим количеством примеров. Наибольшее число онимов образовано одновременным действием сложносокращённого и лексико-синтаксического способов.

VI. Особые способы (3 прагматонима)

1) Нумерализация (1 ед.): *Ora²*.

2) Использование пунктуационных знаков (1 ед.): *Nak!D*.

3) Лексико-синтаксический способ с использованием математического символа (1 ед.): *Edel + White*.

Немотивированные названия (14 прагматонимов)

В отдельную группу могут быть выделены прагматонимы, определить способ образования которых не представляется возможным ввиду непрозрачности их внутренней формы: *Vian, Emra, Vivaton, Elmex, MontCarotte, Veriton, Willo, Pesitro, HIPZO, Vitis, Vilsen, Paro, EXXE, Marvis*.

Подведём итоги.

1. Способы образования прагматонимов-наименований стоматологических товаров разнообразны и отражают специфику объекта номинации – промежуточное положение между товарами широкого потребления и медицинскими товарами. В связи с этим для образования прагматонимов, с одной стороны, довольно широко используются лексико-сintаксический и лексико-семантический способы, распространённые в создании прагматонимов других групп товаров, с другой стороны, доминируют морфологические и морфолого-сintаксические способы, типичные для медицинского терминообразования, включая номенклатуру лекарственных средств.

2. Наибольшей продуктивностью характеризуются морфологические способы (26,4% от общего количества наименований). Сложением образованы 71,6% прагматонимов данной группы, при этом 3/4 наименований содержат греко-латинские отрезки. Использование греко-латинских компонентов является одной из ведущих тенденций в нейминге стоматологических товаров.

3. Чуть меньшей продуктивностью характеризуется сintаксический способ (22,5%). Большинство прагматонимов представляет собой словосочетания, 70,6% которых построены по двум доминирующему моделям – «Существительное + прилагательное» и «Существительное + существительное».

4. Третье место по количеству образованных прагматонимов занимают морфолого-сintаксические способы (17,1%). Среди данной группы преобладает сложносокращённый способ (79,2%), являющийся наряду со сложением одним из продуктивных в создании наименований стоматологических товаров.

5. Доля прагматонимов, образованных сложением и сложносокращённым способом, составляет 32,5% от общего количества онимов и более 50,0% от количества выявленных однословных наименований. Распространённость прагматонимов-сложных слов может

быть объяснена стремлением к краткости наименования, сочетающейся как с точностью и информативностью онима, так и с его индивидуализацией.

6. Лексико-семантическими и комплексными способами в совокупности образовано чуть менее 1/3 прагматонимов. В группе лексико-семантических способов лидирует онимизация.

7. Среди комплексных способов наибольшее количество прагматонимов образовано одновременно лексико-сintаксическим и сложносокращённым способами.

8. Отдельную группу (5,0%) составляют прагматонимы с непрозрачной внутренней формой, в связи с чем определить способ их образования представляется затруднительным.

9. Доля особых способов (нумерализация, использование графических и математических символов) в образовании прагматонимов-стоматологических товаров незначительна (1,0% онимов).

Список литературы

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1988. 192 с.
2. Подольская Н. В. Проблемы ономастического словообразования // Вопросы языкоznания. 1990. № 3. С. 40–53.
3. Полевая А. Ю. Онимизация как способ образования нижегородских гидронимов // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 611–612. EDN: XNBJHN
4. Лазарева О. Ю. Пути и способы создания современных русских прагматонимов // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического факультета) : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. / редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2009. Ч. 1. С. 187–190.
5. Романова Т. П. Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5-2 (55). С. 204–214. EDN: WCDFZZ
6. Быкова О. И. Этнокультурный репертуар немецких прагматонимов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 5–15. EDN: JWWTFR
7. Фоменко О. С. Морфологические трансформации прагматонимов-глобализмов: узуальные способы отпрагматонимного словообразования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (95). С. 63–67. EDN: TSEPKD

8. Врублевская О. В. Модные тенденции в прагматонимии // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2017. Т. 6, № 2. С. 16–22. <https://doi.org/10.12737/24871>, EDN: YGGRID
9. Бакърджиева Г. Статус на прагматонимите в езикова система // Научни трудове. 2017. Т. 55, Кн. 1, сб. А. Филология. С. 78–89.
10. Прокопчук К. А. Иностранные прагматонимы в современной русской литературе. Латиница или кириллица? // *Studi Slavistici XIV*. 2017. S. 309–327. https://doi.org/10.13128/Studi_Slavis-21949
11. Исакова А. А. Вариативность торговых марок в лингвистическом пространстве современной России // *Russian Linguistic Bulletin*. 2020. № 4 (24). С. 13–17. <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.24.4.32>
12. Rathmayr R., Schimpfössl E. Lebensmittelnamen als Spiegel oder Zerrspiegel der Kultur: Parallelen und Unterschiede bei motivierten und nicht motivierten Lebensmittelnamen am Beispiel des Russischen und Deutschen // *Slavistische Linguistik* 2003. Referate des XXIX Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Bamberg, 15.–19.9.2003 / Hrsg von S. Kempgen. München : Verlag Otto Sagner, 2005. S. 223–244.
13. Яковleva O. E. Семиотические типы прагматонимов современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 21 с. EDN: ZNSVTN
14. Омельяненко В. А. Отонимные прагматонимы с национально-культурным компонентом в российской рекламе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9, № 3. С. 712–728. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-3-712-728>, EDN: YBJJBJ
15. Осипова Н. Д. Реализация приёма фонетической языковой игры в современных отонимных прагматонимах // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1 (36). С. 24–32. EDN: ADIPPPP
16. Осипова Н. Д. Отантропонимные наименования конфет в синтаксическом аспекте // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25, № 2. С. 77–86. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2021-2-77-86>, EDN: FEQWMI
17. Осипова Н. Д. Отонимные прецедентные наименования конфет в лингвосемиотическом аспекте // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 60–67. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.568>, EDN: JGPTDW
18. Исангузина И. И. Прагматонимы в ономастическом пространстве: семантический, лингвокультурологический и синтаксический аспекты (на примере названий кондитерских изделий) // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13, № 4. С. 990–993. EDN: KLTSTH
19. Славкина И. А. Вторичные онимы как отражение региональной идентификации // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. Витебск : Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2022. С. 40–44. EDN: BRURNM
20. Михалкова Л. Место эмпоронимов в лексической системе языка (на материале названий русских молочных продуктов) // *Opera Slavica XIII*. 2003. Roč. 13, č. 2. S. 37–46.
21. Горяев С. О. Прагмонимы: опыт ономасиологической интерпретации // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. / под ред. С. Г. Галиновой. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1999. Вып. 3. С. 97–105.
22. Ермакова Л. Р. К вопросу об употреблении прагматонимов в рекламных текстах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 24 (221). С. 100–103. EDN: VHNTSL
23. Фатеева И. М. Когнитивные объективации коммуникативно-прагматического пространства прагматонимов в современной отраслевой терминологии // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 273–291. EDN: VTIQLJ
24. Болеста-Вроня Б. Прагматоним и жизненный цикл товара // Язык и динамическая картина мира : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 7–8 апреля 2017 г. Минск : МГЛУ, 2018. С. 71–75.
25. Банько А. Н. Функционирование прагматонимов сферы «Банковская деятельность» в центральных и региональных СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языко-знание. 2010. № 2 (12). С. 186–190. EDN: NWZPXB
26. Алистанова Ф. Ф. Особенности образования современных эргонимов лексико-синтаксическим способом и аббревиацией // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5, ч. 1 (71). С. 56–58. EDN: YLPYDR
27. Алистанова Ф. Ф. Образование эргонимов с помощью языковой графической игры с внутренней формой слова // Актуальные проблемы переведоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Брянск, 17–19 сентября 2021 г. Брянск : Брянский гос. ун-т им. академика И. Г. Петровского, 2021. С. 212–217. EDN: YDRBIN
28. Алистанова Ф. Ф. Семантическая трансонимизация в эргономическом пространстве Махачкалы // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. LV Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 15 апреля 2022 г. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2022. С. 118–120. EDN: MCJYAN
29. Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка (семантика и прагматика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 22 с. EDN: ZPOQEP

30. Чжао Ч., Васильева Т. В. Морфологическое словообразование эргонимов (на материале названий коммерческих предприятий г. Хабаровска) // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира : материалы VIII Междунар. студ. науч.-практ. конф., Комсомольск-на-Амуре, 20 апреля 2017 г. : в 2 ч. Ч. 2. Комсомольск-на-Амуре : Амурский гуманитарно-педагогический гос. ун-т, 2017. С. 111–115. EDN: YPYAUB
31. Данилина Н. И. Трансонимизация и смежные явления в эргонимии // Ономастика Поволжья : материалы XX Междунар. науч. конф., Элиста, 05–07 октября 2022 г. / сост. и ред. Н. А. Кичикова, В. И. Супрун. Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. С. 18–22. EDN: DP1BMO
32. Веденеева Е В. Медицинские эргонимы Саратова и Саратовской области: особенности словообразования // Ономастика Поволжья : материалы XXI Междунар. науч. конф., Рязань, 03–05 октября 2023 г. Рязань : Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2023. С. 170–173. EDN: QCUHGU
33. Мадиева Г. В., Супрун В. И. Теория и практика ономастики. Алматы : Қазақ университеті ; Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. 280 с.
34. Носачёва М. И., Данилина Н. И. Способы образования сложных слов в медицинской терминологии (на материале немецкого языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоznание. 2019. Т. 18, № 4. С. 145–156. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.11>, EDN: VHDMGR
35. Данилина Н. И. Словообразование в фармацевтической терминологии (опыт системного изложения студентам-фармацевтам) // Классические языки в современном профессиональном образовании : сб. ст. Всерос. науч.-метод. конф. (с междунар. участием), Казань, 05–06 мая 2022 г. / под ред. Н. Г. Nikolaевой, А. В. Ермошина. Казань : Казанский гос. мед. ун-т, 2022. С. 73–81. EDN: ALEWLJ
36. Носачёва М. И. Особенности немецкого субстантивного композитного терминообразования на основе греко-латинских терминоэлементов в сопоставлении со словообразовательными особенностями русских клинических терминов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 183–189. EDN: ZHMXBB
37. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 608 с. EDN: IMNYVY

Поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 08.05.2025; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted 18.03.2025; approved after reviewing 08.05.2025; accepted for publication 01.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 404–413

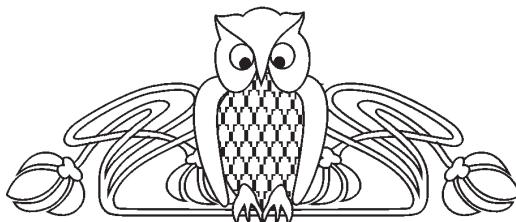
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 404–413

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-404-413>, EDN: LAAUWP

Научная статья

УДК 811.161.1'373.612.2'42:808.5+929Лавров

Фитометафоры в речи С. В. Лаврова

Л. В. Балашова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, balashova53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Аннотация. В статье анализируются фитометафоры, зафиксированные в устных выступлениях министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в 2022 – начале 2025 г. при характеристике современной политической ситуации в мире. Актуальность работы обусловлена тем, что переносы на базе флористической лексики принадлежат к числу наиболее регулярных в языковой метафорической системе, но их место в дипломатическом дискурсе как важной составляющей политической коммуникации недостаточно изучено. Цель статьи – установить роль фитоморфных переносов в формировании современной политической картины мира в речи С. В. Лаврова. Материалом для исследования послужила 41 метафорическая единица в 110 контекстах из 130 стенограмм устных выступлений С. В. Лаврова с 24.02.2022 по 01.02.2025 (веб-сайт mid.ru). Методологической основой исследования стало представление о метафоре как о способе формирования картины мира, в том числе политической. В ходе анализа используется комплексный метод системного семантико-когнитивного и дискурсивного анализа языковых явлений. Установлено, что употребление министром фитометафор является регулярным и концептуально значимым. С. В. Лавров оперирует двумя моделями метафоризации – ядерной (бытийно-динамической) и периферийной (pragma-аксиологической), в которых политические и социально-экономические феномены ассоциируются либо с жизнедеятельностью, либо с функционально-прагматической значимостью различных типов и частей растений. В соответствии с когнитивными матрицами данных моделей в политической картине мира, представленной министром, киевский режим позиционируется как источник агрессии и национализма, активно поддерживаемый «коллективным Западом» в его стремлении к мировой гегемонии, а Российская Федерация – как государство, отстаивающее свой суверенитет и развивающее равноправное сотрудничество с дружественными странами.

Ключевые слова: концептуальная метафора, политическая картина мира, дипломатический дискурс, политическая коммуникация

Для цитирования: Балашова Л. В. Фитометафоры в речи С. В. Лаврова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 404–413. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-404-413>, EDN: LAAUWP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Phytometaaphors in Sergey Lavrov's speech

L. V. Balashova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Lyubov V. Balashova, balashova53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Abstract. The article analyzes phytometaaphors recorded in the oral speeches of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov in 2022 – early 2025 describing the current political situation in the world. The relevance of the work is due to the fact that transfers based on floral vocabulary are among the most regular in the linguistic metaphorical system, but their place in diplomatic discourse as an important component of political communication has not been sufficiently studied. The purpose of the article is to establish the role of phytomorphic transferences in the formation of the modern political picture of the world in the speech of S. V. Lavrov; 41 metaphorical units in 110 contexts from 130 transcripts of Sergey Lavrov's oral speeches from 24.02.2022 to 01.02.2025 (website mid.ru) served as the material of the study. The methodological basis of the research was the idea of metaphor as a way of forming a picture of the world, including the political one. The analysis employs a comprehensive method of systematic semantic, cognitive and discursive analysis of linguistic phenomena. It has been established that the Minister's use of phytometaaphores is regular and conceptually significant. Lavrov operates on two models of metaphorization – nuclear (existential-dynamic) and peripheral (pragmatic-axiological), in which political and socio-economic phenomena are associated either with vital activity or with the functional and pragmatic significance of various types and parts of plants. Following the cognitive matrices of these models in the political picture of the world, represented by the minister, the Kiev regime is positioned as a source of aggression and nationalism, actively supported by the “collective West” in its quest for global hegemony, and the Russian Federation – as a state defending its sovereignty and developing equal cooperation with friendly countries.

Keywords: conceptual metaphor, political picture of the world, diplomatic discourse, political communication

For citation: Balashova L. V. Phytometaforы in Sergey Lavrov's speech. *Izvestiya of Saratov University. Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 404–413 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-4-404-413>, EDN: LAAUWP
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Данная статья является продолжением анализа метафорических переносов (включая языковые и речевые; живые, генетические и частичные [1–3]) как способа репрезентации современной политической картины мира в речи министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова [4–6]. Объектом исследования стали переносы, формируемые на базе лексики из семантического поля (далее – СП) «Флора», зафиксированные в устных выступлениях С. В. Лаврова в 2022 – начале 2025 г. Актуальность работы обусловлена тем, что место фитометафор, чрезвычайно продуктивных в языке, в дипломатическом дискурсе как важной составляющей политической коммуникации в целом недостаточно изучены [7–11]. Цель статьи – установить роль фитоморфных переносов в формировании современной политической картины мира в речи С. В. Лаврова (хотим подчеркнуть, что анализ метафорических контекстов с точки зрения культуры речи не входил в задачи исследования). Материалом для исследования послужили 130 стенограмм устных выступлений Лаврова с 24.02.2022 по 01.02.2025 (веб-сайт mid.ru). Методологической основой исследования стало представление о метафоре как о способе формирования картины мира, в том числе политической. В ходе анализа используется комплексный метод системного семантико-когнитивного и дискурсивного анализа языковых явлений.

Общая характеристика объекта и предмета исследования

Как показал анализ, С. В. Лавров прибегает к фитоморфным переносам регулярно, но несколько реже, чем, например, к пространственным, антропоморфным, деструктивным [12]: в исследованных текстах зафиксирован 41 флористический перенос в 110 контекстах.

В дискурсивном и функционально-стилистическом аспектах показательным представляется тот факт, что большинство фитометафор относится к языковым литературным – живым и генетическим, полным и частичным (ср.:

Прежде всего – … не отказываться от **корней**, но делать всё для продвижения традиций. 21.10.2024¹ – полная живая метафора корень: ‘подземная часть растения, посредством которой оно укрепляется в почве и получает из земли воду с растворенными в ней минеральными веществами’ → (перен.) ‘начало, источник, основа чего-л.’; Это представляет собой **неонацистское воспитание населения**, которое глубоко **укоренилось** в повседневной жизни Украины. 24.07.2022б – полная генетическая метафора укорениться: ‘прижиться, укрепиться корнями в почве’ → ‘внедриться, прочно установиться, войти в обычай’; Необходимо отстаивать наши **коренные** интересы на международной арене. 01.09.2022б – частичная метафора, где первичный ЛСВ лексемы **кореной**: ‘затрагивающий самые основы чего-л.; глубокий, существенный’ – формируется на базе вторичного переносного ЛСВ производящего субстантива **корень**).

Число речевых, т. е. не зафиксированных в словарях переносов в исследуемом метафорическом корпусе невелико, причем все они представляют собой расширение системы регулярных языковых метафор у семантически и деривационно близких лексем (ср.: [Страны НАТО] поставляли ей [Украине] **вооружения, всячески поощряя русофобские и националистические настроения, закрывая глаза на неонацизм и подпитывая его «ростки»**. 22.07.2022а – языковая живая метафора **росток**: ‘стебель растения в самом начале его развития из семени, корневища, клубня, луковицы’ → (перен.) ‘первые проявления чего-л., начало чего-л.; зародыш’; [Западные страны] делали всё, чтобы на Украине **прорастали неонацистская идеология и практика**. 14.04.2022 – речевая метафора **прорастать**: ‘выпускать росток’; ‘вырастать, пробиваясь между чем-л., сквозь что-л.’; Нам многие предлагают посреднические услуги [в урегулировании конфликта на Украине], но мы хотим понять, что из этого **«произрастет»**. 27.09.2022 – речевая метафора **прорастать**; ‘вырастать (о растениях)’). Это вполне объяснимо, поскольку первоочередная

¹ Из-за большого массива использованных текстов мы посчитали возможным при цитировании ограничиться указанием на точную дату выступления С. В. Лаврова.

задача министра иностранных дел РФ – предельно точное и понятное обозначение позиции государства по тем или иным международным проблемам, а не самовыражение, проявление своей индивидуальности.

Вместе с тем не менее важная задача министра иностранных дел РФ как официального представителя государства и политического деятеля – воздействовать на адресата, используя эмотивные, в том числе метафорические средства [13–15]. По мнению ряда исследователей, С. В. Лавров активно и эффективно пользуется этим языковым ресурсом, особенно после начала специальной военной операции – в период резкого обострения отношений с «коллективным Западом» и киевским режимом [16, 17]. Специфической особенностью исследованного метафорического корпуса является то, что сниженные языковые и речевые переносы, составляющие ядро экспрессивных эмоционально-оценочных метафор в речи министра в целом, здесь представлены спорадически, тогда как большинство эмотивных средств относится к языковым общеупотребительным или книжным (ср.: *Все наши обращения напрямую и через ЕС, ОБСЕ, – как у нас говорят, «как об стенку горох»* (разг.). 01.09.2022б; *Запад так же стал поощрять нацистские теории и практику в современной Украине, пышно расцветшие* (общеупотр.) там после государственного переворота 2014 г. 07.04.2023; *Это расизм, который, оказывается, никуда не исчезал. Он уже не латентный, а откровенный. Его [страны Запада] насаждают* (книжн.). 24.09.2022).

В ситуативном аспекте использование фитометафор достаточно разнообразно. С их помощью описываются все значимые для РФ международные проблемы, отношения России с дружественными и недружественными странами, с международными институтами и т.п. (ср.: *У нас [с Индией] разветвленные связи по линии сельскохозяйственного сектора*. 01.09.2022б – *разветвленный*: ‘имеющий много ветвей’ → (перен.) ‘состоящий из большого числа отделов, отделений, направлений и т.п.’; *Мы пытались всё делать по-честному. Разработали, составили и внедрили на практике беспрецедентно разветвленную сеть механизмов сотрудничества с Европейским союзом*. 01.09.2022б; *Искренне рассчитываем, что посреднические усилия Красного Креста принесут свои плоды*. 24.03.2022; [Страны

НАТО] особенно активно обхаживали Украину.., закрывая глаза на неонацизм и подпитывая его «*ростки*», которые там «пестовались» достаточно давно. 22.07.2022а – плод: ‘орган растения, развивающийся из завязи цветка и содержащий семена’ → (перен.) ‘результат, порождение чего-л.’). Но в большинстве контекстов с исследованными переносами дается оценочная характеристика наиболее острых проблем – обострение конфронтации с «коллективным Западом», с киевским режимом и т.п. (ср.: *Мы хотим надежно урегулировать этот кризис [о конфликте с Украиной], устранив его коренные первопричины*. 11.03.2025; *Наши выводы касаются именно международной архитектуры в том, как её видит наше западное «соседство», открыто взявшее курс на отказ от международного права и на-саждение собственных правил*. 01.09.2022б; *Вашингтон и Брюссель усугубили кризисную ситуацию, объявив экономическую войну против России. В результате – *рост* мировых цен на продовольствие, удобрения, нефть и газ*. 25.09.2022).

Безусловно, основным средством отражения максимально точной, аргументированной с аксиологической точки зрения С. В. Лаврова на международные проблемы является концептуально значимый принцип употребления фитоморфных переносов. Именно это определяет выбор источников и моделей метафоризации.

Основные источники формирования фитометафор

Языковое СП «Флора» чрезвычайно многочисленное и сложно организованное, что отражает естественное разнообразие растительного мира и его экономическую, культурно-историческую значимость в жизни человека и социума [18–23]. Однако, как показал анализ исследованного материала, С. В. Лавров весьма избирателен в отборе фитонимов как источника метафоризации. В частности, наиболее последовательно министр использует члены семантической группы (далее СГ) «Растения и их жизнедеятельность» – 28 из 41 ед. (68,3%), тогда как на долю членов СГ «Взаимодействие человека с растительным миром» приходится 13 ед. (31,7%). Достаточно показателен состав конкретных лексем в каждой из СГ.

Так, члены СГ «**Растения и их жизнедеятельность**» фиксируются в нескольких подгруппах:

1) «Обобщенное наименование растений и их скоплений» – 2 ед. (ср.: зеленый ‘заросший зеленью, растительностью; состоящий из зелени’; джунгли ‘низкорослые непроходимые лесные заросли в заливных долинах Индии; тропические непроходимые болотистые леса’);

2) «Части растений» – 11 ед. (ср.: корень, коренной, разветвленный; зерно; росток, всходы, маxровый цвет, плод, плодотворный, горох, яблоко);

3) «Жизнедеятельность растений» – 15 ед. (ср.: корениться, укорениться, расти, рост, прорастать, вырасти, разрастаться, произрастать, цветсти, расцвести, расцветать, процветать, процветание, зресть, созреть, вырождаться).

Обращает на себя внимание несколько закономерностей. Во-первых, наиболее активно С. В. Лавров употребляет метафоры на основе членов подгруппы «Жизнедеятельность растений» (более 50% ед. из этой группы), причем данные лексемы в первичном ЛСВ именуют все основные этапы жизненного цикла растений. Более того, многие члены подгруппы «Части растений» также включают в свою исходную семантику указание на этап в жизнедеятельности флоры (ср.: зерно, росток, всходы, цвет, плод). Во-вторых, абсолютное большинство зафиксированных фитонимов обобщенно именуют различные элементы растений и этапы их развития. Лишь две единицы называют плоды конкретных растений, но только в составе идом, формируемых на основе метафоризации: горох – как об стенку горох, яблоко – яблоко раздора. В-третьих, семантическая структурированность лексем, развивающих переносные значения, проявляется также в их деривационном единстве: многие единицы представляют собой члены одного словообразовательного гнезда (ср.: **корень**, коренной, корениться, укорениться; **расты**, рост, росток, прорастать, вырасти, разрастаться, произрастать; **цвости**, цвет, расцвести, расцветать, процветать, процветание; **зресть**, созреть). Наконец, семантико-деривационные связи данных единиц обусловливают регулярное формирование частичных метафор в составе однокоренных слов (ср.: **корень** → коренной ‘исконный, основной и постоянный; глубокий, существенный’, корениться ‘иметь что-л. своей основой, причиной, источником’; **цвости** → процветать ‘успешно развиваясь, приходить

в состояние подъема, расцвета’, процветание ‘успешное развитие; подъем, расцвет’).

Члены СГ «**Взаимодействие человека с растительным миром**» хотя и составляют периферию метафоризуемого фонда СП «Флора» (31,7%), но также имеют тенденцию к семантической структуризации. В частности, можно выделить две подгруппы, на базе которых формируются соответствующие переносы:

1) «Обобщенные наименования процессов, связанных с взаимодействием человека и флоры (растениеводством, огородничеством, садоводством)» – 4 ед. (ср.: сад ‘участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами’, возвращать ‘выращивать’, культивирование ‘разведение, выращивание (растений, злаков)’, гибридный ‘имеющий отношение к организмам, возникающим в результате гибридизации растений или животных различных пород, сортов, видов’);

2) «Конкретизированное взаимодействие человека с растениями; цикл работ по выращиванию различных культур» – 9 ед. (ср.: подготовить почву, пахать, сеять, насаждать, насаждение, насаждаться, искоренить, искоренение, выкорчевывать).

Характерной особенностью данной СГ в семантическом аспекте является то, что абсолютное большинство единиц именует процессы, связанные с возделыванием культурных растений, причем акцент преимущественно делается на начальных этапах этого вида трудовой деятельности (подготовка почвы, пахота, сев и т.п.), а не на ее результатах (сбор урожая). В деривационном аспекте многие единицы, как и в СГ «Растения и их жизнедеятельность», представляют собой члены одного словообразовательного гнезда, в ряде случаев – тех гнезд, что фиксировались в предыдущей СГ. Однако степень регулярности этого процесса ниже, чем в первой СГ (ср.: сажать – сад, насаждать, насаждение, насаждаться; **расты** – возвращать; **корень** – искоренить, искоренение).

Таким образом, можно констатировать, что в целом состав фитонимов как источников метафоризации в речи С. В. Лаврова отнесен системностью и избирательностью. Принцип элективности предопределен стремлением министра использовать фитоморфные переносы в составе достаточно четко структурированных в концептуальном аспекте моделей метафоризации.

Основные фитоморфные модели метафоризации

Как показал анализ исследованного метафорического корпуса, фитометафоры хорошо структурированы и могут быть объединены в две взаимосвязанные модели: бытийно-динамическую и прагма-аксиологическую. Данные модели имеют общеязыковую природу, но их когнитивные матрицы модифицированы в соответствии с теми концептуальными задачами, которые решаются с их помощью.

Ядерное положение в данной системе принадлежит бытийно-динамической модели: 33 лексические единицы (80,5%) в 84 контекстах (76,4%), тогда как фитоморфная прагма-аксиологическая модель оказывается периферийной: 8 лексических единиц (19,5%) в 26 контекстах (23,6%).

Фитоморфная **бытийно-динамическая** модель в исследуемом метафорическом корпусе является не только наиболее востребованной, но и хорошо структурированной. Нами зафиксировано два варианта ее реализации.

Первый вариант бытийно-динамической модели связан с метафоризацией лексем с не-каузативным представлением ситуации. В соответствии с общеязыковой когнитивной матрицей различные этапы бытия и развития политических, идеологических, социально-экономических феноменов в речи С. В. Лаврова ассоциируются с различными стадиями в жизнедеятельности растений:

1) источник бытия, развития чего-либо; их основа – с подземной частью растений и их зародышами, определяющими развитие флоры: 2 ед. (зерно, корениться) в 4 контекстах; например: зерно: ‘плод и семя злаков, семя растений’ → ‘зародыш, исходное начало; ядро чего-л.’ (ср.: *Не только англосаксы.., но уже французы, а недавно и немцы объявили, что они направляют свой флот для того, чтобы «сдерживать» Китай. Вот где опасность «коренится»*. 01.09.2022);

2) начальный этап бытия, развития чего-либо – с появлением из-под земли стеблей растений: 4 ед. (прорастать, произрастать, росток, всходы) в 9 контекстах; например: всходы: ‘ростки семян, показавшиеся из земли’ → ‘первые проявления какого-либо процесса, явления, начало их развития’ (ср.: *Одновременно неонацистские «ростки» [на Украине] дали хорошие всходы*. 22.07.2022а);

3) укрепление и устойчивое развитие чего-либо – с укреплением корневой системы, увели-

чением длины растений, занимаемой ими площади и количества отростков от ствола дерева: 6 ед. (укорениться, расти, рост, вырасти, разрастаться, разветвленный) в 27 контекстах; например: разрастаться: ‘вырастая, стать выше, гуще, занять больше места’ → ‘увеличиваться, становиться многочисленнее; усиливаться, распространяться’ (ср.: *Подобные методы расправы над несогласными в духе средневековой инквизиции укоренились в Эстонии и других странах Прибалтики*. 07.08.2024; С каждой из африканских стран у нас устойчивые тенденции роста товарооборота. 24.09.2022; *На Украине разрастались* неонацистские батальоны (со свастиками и символикой «Ваффен-СС»), которые становились основой ВСУ. 27.07.2022в);

4) наивысшая степень в развитии чего-либо – с периодом цветения растений: 5 ед. (цвет, цветы, расцвести, процветать, процветание) в 11 контекстах; например: цветы: ‘раскрывшись, распустившись, быть в поре цветения (о цветах)’ → ‘успешно развиваться; преуспевать’ (ср.: *Поэтому неонацизм там [на Украине] цветёт, и на это закрывают глаза западные кураторы*. 18.05.2022; *Только Евразия, самый большой, процветающий, развитый и богатый континент, не имеет своей общеконтинентальной организации*. 12.03.2025);

5) результат развития чего-либо – со спелостью и плодоношением растений: 4 ед. (зреть, созреть, плод, плодотворный) в 8 контекстах; например: созреть: ‘стать зрелым, достичь спелости’ → ‘развившись, сложиться, принять законченную форму’; плодотворный: ‘благоприятно влияющий на жизнь растений’ → ‘приносящий результаты; результативный’ (ср.: *Если «созрела» [для переговоров по «зерновой» сделке] киевская власть, будем только рады сотрудничать*. 08.06.22; *Расчитываем на продолжение плодотворного сотрудничества*. 28.09.22);

6) деградация, упадок в развитии чего-либо – с ухудшением природных свойств, утратой растением ценных свойств предшествующих поколений: 1 ед. (вырождаться) в 1 контексте (ср.: *Всё это [о «зерновой сделке»] «вырождается» в коммерческий вывоз [украинского зерна, предназначенного для помощи беднейшим странам] в западные страны*. 07.04.2023).

Во втором варианте бытийно-динамической модели отражено каузативное представление ситуации, т. е. ее основу составляют метафоры на базе членов СГ «Взаимодействие

человека с растительным миром». В соответствии с когнитивной матрицей позитивное или негативное воздействие внешних сил на бытие и развитие политических, идеологических, социально-экономических феноменов коррелируется с участием человека в жизнедеятельности растений:

1) источник, причина появления и развития феномена; предпринимаемые усилия для появления, развития чего-либо – с различными видами трудовой сельскохозяйственной деятельности человека (с подготовкой почвы, севом, с выращиванием отобранных видов растений и т.п.): 7 ед. (*подготовить почву, сеять, возвращать, культивирование, насаждать, насаждаться, насаждение*) в 12 контекстах; например: *сеять*: ‘разбрасывать семена на подготовленную для посева почву’ → ‘распространять’; *культивирование*: ‘выращивание (растений, злаков)’ → ‘развитие, совершенствование чего-л. какими-л. способами, приемами; содействие развитию чего-л.’ (ср.: [Расизм в Западной Европе] уже не латентный, а откровенный. Его **насаждают**. 24.09.2022; Именно тогда [в 2015 г.] были **посеяны** зерна кризиса [на Украине]. 02.02.2023);

2) приложение особых усилий по развитию чего-либо – с пахотой как с одним из самых трудоемких процессов в растениеводстве: 1 ед. (*пахать*) в 1 контексте (ср.: Все упомянули о подвиге Красной Армии, господин М. Пенс сказал: «Мы все были счастливы, когда 27 января 1945 г. союзники распахнули ворота Освенцима...». Понимаете, какие союзники имелись в виду? То есть из серии «и мы **пахали**». Печально. 30.03.2025);

3) устранение, уничтожение чего-либо – с вытаскиванием из земли, выворачиванием с корнем растений: 3 ед. (*искоренить, искоренение, выкорчевывать*) в 4 контекстах; например: *выкорчевывать*: ‘выворачивать, вытаскивать из земли пни с корнями (подготовка к севу и т.п.)’ → ‘совершенно устранять, уничтожать, истреблять’ (ср.: Уже упоминал об **искоренении** [киевским режимом] русского языка, СМИ, культуры. 12.03.2025).

Оба варианта модели функционируют в рамках общего концептуального пространства, дополняя друг друга. При этом можно отметить следующие особенности.

Во-первых, наиболее последовательно с помощью такого рода единиц С. В. Лавров характеризует русофобскую и агрессивную политику киевского режима, а также коллективного

Запада, покровительствующего украинской элите и стремящегося к мировому господству и доминированию, а также активное противодействие этим процессам со стороны РФ и других государств, стремящихся к сохранению своего суверенитета. Значимость в речи С. В. Лаврова именно этой модели проявляется, в частности, в том, что регулярно в одном контексте фиксируется несколько концептуально близких переносов (ср.: Необходимо **искоренить ростки** неонацизма, которые сейчас бурно **расцветают** «под сенью» этого расистского, русофобского режима в Киеве. 28.10.2024а; Кто-нибудь не увидел здесь [в русофобских высказываниях В. Зеленского] не то что «**ростки**», а «**махровый цвет**» нацизма? 02.02.2023; Неонацистские «**ростки**» [на Украине] дали хорошие **всходы**. 22.07.2022а; [США] объявляли зоной своих интересов территории за 10 тыс. миль от американских берегов и везде **сеяли** хаос, чтобы потом в этой «мутной воде» «ловить» американскую «рыбку». 24.09.2022; [«Коллективный Запад»] открыто взял курс на отказ от международного права и **насаждение** собственных правил. 01.09.2022б).

Во-вторых, одни и те же или однородные переносы могут получать в выступлениях министра как позитивную, так и негативную оценку – в зависимости от того, о характеристике каких явлений (поддерживаемых Россией или осуждаемых ею) идет речь (ср.: На Украине **процветает** нацизм. 16.06.2022б – Именно от нас, нашего слаженного труда ... зависят перспективы ... укреплять региональную безопасность и обеспечивать **процветание** наших народов. 30.09.2022а; В застенках СБУ находится видная украинская общественница Е. Бережная, неоднократно выступавшая в ООН и ОБСЕ по поводу **роста** неонацизма на Украине. 24.09.2022а; В европейских столицах уже звучат признания, что санкции ... вредят их же авторам: инфляция, **рост** цен, особенно на энергоносители. 01.09.2022б – Из практических направлений работы в рамках ВАС и АРФ выделю принятное по нашей инициативе решение продвигать формирование ... обеспечения дополнительного экономического **роста** через поощрение сотрудничества в сфере туризма. 27.07.2024; На Украине ... русский язык **искоренён** юридически и физически. 12.03.2025 – Поставлена цель, чтобы правящие партии ... [в странах БРИКС] продвигали задачу **искоренения** остатков колониализма. 02.11.2024а).

Наконец, число контекстов, в которых с помощью анализируемых фитометафор указывается на достижение позитивных результатов в решении международных проблем, на максимально возможное развитие благоприятных для РФ и мирового сообщества в целом политических и социально-экономических процессов, невелико. В основном такого рода ситуации характеризуются как некоторые внушающие умеренный оптимизм тенденции, возможные в будущем, и т.п. (ср.: *Но выстраивать нашу жизнь, политику в надежде на то, что через год-два-три или даже четыре-пять всё вернется, ... – это бесперспективная иллюзорная позиция. Все зависит от наших «партнеров». Когда они [страны «коллективного Запада】 созреют, будем готовы их послушать. 01.09.2022; Рассчитываем на продолжение плодотворного сотрудничества. 28.09.2022*). Это вполне закономерно, поскольку отражает, с одной стороны, общее усиление конфронтации и нестабильности в мире, а с другой – стремление С. В. Лаврова сосредоточить внимание партнеров по переговорам, слушателей и читателей на наиболее сложных и требующих решения международных проблемах.

Концептуальную основу фитоморфной **прагма-аксиологической** модели составляют функциональная и иная оценка различных феноменов, связанных со строением, жизнедеятельностью растений и воздействия на этот процесс человека, а также с разными типами растительных массивов. Таким образом, эта модель, как и бытийно-динамическая, охватывает все основные группы и подгруппы СП «Флора». Вместе с тем в статистическом аспекте, как отмечалось, прагма-аксиологическая метафорическая подсистема занимает периферийное положение в речи С. В. Лаврова – 8 ед. (19,5%) в 26 контекстах (23,6%). Безусловно, это сказывается на степени регулярности и структурированности когнитивной матрицы модели. Тем не менее нами зафиксировано два варианта ее реализации.

Основу первого варианта модели составляет оценка растительного мира и его различных массивов с точки зрения их роли в жизни человека. Данный вариант представлен только 3 лексемами (*зеленый, джунгли, сад*) в 8 контекстах, причем метафорическое значение первой единицы является семантической калькой, а две последние единицы фиксируются толь-

ко как цитаты из речи западноевропейского политика. Общим концептуально значимым признаком для членов этого ряда становится признак ‘**опасный / безопасный для жизнедеятельности человека**’:

– экологически чистая среда – на базе восприятия растительного мира как безопасного для окружающей среды в противовес цивилизованному миру, использующему загрязняющие среду технологии, источники энергии и т.п.: например: *зеленый: ‘заросший растительностью, состоящий из зелени, имеющей к ней отношение’ → ‘экологичный, не связанный с использованием вредных технологий, со сниженным потреблением энергии’* (ср.: *Еще одним фактором [экономического кризиса в Европе] был абсолютно бесконтрольный политизированный бескомпромиссный переход на «зеленую экономику*. 19.01.2023);

– цивилизованная, благополучная среда; мир «коллективного Запада» в целом – на базе восприятия сада, созданного руками человека для себя и своих нужд массива зеленых насаждений, как безопасного и успешно развивающегося (только при цитировании Ж. Борреля (верховного представителя Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности ЕС) в ироническом контексте) (ср.: *Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель уже говорил, что в Европе «цветущий сад», а все остальное «джунгли», от которых нужно отгораживаться, но одновременно нужно следить за ними*. 23.01.2023);

– нецивилизованная, неблагополучная и опасная для европейского мира среда – на базе восприятия джунглей, тропических непрходимых болотистых лесов, как нецивилизованного и опасного для человека пространства (только при цитировании Ж. Борреля и его оценки мира за пределами «коллективного Запада» в ироническом контексте) (ср.: *Никакой демократии в международных делах Запад не хочет. «Джунгли и цветущий сад» – вот и вся демократия*. 23.01.2023).

В основе второго варианта модели лежит корреляция функционально-оценочной характеристики политических, социально-экономических феноменов с качественными признаками, функциональной значимостью структурных составляющих растений, их типов и т.п. Данный вариант используется мини-

стром более активно: 5 ед. (корень, коренной, гибридный, горох, яблоко) в 18 контекстах, хотя о последовательной реализации всей когнитивной матрицы здесь также речи не идет.

В частности, наиболее востребованными оказываются метафоры двух членов одного словообразовательного гнезда (корень, коренной), в основе которых лежит функциональная оценка этой части растения как основы, источника его развития; например: *корень*: ‘подземная часть растения, посредством которой оно укрепляется в почве и получает из земли воду с растворенными в ней минеральными веществами’ – ‘начало, источник, основа чего-л.’; ‘род, семья’. Данные переносы употребляются С. В. Лавровым при позитивной характеристике генетических, культурных и иных связей русского и украинского народа, при указании на традиционные для русской культуры ценности, а также на наиболее значимые, сущностные характеристики общественных процессов и явлений (ср.: *Тем самым [киевские власти] «выкорчевывали» из Украины все русские **корни** и общую историю русского и украинского народов.* 25.03.2022; *К чему может привести добровольный отказ от духовных и культурных **корней**, завещанных предками, свидетельствует ситуация на Украине.* 02.01.2024б; *Все эти годы наши призывы не были пустыми уговорами и просьбами, а отражали **коренные** интересы нашей страны.* 01.09.2022б).

Достаточно регулярно в выступлениях министра при негативной оценке агрессивных действий «коллективного Запада» по отношению к России употребляется калькированное терминологическое сочетание *гибридная война* ‘враждебные действия, при котором нападающая сторона использует не классическое военное вторжение, а сочетание скрытых операций, диверсий и т.п.’. Метафоризация адъектива *гибридный* базируется на наличии разнородных качественных признаков у природного объекта, в том числе флористического, который был трансформирован человеком в своих утилитарных целях (ср.: *Результатом стало безоглядное продвижение НАТО на восток, подготовка Украины в качестве плацдарма для начала гибридной войны против Российской Федерации.* 07.02.2023).

Наконец, прагма-аксиологический компонент является ведущим в метафорической

трансформации двух идиом с фитонимами: *яблоко раздора* ‘повод, причина ссоры, спора, серьезных разногласий’ и *как об стенку горох* ‘ничего не действует на кого-л.; бесполезно говорить, советовать что-либо кому-л.’ Но в данном случае негативная оценка имеет другую когнитивную, культурно-историческую основу, не связанную непосредственно со строением, жизнедеятельностью растений и т.п. В первом случае (*яблоко раздора*) идиоматическое значение формируется на базе античного мифа о золотом яблоке с надписью «прекраснейшей», из-за которого произошла ссора между богинями Герой, Афиной и Афродитой и в конце концов началась Троянская война (ср.: *Все понимали, что Украина – это «яблоко раздора*, которое вскрыло гораздо более глобальную проблему и стало триггером в этих процессах. 25.04.2022). Во втором случае (*как об стенку горох*) идиома формируется в рамках деструктивной когнитивной модели: как высушенные легкие плоды гороха не могут разрушить стену, так чьи-либо слова, доводы не могут убедить собеседника, повлиять на него (ср.: *Все наши обращения напрямую и через ЕС, ОБСЕ, – как у нас говорят, «как об стенку горох».* 01.09.22б).

Выводы

Итак, как показал анализ устных выступлений С. В. Лаврова 2022 – начала 2025 г., министр достаточно активно использует фитоморфные метафоры при характеристике современной политической ситуации в мире, причем их употребление отмечено системностью и концептуальной значимостью. Эти свойства флористических переносов проявляются в нескольких аспектах.

Во-первых, С. В. Лавров достаточно избирательен в выборе фитонимов как источников метафоризации. Наиболее последовательно министр использует члены СГ «Растения и их жизнедеятельность» (с преобладанием единиц, именующих части растений и основные этапы их жизнедеятельности). Члены СГ «Взаимодействие человека с растительным миром» составляют в исследуемом метафорическом корпусе периферию, но в семантическом аспекте ориентированы на отражение ситуаций, так или иначе связанных с жизнедеятельностью растений.

Во-вторых, системность в выборе источников метафоризации отражает стремление министра использовать фитоморфные переносы в составе достаточно четко структурированных в концептуальном аспекте моделей метафоризации. С. В. Лавров оперирует двумя моделями метафоризации – ядерной (бытийно-динамической) и периферийной (прагмаксиологической), в которых политические и социально-экономические феномены ассоциируются либо с жизнедеятельностью, либо с функционально-прагматической значимостью различных типов и частей растений.

В-третьих, в соответствии с когнитивными матрицами данных моделей в политической картине мира, репрезентируемой министром, киевский режим позиционируется как источник агрессии и национализма, активно поддерживаемый «коллективным Западом» в его стремлении к мировой гегемонии, а Российской Федерации – как государство, отстаивающее свой суверенитет и развивающее равноправное сотрудничество с дружественными странами.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 895 с. (Язык. Семиотика. Культура).
2. Балашова Л. В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики // Вестник Омского университета. 2015. № 2 (76). С. 169–177. EDN: TZQTYL
3. Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Языки славянской культуры, 1998. 764 с. (Studia philologica).
4. Балашова Л. В. «Дипломатичное» и «недипломатичное» в жанрах дипломатического дискурса: на материале метафор в текстах пресс-конференции и интервью Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, посвященных военной спецоперации на Украине // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 272–284. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-272-284>, EDN: HFBMYH
5. Балашова Л. В. Эмотивная метафорика в жанрах дипломатического дискурса: динамический аспект (на материале текстов пресс-конференций и интервью министра иностранных дел С. В. Лаврова 2023 года) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 337–348. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-337-348>, EDN: VDURBA
6. Балашова Л. В. Идеологема «Украина» сквозь призму антропоморфной метафоры (на материале устных выступлений С. В. Лаврова в 2022–2024 гг.) // Политическая лингвистика. 2025. № 1 (109). С. 12–19. EDN: JXZKQG
7. Будаев Э. В., Кильдюшевская А. А. Метафоры природы в англоязычном дискурсе моды // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 73–78. EDN: XMRRNZ
8. Дехнич О. В. Концептуальная метафора «People are trees» в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004. 21 с. EDN: NHXEXJ
9. Елисеева Д. С. Флористическая метафора в поэтической вселенной «Сонетов» У. Шекспира // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 1896–1900. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970706.htm> (дата обращения: 12.12.2023). EDN: ZBGNNL
10. Кропотухина П. В. Когнитивное исследование фитоморфной метафоры в современных политических дискурсах России и Великобритании : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011. 24 с. EDN: QHLHGH
11. Кропотухина П. В. Концептосфера «Мир растений» как объект лингвистических исследований // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 35–39. EDN: SJEEVN
12. Балашова Л. В. Идеологема «Коллективный Запад» сквозь призму антропоморфной метафоры (на материале выступлений С. В. Лаврова после начала специальной военной операции 24.02.2022) // Политическая лингвистика. 2024. № 5 (95). С. 24–29. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_05_02, EDN: VQYOIF
13. Игнатьева Т. В. Языковые средства реализации межкультурного взаимодействия и оценки политической конфронтации (на материале российского дипломатического дискурса) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 118–126. <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.81.4.012>, EDN: FGMADY
14. Спорова И. П., Желутхина М. Р. Метафора как основное средство воздействия в жанре «политическая email-рассылка» // Политическая лингвистика. 2022. № 6 (96). С. 110–119. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_06_12, EDN: FKCTJZ
15. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1 (022). С. 47–56. EDN: MVDFBR
16. Кокоурова Д. Д., Боброва Е. А. Речевые тактики в речи политика: лингвопрагматический аспект (на материале речей Сергея Лаврова) // Global and Regional Research. 2024. Т. 6, № 1. С. 104–114. EDN: JJJMMZ
17. Каскаракова З. Е. Проблема изучения флористической лексики в отечественной лингвистике // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. № 3 (19). С. 29–32. EDN: XTDJAT

18. Бойко Л. Г. Мир флоры в устойчивых сравнениях // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 10 (34). С. 75–77. EDN: KBXOSN
19. Гарбуйо И. Ю. Семантический и лингвокультурологический аспекты изучения фитонимических метафор в русском языке (на фоне итальянского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017. 23 с. EDN: ZQEMBB
20. Жунусова Ж. Н., Ермукан Е. Б. Заимствованная лексика в составе тематической группы «Флора» // Филологи земли Орловской: истоки и развитие направлений исследований : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Орел, 23–24 октября 2020 г.) / под ред. Ж. А. Зубовой. Орел : Изд-во Орловского ун-та, 2020. С. 110–114. EDN: QLTEJL
21. Исаев Ю. Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках. Чебоксары : Изд-во Чувашского ун-та, 2019. 348 с. EDN: QLSQKG
22. Красакова А. В. Языковая игра в политическом дискурсе в речи С. В. Лаврова // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4, № 2. С. 157–163. EDN: UIIAV
23. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). М. : Азбуковник, 1998. 800 с.

Поступила в редакцию 24.04.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted 24.04.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 01.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 414–423

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 414–423

<https://bonjour.sgu.ru>

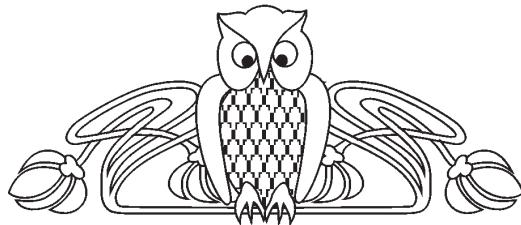
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-414-423>, EDN: MSZNUP

Научная статья

УДК 811.161.1'374

Лексикографический портрет зnamенательного слова *togo*

М. Р. Мирошниченко

Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67

Мирошниченко Мария Романовна, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, mr.miroshnichenko@sgsru.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3971-9468>

Аннотация. В статье представлена методика лексикографического портретирования, разработанная Ю. Д. Апресяном и применяемая для комплексного описания значимых лингвистических свойств слов, на примере местоименной формы *togo*, лексикографический портрет которой не представлен ни в одном из существующих в настоящий момент словарей омонимов. Основной целью работы является интеграция знаменательных функциональных омонимов слова *togo* в систему русского языка через лексикографическое описание, учитывающее такие аспекты слова, как морфологические, синтаксические, семантические, стилистические и др. Комментируется, что лексикографические источники разнородно и непоследовательно отражают ряд свойств знаменательного слова *togo*. В частности, отмечено наличие исследовательских пробелов в области количественной и качественной характеристики функциональных омонимов *togo*. Исследование словарных источников показало, что в составе омокомплекса *togo* лексикографами характеризуются лишь частица и предикатив, тогда как другие омонимы, например неизменяемая форма прилагательного и прonomинативный глагол, остаются без словарных комментариев. Результаты исследования также выявили наличие шести лексико-семантических вариантов *togo*; в статье приведено их описание, даны комментарии в связи с использованием лексем в различных синтаксических конструкциях. Активным в употреблении определен вариант под дефиницией «о том, кто не вполне нормален, странен, глуповат или с психическими отклонениями». Кроме того, автором охарактеризованы pragmaticальные и экспрессивные свойства *togo* с акцентом на активное участие слова в выражении семантики умолчания и реализации комического. В статье подчеркивается многоаспектность и полисемантичность лексикализованной местоименной формы *togo*, что делает данную языковую единицу особенно интересной для лингвистического анализа. Исследование вносит вклад в развитие отечественной русистики, предоставляя методы для более глубокого понимания слов, входящих в состав омокомплексов, что является важным для уточнения и дополнения существующих словарных статей.

Ключевые слова: лексикографическое портретирование, функциональные омонимы, лексико-семантические варианты, местоименная форма, лексикализация, pragmaticальные свойства, русская лексикография

Для цитирования: Мирошниченко М. Р. Лексикографический портрет знаменательного слова *togo* // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 414–423. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-414-423>, EDN: MSZNUP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Lexicographic portrait of the autosemantic word “togo”

M. R. Miroshnichenko

Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxima Gorkogo St., Samara 443099, Russia

Maria R. Miroshnichenko, mr.miroshnichenko@sgsru.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3971-9468>

Abstract. The article presents a methodology of lexicographic profiling developed by Y. D. Apresyan, applied for a comprehensive description of meaningful linguistic properties of words, exemplified by the pronominal form “*togo*”, whose lexicographic portrait is not represented in any current dictionary of homonyms. The main goal is to integrate the autosemantic functional homonyms of the word “*togo*” into the system of the Russian language through a lexicographic description, taking into account such aspects of the word as morphological, syntactic, semantic, stylistic, and others. The article notes that lexicographic sources reflect some properties of the autosemantic word “*togo*” in a heterogeneous and inconsistent manner. In particular, gaps in the quantitative and qualitative characterization of its functional homonyms are identified. Research of dictionary sources shows that only the particle and predicative are characterized within the “*togo*” homonym complex, while other homonyms, for example, the uninflected adverbial “*togo*” and the corresponding pronominal verb remain without dictionary commentary. The research also revealed six lexico-semantic variants of “*togo*,” described in the article, with comments related to their use in various syntactic constructions. The semantic dominant is defined under the definition “about someone who is not quite sane, strange, foolish, or has psychological deviations”. Besides, the author characterizes the pragmatic and expressive properties of “*togo*,” focusing on its active

role in expressing semantics of omission and the realization of the comic. The article emphasizes the multi-faceted and polysemic nature of the lexicalized pronominal form of "того," making this linguistic unit particularly interesting for linguistic analysis. The research contributes to the development of domestic Russian studies, providing methods for a deeper understanding of words in homonym complexes, which is important for refining and supplementing the existing dictionary entries.

Keywords: lexicographic profiling, functional homonyms, lexico-semantic variants, pronominal form, lexicalization, pragmatic properties, Russian lexicography

For citation: Miroshnichenko M. R. Lexicographic portrait of the autosemantic word "того". *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 414–423 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-414-423>, EDN: MSZNUP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Методология лексикографического портретирования, предложенная Ю. Д. Апресяном, была разработана для достижения максимальной систематизации и адекватности в представлении языковой системы (подробнее см. [1]). Составление лексикографического портрета слова нацелено на всестороннее отражение всех его значимых лингвистических свойств, включая морфологические, синтаксические, семантические, стилистические, просодические и другие аспекты. Лексикографический портрет, таким образом, должен представлять собой не просто словарную статью, а многоаспектное описание, которое содержит не только традиционные лексикографические данные, но и спектр коммуникативных и pragmaticальных особенностей функционирования слова. Принцип лексикографического портретирования Ю. Д. Апресяна активно используется для комплексного описания слов различной частеречной принадлежности. Так, лексикографические портреты уже предложены для слов «храм» [2], «жизнь» [3], «провинция» [4], «женщина» [5], «разве» [6], «погрязнуть» [7] и др. Однако лексикограф, задумавший дать интегральную языковую характеристику местоимению или его лексикализованным формам, сталкивается со множеством объективных сложностей, что, по мнению Н. Ю. Шведовой, обусловлено высокой абстрактностью и полисемантичностью прonomинативной лексики [8, с. 3], а с точки зрения В. Н. Носковой и И. П. Матхановой, может быть связано с противоречивой частеречной природой местоимений [9, с. 65]. К настоящему моменту варианты комплексного словарного описания даны следующим местоимениям: «другой» [9], «иной» [10], «который» [11], «мы» [12], неопределенным местоимениям на «-нибудь» [13], местоимениям деконкретизации на «-то» [14], притяжательным местоимениями «ее», «его», «их» [15].

Местоименная форма *того* в современном русском языке образует омокомплекс. Результатом лексикализации формы *того* стали такие омонимы слова, как категория состояния, прonomинативный глагол, неизменяемая форма прилагательного, частица, синкетичные единицы. Однако частеречный состав омокомплекса *того* еще ожидает точной характеристики. Обратный процесс – грамматикализация – породил функционирование *того* как частицы. В существующих в настоящий момент словарях омонимов слово *того* не описано (см. [16–23]), а в имеющихся толковых словарях состав функциональных омонимов описан не полностью. В рамках ранее проведенной нами научно-исследовательской работы было предложено лексикографическое описание для частицы-хезитатива *того* (подробнее см. [24]). В настоящей статье внимание сосредоточено исключительно на портретировании комплекса знаменательных (самостоятельных) функциональных омонимов лексикализованной формы *того*. Знаменательность (самостоятельность) используем в понимании В. В. Виноградова и П. А. Леканта как семантико-грамматический класс слов, противопоставленный служебным частям речи, модальным словам и междометиям.

Функциональные омонимы *того* до настоящего времени фактически оставались лингвистическим артефактом при активном использовании данной лексемы как в устной речи носителей русского языка, так и в художественной литературе, публицистике и устно-письменной интернет-коммуникации. Обозначенная исследовательская лакуна определила цель настоящей работы – провести лексикографическое портретирование знаменательного слова *того*, обозначив, тем самым, его место в системе языка, а также особенности его функционирования. *Предмет исследования* – лексикографические характеристики знаменательных омонимов слова *того* как части омокомплекса в системе современного русского языка.

Объект исследования – знаменательное слово *того*. Новизна данного исследования состоит в разработке первого лексикографического описания для местоименной формы *того* в ее лексикализованном не служебном употреблении. Работа направлена на устранение сложившегося научного пробела путем анализа и систематизации лексикографической информации о слове. *Актуальность* исследования обусловлена необходимостью разработки методики лексикографического описания функциональных омонимов, в частности объединенных местоименными формами. Несмотря на значимость обозначенной проблематики, текущие словарные ресурсы не полностью отражают реальные языковые отношения, особенно когда речь идет о полисемантических единицах и их функциональных вариациях. Лексикографическое портретирование компонентов местоименных омокомплексов, результаты которого могли бы адекватно отражать семантическую сложность и функциональное многообразие прономинативной лексики, является критически важным для дальнейшего развития отечественной русистики.

При проведении исследования использовались следующие *методы*:

– общенакуучными методами поиска, интерпретации и обобщения информации осуществлялись соответственно нахождение слова *того* в словарных источниках, аккумулирование лексикографической информации и ее структурирование по параметрам, требуемым для интегрального описания слова;

– дефиниционным анализом изучались словарные толкования *того*, а также этимология слова и его сочетаемостные особенности, морфологические и синтаксические свойства, описываемые в дефинициях;

– компонентным анализом исследовалась семантика *того* посредством разложения лексико-семантических вариантов слова (далее – ЛСВ) на минимальные семантические составляющие, выявлялись различия между значениями ЛСВ;

– функционально-стилистический, pragматический и лингвостилистический анализы применялись для определения функционально-стилевой принадлежности *того*, обусловленности его употребления сферой функционирования языка, устойчивых коннотаций лексемы, а также для характеристики иллокутивной функции высказываний, содержащих данную языковую единицу;

– перцептивно-лингвистическими методами оценивались просодические особенности функционирования слова и графические средства их отображения в письменной речи.

Обсуждение результатов

Нами был проведен анализ 23 лексикографических источников, включая общие толковые и специальные словари, такие как словари синонимов и антонимов, фразеологические и орфографические словари, словарь эвфемизмов и этимологические словари, а также словари омонимов. Первым этапом составления лексикографического портрета *того* был произведен анализ словарной информации, актуальной для всего омокомплекса вне зависимости от категориально-грамматических свойств его отдельных компонентов. Данная словарная информация касается этимологии слова, вариантов его произношения, качественного и количественного состава функциональных омонимов омокомплекса, стилистического статуса слова *того* в системе языковых средств. Затем словарный портрет *того* детализировался для группы омонимов, относящихся только к знаменательным частям речи в соответствии с целью настоящей работы. Отразим далее результаты проведенного исследования.

Общая лексикографическая информация об омокомплексе *того*

Исследование показало, что слово *того* отсутствует в толковых словарях русского языка до XVIII в. и впервые фиксируется только в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, изданном в период с 1863 по 1866 гг.

Позиция историков языка и лексикографов относительно этимологии местоименной формы «*того*» неоднозначна. Так, в «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией М. Фасмера указывается, что местоименная форма «*того*» исторически является формой Род. п. ед. ч. указательного местоимения «*тот*», корни которого, с точки зрения И. Шмидта, в свою очередь сходны с формами Им. и Вин. п. ед. ч. притяжательного прилагательного, образованного от корня **to-* [25, 26]. Д. Н. Ушаков предполагает, что форма «*того*» выделилась в отдельную лексему из Род. п. местоимения «*то*». Лексикограф также указывает, что Им. и

Вин. п. этого местоимения дали начало частице «-то», в современном русском языке присоединяемой к вопросительным местоимениям и наречиям, переводя их в неопределенные [27]. А вот в словаре В. И. Даля утверждается, что форма «того» с одинаковой вероятностью может восходить как к местоимению «то», так и к местоимению «тот» [28].

В современном русском языке местоименная форма «того» прошла процесс лексикализации, что фиксируется в морфемно-орфографических словарях отсутствием форм словоизменения [29, 30]. Словообразовательный потенциал «того» проявляется в основном через лексико-синтаксическое сращение, что приводит к созданию таких форм, как «товоронко», «толовено», «толовонко», «толовонодекать», «тобоишь» и др. [28]. Тем не менее в толковых словарях современного русского языка слова, производные от «того», не представлены, однако имеется информация о наличии у «того» вариантов написания. Так, отдельные словарные источники указывают на существование графически альтернативного написания слова «того», отражающего произносительную норму – «тово» с заменой заднеязычного «г» на щелевой «в» [28, 31, 27].

В блоке общей лексикографической информации об омокомплексе *того* отметим также состав функциональных омонимов омокомплекса, представленный в изученных нами словарях.

Информация о лексико-грамматическом составе компонентов омокомплекса *того* представлена в словарях различно. Во-первых, варьируются количественный и качественный состав элементов омокомплекса. Во-вторых, неоднородны принципы и терминология, используемые составителями словарей для частеречной квалификации функциональных омонимов, в том числе в пределах одного и того же словарного источника. Так, например, словари [27, 30–35] фиксируют в качестве одного из функциональных омонимов *того* «того в функции сказуемого», при этом собственно лексико-грамматический статус слова остается не определенным. Вероятно, решение грамматического вопроса о частеречной квалификации компонентов омокомплекса *того* многие составители словарей видят в анализе их семантико-синтаксических функций.

Принимая данное положение во внимание, в результате анализа словарных источников

мы установили, что к числу функциональных омонимов *того* лексикографы единодушно относят только частицу-хезитатив. Другие функциональные варианты слова определяются словарями опосредованно, через указание их семантико-синтаксической функции как *того* «в значении прилагательного» [35] и «в значении сказуемого» [27, 30–36]. Предикатив *того* как функциональный омоним отмечен в «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой [37]. Понятие «предикатив» утвердилось в лингвистике относительно недавно. Можно говорить о двух вариантах трактовки лингвистами этого термина: в широком («синтаксическом») понимании – сказуемое из предикативного сочетания, в узком («морфологическом») – «гибридная» часть речи, выполняющая функцию именной части главного члена безличного предложения с собственным категориальным значением состояния. Полагаем наличие терминологической омонимии в иллюстрациях предикатива *того* такими лексикографическими примерами, как: [Поэт] прочитал стихи жене, – ей тоже понравились. – Только, – сказала она, – первое четверостишие как будто не *того* [29]. Таким образом, по результатам исследования лексикографической информации о категориально-грамматических свойствах знаменательного слова *того* отмечаем, что лексикографическими источниками фактически в группе неслужебных омонимов *того* выделяется только предикатив с изложенными выше примечаниями к возможным вариантам его лингвистической трактовки.

Что касается выразительных и функционально-стилистических свойств омокомплекса, отмечаем особую эмоционально-экспрессивную нагрузку *того* и стилистическую маркированность комплекса. *Того* активно функционирует в разговорном стиле как в устной форме речи, так и в устно-письменном варианте интернет-коммуникации, а также как элемент стилизации разговорного стиля в языке художественной литературы. Во многих словарях *того* обозначается, в первую очередь, как «просторечное» [27, 31, 34, 36, 37]. Отдельные лексикографы определяют *того* как «разговорно-сниженное» [32] и «разговорное» [33], что утверждает статус омокомплекса как языковой реалии повседневного общения, обладающей особым pragmatischen потенциалом. Для частицы

того это не только возможность ее участия в заполнении пауз хезитации, но и реализация дополнительных коммуникативных задач, таких как намек, маскировка, эвфемия (подробнее об этом см. [24]).

По словам А. Е. Кибрика, «прагматические компоненты могут рассматриваться как частные сферы семантического представления» [38, с. 22]. В этой связи перейдем к дальнейшему анализу лексикографической информации, актуальной для знаменательных (самостоятельных) омонимов *того*, и охарактеризуем синтаксические, сочетаемостные, семантические и прагматические особенности омонимов данной группы.

Лексикографическая информация о знаменательных омонимах *того*

Лексикографические источники фиксируют использование *того* в следующих синтаксических функциях:

1) в функции именной части составного сказуемого выступает *того* наречие: *В колхозе «Новая жизнь» шестнадцатый по счету председатель оказался не **того**, заменять надо* (Троепольский, Прохор семнадцатый, король жестянщиков) [31];

2) в функции главного члена (предикативного слова) в безличном предложении видим *того* предикатив: *А мне не **того**... нехорошо как будто* (Чехов, Три года) [31];

3) в функции несогласованного определения используется снова наречие: *Оба – и она, и Валентин Юрьевич – считают меня малость **того*** (Киреев, Светлячок) [36].

Функцию простого сказуемого для прономинативного глагола *того* лексикографические источники не отмечают, однако пример такого функционирования можно найти среди прочих иллюстраций: *В голове его шевелятся игривые мысли. – А что ты думаешь, любезный! – говорит он, – ведь он ...тово! ведь он бабенкуто ...тово!* (Салтыков-Щедрин, Помпадуры и помпадуши) [36].

Анализ приведенных и других примеров, представленных в словарях для иллюстрации функционирования *того*, позволяет охарактеризовать сочетательную ценность лексемы. Слово *того* однотипно может употребляться с такими распространителями его значения, как отрицательная частица *не* и наречия (частотно наречия меры и степени): *Я уже упомянул, что с отцом у меня не тово* (Эртель, Гарденины) [33]; *Того, (совсем) того кто, того <не того> что* [39]. Данные сочетаемостные особенности обусловлены, как видно, категориальной и семантической валентностью входящих в состав омокомплекса знаменательных единиц (наречия, предикатива, прономинативного глагола). Е. П. Иванян указывает, что сочетаемость *того* с кванторными словами является показателем использования слова в качестве средства выражения семантики умолчания, поскольку кванторные слова в данном случае используются для «смягчения» высказывания [40, с. 58].

Перейдем к характеристике семантических свойств *того*. В ходе анализа словарных дефиниций нами было выделено шесть лексико-семантических вариантов слова и представлено в таблице семантизированных значений (табл. 1).

Таблица 1

Семантизированные значения знаменательного слова *того*

Лексико-семантический вариант	Дефиниция
ЛСВ	‘о неудовлетворительных, отрицательных в каком-нибудь отношении свойстве, качестве, состоянии’
ЛСВ-1	‘о чем-то, что в общем виде нехорошо, неблагополучно’
ЛСВ-2	‘о том, кто не вполне нормален, странен, глуповат или с психическими отклонениями’
ЛСВ-3	‘о том, кто нетрезвый’
ЛСВ-4	‘для обозначения совершения полового акта’
ЛСВ-5	‘для обозначения убийства’
ЛСВ-6	‘о плохом самочувствии, тяжелом душевном состоянии’

Работа с толкованиями *того* в лексикографических источниках показала, что словари отмечают разное количество лексико-семантических вариантов слова. Данное

наблюдение потребовало составить синоптическую таблицу, иллюстрирующую степень представленности ЛСВ в различных словарях (табл. 2).

Таблица 2

Представленность лексико-семантических вариантов *того* в словарях

Лексико-семантические варианты	Словарь							
	ЛСВ	Словарь народной и служебных слов русского языка, Бурцева, 2005	Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, 1999	Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный, Ефремова, 2000	Современный толковый словарь русского языка, Ефремова, 2005	Толковый словарь русской разговорной речи, Голанова, 2021	Словарь эвфемизмов русского языка, Иванян, 2021	Большой толковый словарь русского языка, Кузнецова, 1998
ЛСВ	+	+	+	-	-	-	+	-
Оттенок	-	+	-	-	-	-	+	-
ЛСВ-1	-	+	-	-	-	-	-	-
ЛСВ-2	+	+	+	+	+	+	+	+
ЛСВ-3	-	-	+	+	-	-	-	-
ЛСВ-4	-	-	-	-	-	+	-	-
ЛСВ-5	-	-	-	-	-	+	-	-
ЛСВ-6	-	+	-	-	-	-	-	-

Анализ словарных источников позволил выявить значительное сходство толкований лексико-семантического варианта (в таблице обозначен как «ЛСВ»), представленного следующими дефинициями: «употр. для обозначения свойства, качества, состояния, преимущественно отрицательного, неудовлетворительного в каком-л. отношении» [34]; «вм. прям. наименования свойств, качеств, состояний с отр. оц.» [36]; «о свойстве, качестве, состоянии, неудовлетворительных, отрицательных в каком-н. отношении» [32]. В некоторых словарях фиксируется наличие оттенка у ЛСВ: «(с отриц.) плохой, неважный» [34], «употребляется в значении: плохой, неважный» [31]. Иллюстрируется ЛСВ следующими примерами: *Да, погода... – сказал Ергунов... – Ведь я промок, это самое, как хлющ. И*

*револьвер мой, кажется, **того...*** (Чехов, Воры) [36], *Табак-то **того**: испортился. Рыба уже **того**. Голос у тебя **того** – охрип* [34], *Мясо-то у нас **того**, с запашком. Глаза-то у тебя **того**, красные очень* [35].

В соответствии с принципом метонимического переноса один из лексико-семантических вариантов (ЛСВ-1) тесно ассоциируется с толкованиями, в которых данный вариант описывается как ‘нехорошо, неблагополучно, не в порядке’ – *А у Брагиных-то не **того**... – заметила однажды Марфа Петровна. – А что, Марфа Петровна? – осведомилась Пелагея Миневна. – Да так!.. неладно* (Мамин-Сибиряк, Дикое счастье) [31]; ‘плоховато (дело) и т.п.’ – *Дела-то, знаете, **того*** [28].

Как представляется, достаточно частотным в употреблении может рассматриваться

ЛСВ-2, фиксируемый дефинициями: «о том, кто не вполне нормален, странен или глуповат» [39], «употребляется для обозначения каких-л. ненормальностей, нарушений в психике человека» [31], «не вполне нормальный» [30], «употр. для обозначения каких-л. отклонений, нарушений в психике человека» [34] и др. (см. табл. 2). Приведем примеры-иллюстрации из словарей: *Толик не унимался: – А может, Серафим, ты **того**... – он покрутил указательным пальцем у виска* (Бурлак, Хранители древних тайн) [39]; *Многие гениальные люди имели какие-то сдвиги. Всякий творческий человек немножко **того**...* (Гринин, Кто-то должен) [33]; *В такую холдину купаться? Ты что, совсем **того**, что ли?* [32].

Также отметим достаточно активный в употреблении ЛСВ-3 с толкованиями: «нетрезвый» [32], «употр. в знач. глуповат, ненормален или навеселе, пьян, а также в знач. неважен, плоховат» [36], «ненормален, глуповат, или же навеселе, пьян» [27]. Например: *А Петрович, по-моему, уже **того**, не наливай ему больше!* [32]; *Пришел домой совсем **того**. А вам не кажется, что он немножко **того**?* Выпили немножко, а он уже **того** [28].

Ряд словарей выделяет неузальные лексико-семантические варианты, отмеченные нами под индексами ЛСВ-4, ЛСВ-5 и ЛСВ-6. ЛСВ-4 закреплен в значении «вм. прям. обозначения совершать (совершить) половой акт» в словаре [36]: *В голове его шевелятся игристые мысли. – А что ты думаешь, любезный!* – говорит он, – ведь он... **тово!** ведь он бабенку-то ...**тово!** (Салтыков-Щедрин, Помпадуры и помпадуриши). Там же находим ЛСВ-5 под дефиницией «вм. убить»: *– Ну я ей вот этот самый ножичек в горло и ... **тово!**...* (Шишков, Угрюм-река) [36]. ЛСВ-6 представлен определением «о плохом самочувствии, тяжелом душевном состоянии» и зафиксирован в словаре с иллюстрацией: *– А мне не **того**... нехорошо как будто* (Чехов, Три года) [34].

Исследование толкований, представленных в лексикографических источниках, позволило нам выявить семантические компоненты *того*. Результаты анализа показали, что лексикографами дифференцируются следующие тематические доминанты:

1) отрицательное качество или неблагоприятное состояние дел, что отражено в лексико-семантических вариантах ЛСВ, ЛСВ-1 и ЛСВ-6;

2) отклонение от норм поведения, охватываемое лексико-семантическими вариантами ЛСВ-2 и ЛСВ-3;

3) физическое воздействие, что находит свое выражение в ЛСВ-4 и ЛСВ-5.

Анализ материала, используемого в словарях в качестве иллюстративных примеров для слова *того*, позволил выявить, что предметно-логическое содержание слова и грамматические характеристики конкретного функционального омонима тесно переплетаются с общей экспрессивной, эмоциональной и оценочной негативной окраской слова. Нередко изобразительные возможности слова *того* сопровождаются невербальными семиотическими элементами (жестами), на что указывает словарь [32]: «сопровождается жестом, а именно постукиванием по лбу или покручиванием указательным пальцем у виска».

Прагматическая функция *того* соотносится с его использованием для указания на табуированные темы, которые по разным причинам предпочтительно избегать. Так, например, лексикографические источники приводят следующие иллюстрации использования *того*: *Вчера от радости был на седьмом небе, а чуть немножко **того**... так и не умеет перенести горя* (Гончаров, Обыкновенная история) [28]; *А у Брагиных-то не **того**...* – заметила однажды Марфа Петровна. – *А что, Марфа Петровна?* – осведомилась Пелагея Миневна. – *Да так!..* неладно (Мамин-Сибиряк, Дикое счастье) [31]. Анализ примеров показывает, что зачастую редукция семантики слова *того* не позволяет точно определить его смысл без контекстуальной поддержки. Для устранения многозначности и достижения более точного понимания конкретного ЛСВ к слову добавляются различные уточняющие конструкции, которые сужают круг его потенциальных интерпретаций. Возможность *того* служить для передачи скрытого, неявно выраженного смысла обозначается словарями такими специальными пометами, как «вместо...» и «эвфемизм». Например, «вм. с психическими отклонениями, сумасшедший»: *– Я четыре раза письменно предупреждал Михаила Сергеевича о том, что зреет мятеж (...).* Обычно он отвечал: *мол, ты, Саша, немножко **того**...* [36]; «фам. эвф.»: *– А вам не кажется, что он немножко **того**?* [28]. Ряд лексикографических источников отмечают функционирование

того как языкового средства выражения комического: «для иронической оценки» [32], «слово-паразит или слово-эвфемизм, которое в комических целях вставляется в речь говорящего как можно чаще» [41]. Таким образом, прагматический потенциал слова раскрывается в контексте презентации им таких концептуальных категорий, как умолчание и категория комического.

Несмотря на то, что эвфемистические выражения формируют особое синонимическое множество, представленное конституентами различного объема и языкового состава, слово *того* в эвфемистическом употреблении не отмечается словарями синонимов и антонимов ни в качестве заглавного слова словарной статьи, ни как компонент в каком-либо синонимико-антонимических рядах.

Что касается просодических и графических свойств оформления слова, отметим типичное сопровождение *того* на письме знаком многоточия до или после слова: *Вызвать дух Марка и поинтересоваться – что это такое непонятное он нарисовал в своём блокноте? И уж заодно спросить – кто его *того-с...** (Колчак, *Охота на журавля*) [36]. Оформление знаком многоточия перерыва в звучании указывает на место возникновения речевого затруднения, заминки, обусловленной необходимостью поиска оптимальной формулировки, а также сигнализирует о семантике умолчания, реализующейся в речевом акте намека.

Выводы

Проведенное лексикографическое портретирование знаменательного слова *того* позволило интегрировать комплекс его функциональных омонимов в систему современного русского языка. Были определены зоны лексикографической определенности. Так, единодущие лексикографов в целом удается отметить в описании функционально-стилистических, прагматических, словообразовательных и просодических свойств *того*. Слово *того* активно функционирует в разговорной речи, в интернет-коммуникации, а также в языке художественной литературы для стилизации устной речи. Словарями отмечается стилистически сниженный статус слова и окаменелость, неизменяемость его парадигмы. Просодические особенности *того* соотносятся с его

прагматическими функциями: употребляясь как средство репрезентации семантики умолчания, *того* сопровождается на письме знаком многоточия, а в звучащей речи – особой паузой с оформлением интонации намека.

Тем не менее, лексикографическая информация относительно иных значимых свойств слова *того* характеризуется неоднородностью. Так, нами отмечены разночтения лексикографов относительно вопросов этимологии слова, а также неполнота и непоследовательность описания количественного и качественного состава функциональных омонимов *того*, влекущие за собой ряд пробелов в характеристике синтаксических и сочетаемостных свойств знаменательного слова *того*. Словарями традиционно выделяются в составе омокомплекса предикатив и частица. Частеречный статус всех функциональных омонимов *того* еще предстоит охарактеризовать. По результатам проведенного анализа дефиниций слова *того* нами установлено наличие шести лексико-семантических вариантов. Активно функционирует ЛСВ-2 со значением «о том, кто не вполне нормален, странен, глуповат или с психическими отклонениями». Таким образом, результаты лексикографического портретирования *того* определили перед нами перспективы дальнейшего исследования этой уникальной языковой единицы, заключающиеся в характеристике системных свойств функциональных омонимов в составе омокомплекса.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Санников А. В., Урысон Е. В. Языковая картина мира и системная лексикография. М. : Языки славянских культур, 2006. 910 с. EDN: PWASXB
2. Канарская Л. Г., Честных Е. С. Лексикографический портрет слова «храм» // Наука и Образование. 2024. Т. 7, № 1. Ст. 42. URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/6429> (дата обращения: 21.03.2025). EDN: AEFUUE
3. Шерстяных И. В. Лексикографическое портретирование слова (на примере интегрального описания слова «жизнь») // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия. Филология. 2011. № 2 (14). С. 62–68.
4. Паршина О. Д. Лексикографический портрет слова «провинция» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10, № 4. С. 47–56. EDN: ZVTJAM

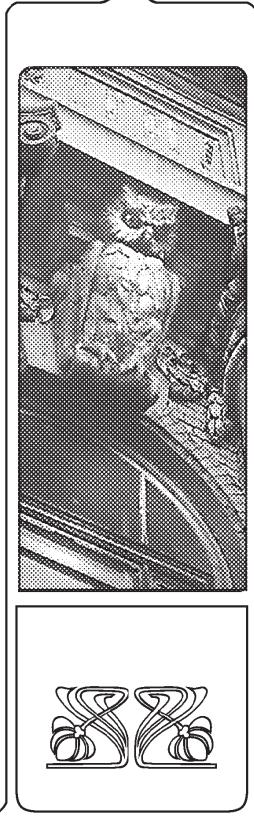
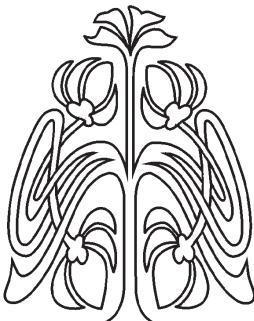
5. Черникова Н. В. Женщина: лексикографический портрет // Русская речь. 2015. № 3. С. 61–67. EDN: UDEFRR
6. Алимпиева Л. В. Лексикографический портрет частицы «разве» для русской типовой части двуязычного словаря // Научное обозрение. Педагогические науки. 2022. № 5. С. 46–50. URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=2450> (дата обращения: 19.01.2025). EDN: TUUUUF
7. Долгова Е. Ю. Лексикографическое портретирование лексемы «погрязнуть» (Х–XVII вв.) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4 (39). С. 23–30. EDN: JXHRMS
8. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. Слова указывающие (местоимения). Слова имеющие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). М. : Ин-т русского языка РАН, 2002. 807 с.
9. Носкова В. Н., Матханова И. П. Функционирование местоимения *ДРУГОЙ* и особенности его словарного представления // Вопросы лексикографии. 2021. № 22. С. 64–85. <https://doi.org/10.17223/22274200/22/4>. EDN: KZMNZE
10. Труфанова И. В. Лексикографический портрет местоимения *иной* // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 3. С. 509–518. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-3-509-518>. EDN: ZIOMYL
11. Труфанова И. В. Лексикографический портрет местоимения *который* // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 500–505. EDN: XXDIEX
12. Гранева И. Ю. Местоимение *мы* в современном русском языке: коммуникативно-прагматический подход: автореф. дис. канд. филол. наук. Киров, 2010. 27 с. EDN: ZNZTWP
13. Пенькова Я. Семантика неопределенных местоимений на *нибудь* в русском языке XV–XVII вв. и проблема их лексикографического описания // Доклады от Седмата международна конференция по лексикография и лексикология (София, 15–16 октомври 2015 г.). София : Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2015. С. 624–630.
14. Воронцов Р. И. Местоимения деконкретизации в толковых словарях русского языка // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 5–13. <https://doi.org/10.17223/15617793/501/1>. EDN: PACTDS
15. Галактионова И. В. Притяжательные местоимения *его, ее и их* в толковом словаре // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 3 (25). С. 180–202. <https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.3.13>. EDN: CURNUX
16. Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. 3-е изд., стер. М. : Русский язык, 1986. 448 с.
17. Головня А. И. Словарь лексико-грамматических омонимов. Минск : Изд-во БГУ, 2007. 83 с.
18. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь омонимов русского языка. М. : ACT, Lingua, 2008. 1408 с. (Biblio).
19. Колесников Н. П. Словарь омонимов русского языка. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 670 с.
20. Ким О. М., Островкина И. Е. Словарь грамматических омонимов русского языка. Ок. 11000 слов, ок. 5000 омонимических рядов. М. : Астрель ; ACT ; Ермак, 2004. 842 с.
21. Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н. А. Павловой. М. : Флинта, 2010. 304 с.
22. Сидоренко И. Я., Сидоренко Е. Н. Краткий толково-грамматический словарь функциональных омонимов русского языка : в 2 ч. М. : Флинта, 2017. Ч. 1. 126 с.
23. Сидоренко И. Я., Сидоренко Е. Н. Краткий толково-грамматический словарь функциональных омонимов русского языка : в 2 ч. М. : Флинта, 2017. Ч. 2. 198 с.
24. Мирошниченко М. Р. Просодические и коммуникативные особенности вербального хезитатива *того* // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам IX Междунар. науч.-практ. конф. (27–28 марта 2025 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2025. С. 124–127.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стер. Т. 4. М. : Прогресс, 1997. 832 с.
26. Шмидт И. А. Э. Ручной словарь российско-немецкий и немецко-российский по словарю Российской академии, сочиненный др. И. А. Э. Шмидом, проф. При новом изд., доп. и испр. Ч. 2. Лейпциг : К. Тухниц, 1839. 752 с.
27. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Астрель ; ACT, 2000. Т. 4: С–Ящурный. 1499 с.
28. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М. : Славянский Дом Книги, 2014. 832 с. (Словари и пособия для школьников).
29. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь. М. : ACT, 2002. 700 с.
30. Русский орфографический словарь : ок. 200 000 слов / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Изд. 5-е, испр. М. : ACT-Пресс Школа, 2018. 896 с. (Фундаментальные словари русского языка).
31. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. С–Я. 4-е изд., стер. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. 797 с.
32. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб. : Норинт, 2004. 762 с.

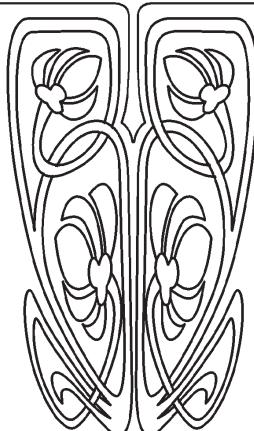
33. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.
34. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М. : Азъ, 1992. 960 с.
35. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В. В. Бурцева. М. : Русский язык Медиа, 2005. 750 с.
36. Ивакян Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. 3-е изд., стер. М. : Флинта, 2021. 464 с.
37. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 25.03.2025).
38. Кибrik A. E. Очерки по общим и прикладным вопросам языкоznания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
39. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4: С–Т / авт.-сост. : Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, А. В. Занадворова, Е. В. Какорина, Л. П. Крысин, Е. А. Никишина, А. Р. Пестова, Н. Н. Розанова, Р. И. Розина, О. А. Шарыкина. М. : Издательский дом ЯСК, 2021. 680 с.
40. Иванян Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. М. : Флинта, 2020. 328 с. EDN: XRVRF
41. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. М. : ACT-Пресс, 2023. 672 с.

Поступила в редакцию 29.03.2025; одобрена после рецензирования 04.05.2025; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted 29.03.2025; approved after reviewing 04.05.2025; accepted for publication 01.09.2025

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 424–431

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 424–431
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-424-431>
EDN: RSDHNF

Научная статья
УДК 821.133.1.09-311.1|17|+929Кребийон-сын

Единство и многообразие форм художественного психологизма в творчестве Кребийона-сына

Ю. И. Семенченко

Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42

Семенченко Юрий Игоревич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы, yurisemenchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3360-7453>

Аннотация. В статье предлагается концептуальный взгляд на вопрос о соотношении аналитического и объективного психологизма в творчестве Кребийона-сына через рассмотрение восточной сказки «Шумовка, или Танзай и Неадарне» и романа «Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура» как частей единой художественной системы. Предпочтение конкретной формы художественного психологизма определяется, с одной стороны, вариативностью форм освоения персонажами правил светского общежития при постоянном интересе к движениям собственного сердца, с другой стороны – поиском таких поэтических форм, которые бы предоставили разным читателям возможность по-своему реконструировать образ имплицитного автора. Аналитические психологические характеристики используются при описании открытия Неадарне чувственной стороны своего Я с целью предоставления читателю большей свободы в довершение двоящегося этико-психологического облика принцессы; стыдливые читатели освобождались от пугающих подробностей интимных сторон души, те же, кто стремился распалить эротическое воображение, самостоятельно дополняли непроговоренное о робком знакомстве юной девушки с наслаждениями. В «Заблуждениях...» выход на уровень объективного психологизма позволяет не только исследовать влияние непостоянства как сущностного качества человеческой души на открывающиеся перед Мелькуром пути самореализации в светском обществе, но и подвести двойственный – в морально-психологическом плане – итог самопознания человека рококо как такового. Таким образом, появление в более поздних произведениях Кребийона признаков перехода от аналитического психологизма к объективному может быть объяснено не только творческой эволюцией автора и следствием динамики жанрово-стилевых изменений во французском психологическом романе XVIII в., но и стремлением к отражению разнообразия положений и чувств рокайльного человека, а также к формированию такой системы поэтических средств, которая стимулировала бы активное участие читателя не только в разгадывании двоящегося смысла моральных мотивировок героев, но и в реконструкции образа имплицитного автора.

Ключевые слова: французская литература XVIII в., французский психологический роман, рокайльный роман, поэтиология, амбигитивность, имплицитный автор, имплицитный читатель, Кребийон-сын

Для цитирования: Семенченко Ю. И. Единство и многообразие форм художественного психологизма в творчестве Кребийона-сына // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 424–431. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-424-431>, EDN: RSDHNF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Unity and diversity of forms of artistic psychologism in Crébillon-son's works

Yu. I. Semenchenko

Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russian

Yuriy I. Semenchenko, yurisemenchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3360-7453>

Abstract. The article explores the correlation between analytical and objective psychologism in Crébillon-son's works by means of analyzing an oriental fairytale *Tançai et Néadarné* and a novel *Les Égarements du cœur et de l'esprit* as parts of a unified artistic system. A preference for a certain form of artistic psychologism is defined by two factors. Firstly, it depends on the variability of characters mastering the rules of social etiquette while maintaining the interest in movements of their own hearts. Secondly, the preference is shaped by a search for poetological forms that would allow different readers to reconstruct the image of an implied author in their own ways. Analytical psychological characteristics are used to describe Néadarné's discovery of the sensual side of self in order to provide the reader with more freedom to complete an ambivalent ethical and psychological image of the princess. Shy readers were exempt from frightening details of the private aspects of the soul, whereas those who sought to ignite their erotic imagination were free to fill in the blank pages of the young lady's acquaintance with sensual pleasures. *Les Égarements du cœur et de l'esprit* reaches the level of objective psychologism. It allows not only to explore the influence of inconsistency as an integral part of human nature, available to Meilcour on his attempt to excel in high society, but also to finalize the result – ambiguous in both moral and psychological sense – of the rocaille person's self-exploration per se. Thus, the signs of transition from analytical to objective psychologism, which are present in Crébillon-son's later works, cannot be considered as merely an indicator of the author's creative evolution, a result of genre dynamics or stylistic shifts in the French psychological novel of the 18th century. These signs also demonstrate the desire to depict the diversity of a rocaille person's feelings and situations they find themselves in as well as to form such a system of poetological devices that would stimulate readers' active participation not only in unraveling of the character's ambivalent moral motivations but also in reconstructing the image of an implied author.

Keywords: 18th century French literature, French psychological novel, rocaille novel, poetology, ambiguity, implied author, implied reader, Crébillon-son

For citation: Semenchenko Yu. I. Unity and diversity of forms of artistic psychologism in Crébillon-son's works. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 424–431 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-424-431>, EDN: RSDHNF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Творчество Кребийона-сына всегда было предметом споров и дискуссий как читателей-свременников, так и исследователей. Для последней группы едва ли не первым камнем преткновения стал спор об идейной основе произведений писателя. По мнению одних исследователей, к числу которых Н. В. Забабурова относила в первую очередь А. Куле, Кребийон ставил целью своего творчества изобличение представителей светского общества, облекавших грубость своих желаний и эгоизм чувств в одежды утонченных манер и изящных речевых оборотов [1, с. 148–149]. По мнению других, писатель проповедовал либертеновскую систему мыслей и чувствований как безальтернативный способ бытия субъекта, не способного противостоять жажде чувственных удовольствий (М. В. Разумовская, Л. Лебретон) [2, с. 117; 3, р. 85].

Немало споров вызывает и вопрос о природе психологизма кребийоновских романов. При его решении многие исходят из того, что Кребийон стремился не к фиксированию и анализу универсальных психологических законов, а к определению и художественному описанию границ влияния морали светской жизни на формирование чувств субъекта и его эмоционально-

волевого отношения к ним. Поэтому нет единого мнения о том, какой прием психологического анализа является у Кребийона ведущим: аналитический психологизм с его статичными и замкнутыми характеристиками душевных процессов, попытками очертить резкими линиями узор внутренней жизни персонажа как получившей свою детерминированность от встречи двух фактов – социально регламентированной жизни и интимно-личностного переживания себя во вне, или объективный – также ориентирующийся на социальное бытие человека как главный источник движений души и сильных переживаний, но акцентирующий наличие в человеческой психике универсальных механизмов и реакций, для которых внешняя реальность – или набор социальных ситуаций – является проекционной плоскостью для самообозначения присутствия.

Несколько обособленное, но отнюдь не маргинальное положение в академическом дискурсе занимает точка зрения П. Брукса, согласно которой романы Кребийона являются не психологической, а нравоописательной прозой [4, р. 13]. Такая категоричность оценки как бы равна акцентируемой Кребийоном в предисловии к «Заблуждениям сердца и ума»

дистанции между собственным романом как «зеркалом жизни» и каталогом светских причуд и этикетных форм и романом, ориентированным на вымысел и занимательность («роман воображения» в терминологии Ортеги-и-Гассета [5]). О «Заблуждениях...» как о произведении, описывающем прежде всего придворные нравы эпохи Регентства, писали также А. Д. Михайлов [6] и М. В. Разумовская [2].

Для нас, однако, особый интерес представляют работы тех исследователей, которые эксплицируют в романическом творчестве Кребийона разные стадии перехода от аналитического психологизма к объективному психологизму. И здесь в фокусе оказываются «Заблуждения сердца и ума». Так, В. Мильн подчеркивает, что благодаря приему «двойного регистра» роль героя-рассказчика практически отождествляется с ролью автора: ретроспективная дистанция между Мелькуром в юности и Мелькуром, возвращающимся в прошлое, не только дает герою-рассказчику преимущество «успокоившегося чувства», но и объем знаний, достаточный для того, чтобы подойти к осознанию связи своей судьбы с судьбой общества [7, р. 131–134]. Другой исследователь, П. Гольмен, обосновывает версию о существовании в «Заблуждениях...» двух приемов психологического анализа: классического анализа (максимы, законы морально-философские формулы, складывающиеся в характерологический рисунок-чертеж) и объективного анализа, разрушающего эти самые формулы [8, р. 8]. Н. В. Забабурова отмечает стремление Кребийона к обобщению социально-психологических явлений и конкретизации универсальных морально-психологических категорий в контексте включенности субъекта в конкретную социальную группу [9, с. 408].

Позволим себе немного иначе представить соотношение приемов психологического анализа в романическом наследии Кребийона. Некоторые признаки объективного анализа могут быть обнаружены уже в «Письмах маркизы М*** графу Р***»: и хотя в романе звучит только голос маркизы, а мир вещей и вовсе отсутствует, героиня, фиксируя и анализируя перемены в ритме души и образе чувствований, по мере приближения катастрофы нравственного падения и отречения от усвоенной из опыта наблюдения за высшим светом морали начинает все больше примирять к себе судьбы других представительниц женского пола, для

которых предчувствие капитуляции также сопровождалось сладкой истомой. В «Заблуждениях...» критическая ретроспектива неудачных попыток неопытного фата примирить собственную концепцию чувств с принятым в высшем свете «хорошим тоном» в finale разрешается в предельно объективный анализ чувств и стремлений рассказчика как способных ввести в заблуждение всякого юношу относительно подлинности вложенной в его сердце любви.

И все же хотелось бы подчеркнуть другое. Приведенное выше снятие антиномии аналитического и объективного психологизма может быть представлено несколько иначе: как проявление определяющего принципа рокайльного мироощущения – единства и многообразия. В такой перспективе каждый текст Кребийона прирастает к какому-либо из других, сополагая и рядорасполагая в заданном семиотическом пространстве разные приемы художественного психологизма как вариации на тему переоткрытия человеком Нового времени своего внутреннего мира под влиянием смены культурно-исторических парадигм.

В отечественном литературоведении уже предпринимались попытки определить единый этико-эстетический принцип романного творчества Кребийона. Одна из них принадлежит И. В. Лукьянцу [10], вскрывшей изменчиво-прихотливую логику систематизации Кребийоном своих структурно-тематических стратегий: незавершенность произведений (иногда явно идущая вразрез с поэтической телесемиотикой предисловия или предуведомления) как бы разветвляется на две разные «незавершенности» – незавершенность, оставляющую романную коллизию разомкнутой даже на уровне фабулы («Заблуждения...»), и незавершенность, не имеющую сюжетообразующего значения («Счастливые сироты»); следующая стратегия, как будто в противовес предыдущей, собирает в фокус многообразие изображаемых автором жизненных ситуаций, во всех них повторяется один и тот же набор социальных типов – «либертен-себлазнитель, дама-себлазнительница, женщина-жертва, юноша, вступающий в свет» [10]; наконец, главной точкой схождения множественности нарративно-коммуникативных возможностей – «двойного регистра» («Заблуждения...»), «дуэта для одного голоса» («Письма маркизы М*** графу Р***») и рассказывания одной и той же истории разными лицами («Софа», «Счастливые сироты») – становится игровой

принцип – ведущий не только для поэтики Кребийона, но и для рокайльного романа в целом.

Разные приемы художественного психологизма – аналитического и объективного – осваиваются Кребийоном как знаки ситуаций – иногда прямо референциальные, т. е. однозначно соотносящиеся с референтом в рамках опосредованной через текст коммуникации между автором и читателем, а иногда и вовлекающие реципиента в амбигитивную игру, в которой ему предлагается самостоятельно определить значение знака – либо ограничиться собственно знаковым контекстом его использования, т. е. поверить в референтность изображения, либо взять на себя труд разгадывания всех объектов референции, из совокупности которых и складывается образ имплицитного автора, скрывающегося за личиной игры «верь–не–верь».

Вспомним, что в романе-сказке «Шумовка, или Танзай и Неадарне» приемы художественного психологизма могут быть найдены либо в эпизодах с прекрасными молодыми людьми, робеющими перед незнакомой и пугающей силой пробуждающихся в них чувств, либо в эротических сценах, изображающих обреченность борьбы добродетели против чувственного наслаждения. Так, появление Танзая в опочивальне избранной им невесты становится первым испытанием чувств и для принца, и для невесты: «Танзай, взволнованный прелестью принцессы, уверенный в том, что любим, решил воспользоваться смятением, охватившим Неадарне. Он хотел было вздохнуть, но его вздох, несомый любовью, утонул в губах принцессы; она, конечно же, собиралась воспротивиться, но в подобной ситуации не всегда можно расчитывать на свои силы. <...> принц настаивал, чтобы она вернула ему поцелуй, украденный им, ее целомудрие препятствовало этому, но любовь взяла верх; кажется, первое только для того и существует, чтобы его то и дело приносили в жертву второй. <...> Чем больше мы имеем, тем сильнее мы хотим получить еще больше. Едва сбывается одно желание, как в сердце любящего немедленно рождается следующее» [11, с. 18].

Отметим, что в данном и во всех последующих примерах из «Шумовки...» пределы и возможности исследования внутренней жизни персонажей определяются выбранной автором точкой зрения. В отечественном литературоведении проблема точки зрения получила наиболее развернутое освещение в монографии Б. Успенского «Поэтика композиции» (1970).

Для нас актуально разграничение исследователем «внешней» (авторской) и «внутренней» точек зрения, а также выделение им четырех уровней («планов»), художественного произведения – оценки, фразеологии, времени и пространства (относятся к единому уровню), а также психологии – на котором может быть реализована любая из двух точек зрения [12, с. 77–89]. Интересно проследить, как ауториальный повествователь за счет проведения своей точки зрения одновременно на двух уровнях – на уровне оценки и на уровне психологии – не только воспроизводит социально-психологические портреты представителей аристократического сословия, но и развертывает в миниатюре процесс постижения героями взаимосвязи социальных моделей материалистически-чувственного общества и природы возникновения, а также развития самих психических состояний.

План оценки, который Успенский определяет как «общую систему идейного мировосприятия», ускользает от формализованного исследования. Думается, точка зрения, принимаемая автором для организации повествования, во многом определяется самим жанром произведения: гризузнная «сказочка» позволяет транспонировать повествование о чувственных наслаждениях в беспристрастное свидетельство о нравах эпохи. План оценки приобретает более ясные очертания благодаря тому, что дополняется внутренней психологической точкой зрения; всеведущий рассказчик как бы создает схему анализа мотивации поведения персонажей – сначала фиксируется внешний ход событий в виде кратких сообщений («решил воспользоваться», «собиралась воспротивиться», «любовь взяла вверх»), затем, с ослаблением динамики событий, происходит восстановление психологической дистанции «повествователь – герой», благодаря чему, собственно, и оказывается возможна генерализирующая интерпретация чувственной мизансцены. Так, в быстрой капитуляции Неадарне и триумфе Танзая повествователь распознает стремление знатных, богатых и хорошо воспитанных молодых людей к скорейшему овладению искусством приносить добродетель (а также условности «хорошего тона» как питающую ее почву) в жертву любовному наслаждению таким образом, чтобы та считала себя полностью удовлетворенной.

Те же самые аналитические «слепки» с социальных психологических типов в заключительных эпизодах «Шумовки...» преодолеваются

свою замкнутость и становятся предвестиями будущих открытий объективных механизмов человеческой психики: «Наконец Нарцисс был вознагражден за свою деликатность и получил с лихвой то, что ему полагалось. Принцесса, охваченная вожделением, с удовольствием препоручила себя его заботам. <...> она [Неадарне] вообразила, что Нарцисс похож на Танзая и, удивляясь тому, что не заметила этого сходства раньше, пылая любовью к принцу, с восторгом предалась происходившему, так что духу не на что было жаловатьсяся. Нежные слова, ласки, страстные вздохи, восторги, исступление – он все получил сполна» [10, с. 130–131].

Повествователь анализирует эту эротическую мизансцену, опираясь одновременно на сознание Нарцисса и на сознание Неадарне. Причем возможности приема психологической точки зрения реализуются преимущественно при разгадке внутреннего состояния героини, нежели при объяснении мотивации поведения и намерений духа. Такое распределение акцентов объясняется разной степенью усвоенности светских ритуалов участниками мизансцены: Нарцисс максимально объективирует себя вовне через обращение к искусству градации, призванному осторожно, даже незаметно для самой жертвы вызвать в ее воображении ирреальный объект желания, а затем убедить ее в своей способности слиться с этим самым объектом. Подобную политику наслаждения, бывшую в ходу у адептов сенсуализма, скрупулезно описал М. Делон в монографии «Искусство жить либертена» (2000). Исследователь обнаруживает почти во всех произведениях Кребийона вариации на неизменную ситуацию театрализации запрета вокруг объекта желаний. Импровизированные подмостки – камерное женское пространство вроде спальни или будуара – обзывают участников действия к исполнению конкретных ролей: скромность и предприимчивость у одного и строгость и снисходительность у другой позволяли обоим участникам мизансцены привести в равновесие трезвость и порыв, а также разум и заблуждение. Без этого невозможно было бы получение истинного наслаждения, суть которого составляют «милые пустяки», отодвигающие момент обладания телом; тем более было бы невозможно, чтобы удовольствие одного целиком опознало себя в реальности конкретного тела другого [12, с. 55–58]. Исследователь пишет: «...дух Жонкиль соблазнял принцессу

Неадарне смешением застенчивости и смелости, чередованием вежливости и приступов насилия» [13, с. 55].

Однако важно и другое. Этико-психологическая нюансировка поведения Неадарне и Нарцисса выламывает эту сцену обольщения из ряда ей подобных: неготовность принцессы участвовать во взаимной политике малых шагов вынуждает духа распылять силы на маскирование галантных манер скромности и предприимчивости под зеркальную им пару стратегий – склонения к принятию мысли об абсурдности сопротивления зову судьбы и вменение вины за несправедливое к духу отношение как к «врачевателю», больше всего боящемуся произвести на принцессу неблагоприятное впечатление и заставить ее сожалеть о своем пребывании в Нарциссиле. В итоге происходит невозможное для сугубо галантного соблазнения перераспределение наслаждения: вступление в половое общение с либертеном означает не завершение процесса удовлетворения желания, а формирование у наивной принцессы психологических условий для ее дальнейшего участия в нормированной по либертеновскому образцу чувственной жизни. Контуры этих условий даются довольно полно, хотя и не без некоторых умолчаний: ничем не ограниченные, практически олимпийские возможности внутренней психологической точки зрения позволяют повествователю констатировать открытие Неадарне той чувственной стороны своего Я, мысль о существовании которой была трудной и даже недопустимой для девушки, проявлявшей предвзятость даже тогда, когда речь шла о самом невинном сладострастии – способности наслаждаться не вопреки, а именно потому, что добродетель и стыдливость терпят ущерб. Подобные наблюдения невозможны без погружения в подсознание психической личности, преодоления сопротивления усвоенных ею социальных ролей и норм, из которых складывается идеальная версия Я, постоянно объективирующая себя во взглядах других, следующих своим желаниям удовольствий.

И все же Кребийон здесь не стремится ни к конкретизации интимно-личных переживаний героини в универсальных морально-психологических категориях (это оказывается невозможным из-за излишней камерности и связанной с ней гротескности действия; да и сам жанровый модус «фриольной» сказки сопротивляется пространно-протяженному

анализу), ни даже к завершенности некоторых фабульных моментов. Внешняя точка зрения позволяет повествователю филигранно контролировать не только объем предоставляемой читателю информации, но характер ее воздействия на последнего: ограничиваясь только объективной констатацией механизмов внутренней реакции героини на восприятие своей телесности, всеведущий нарратор подсказывает разной читающей публике мысль о возможности интерпретировать сцену в опочивальне в соответствии с собственной этико-психологической установкой; так, читатели, взыскивающие фривольных и эротических элементов, непременно увидели бы в смятении чувств и мыслей принцессы свидетельства истинности механистического понимания человека, те же, кому тон произведения казался слишком развязным и предосудительным, имели полное право пренебречь предвзятыми мнениями либертенов о девичьем целомудрии и сосредоточиться на динамике перипетий сюжета.

В своем наиболее чистом виде объективный психологизм проявляется в «Заблуждениях...». И хотя основные фабульные события «блужданий» Мелькура – взыскание наслаждений юношей, не умеющим отличать чувственность от любви, неспособность вовремя угадывать желания женщины и избавлять ее от предосудительной откровенности, безоговорочное преклонение перед Версаком, сменяющееся вскоре – под влиянием защитительной речи госпожи де Люрсе (разоблачительным пылом против блистательного фата) свидетельствуют, в первую очередь, о стремлении автора к художественному запечатлению опыта обнаружения неискушенным в светской жизни молодым человеком влияния на себя законов нравственно-психологического климата определенной среды; однако в finale герой-рассказчик, подводя этико-психологический итог первого – и единственного показанного в романе – этапа освоения социальных моделей поведения, не просто дает ретроспективу ошибок, воспрепятствовавших скорейшему овладению «хорошим тоном», но подтверждает существеннейшее свойство человеческой души, открытое еще во второй половине XVI столетия – ее непостоянство: «Гортензия, Гортензия, которую я когда-то боготворил, потом окончательно забыл, снова стала царицей моего сердца. <...> Что привело меня тогда в гостиную госпожи де Люрсе, если

не надежда увидеть Гортензию? – спрашивал я себя. Разве не по ней одной я тосковал, когда она была в отъезде? Какое же волшебство связало меня с женщиной, которую я еще утром просто ненавидел? <...> Что удивительного, если госпожа де Люрсе, при своей красоте и знании человеческого сердца, незаметно завлекла меня в свои сети? А теперь я думаю, что будь у меня больше житейского опыта, госпожа де Люрсе обольстила бы меня еще быстрее <...>. Я бы очень скоро понял, что стыдно быть верным; я не увлекся бы так бурно; влюбленность госпожи де Люрсе казалась бы мне крайне нелепой; <...> Я бы не оставил мыслей о Гортензии и с радостью занимал бы ими свое сердце <...> я уберег бы свое сердце от беспорядочных волнений чувств, я владел бы искусством тонко отличать чувственность от любви, на чем зиждется душевное равновесие, и умел бы совмещать с ним погоню за случайными радостями, вовсе не подвергая себя опасности изменить своей чистой любви» [14, с. 257–258].

Нельзя не отметить роль «двойного регистра» в социальной контекстуализации поведения Мелькура. Вспомним еще раз, что рассматриваемому фрагменту предшествует сцена с попыткой сведения Мелькуром счетов с госпожой де Люрсе. Ее события не случайно показаны с точки зрения женщины. По спрашивавшему мнению В. Д. Алташиной, «техника множественности точек зрения придает субъективному повествованию многогранность и объективность», а монолог госпожи де Люрсе «оказывается чрезвычайно важен для воспитания юного Мелькура» [15, с. 4]. Дополним, что здесь происходит смена точки зрения: ранее господствовавшая точка зрения героя-рассказчика – по сути, тождественная точке зрения всеведущего автора – сменяется подчиненной, «внутренней» точкой зрения. И тем не менее позиция госпожи де Люрсе обозначена автором в плане оценки. Рассмотрение поведения Мелькура с точки зрения маркизы равнозначно попытке дать этически достоверный и эстетически завершенный образ светского общества как системы, регулируемой внешними факторами и готовностью встроенных в нее индивидов уступать своей чувственности. Впоследствии Мелькур ретроспективно узнает в идейном мировоззрении госпожи де Люрсе собственный источник эволюции, выхолостивший из его внутреннего мира все, что не относилось к главному закону светской жизни – наслаждению.

Голос госпожи де Люрсе не просто выступает инстанцией, выносящей приговор о светской незрелости Мелькура, но позволяет последнему осознать степень собственной включенности в движение судеб, которое и становится источником разнообразных психических процессов, не поддающихся до конца сиюминутному осмыслению. Финал оформлен как конспективное – не исчерпывающее, но полное – изложение героем-рассказчиком сложной игры взаимосвязи социальных, а точнее, светских стратегий и сфер чувственности и чувствительности.

Невозможность добиться гармонии между заранее установленным планом самораскрытия и вихрем желаний, поднимаемым калейдоскопически меняющимся окружением, приобретает у Кребийона – как и вообще в рокайльном мироощущении – характер естественно «скандального» [16] проявления человеческой природы в частном, интимно-личностном существовании. В таком свете несоответствие между этическим замыслом, обозначенным в предисловии к «Заблуждениям...» (обещание изобразить, как молодой человек сначала попадает под власть навязываемой ему обществом морали, а затем, стараниями добродетельной девушки, воскрешается для «добрых чувств»), и его эстетической реализацией (повествование завершается изображением Мелькура в момент отказа от одних предрассудков в пользу других) может быть также объяснено принципиальной невозможностью для дегерализированного, рокайльного субъекта обрести какую-либо иную идентичность, кроме той, которая высвечивается в совокупности совершаемых им промахов.

Итак, рассмотрение «Шумовки...» и «Заблуждений...» как текстов, соотносящихся друг с другом как часть с целым, позволяет предложить концептуально и методологически обоснованную трактовку вопроса о природе разработанных в них приемов художественного психологизма; и аналитический (тяготеющий к замкнутым, портретным характеристикам, лишь механистически связанным с социальной причинностью), и объективный (мотивировки поведения героя раскрываются по мере прохождения им инициации в социуме, дополняются, уточняются и за счет этого типизируются, приобретают почти общесоциальный и общечеловеческий смысл) психологизм оказываются

не только средствами исследования мотивировок психических состояний персонажей, но и подступами к ироническому переосмыслению литературных клише [17] в условиях отхождения романного жанра от норм и правил риторической поэтики. Выбор конкретного приема художественного психологизма определяется, во-первых, спецификой изображаемых скандальных человеческих ситуаций: например, в «Шумовке...» инициация в мире чувственности и знакомство с неприемлемыми для социального сознания наслаждениями фиксируются и рационализируются посредством аналитических характеристик и объективной констатации механизмов внутренних реакций на проявления тела, в «Заблуждениях...» ретроспективный и резюмирующий взгляд на себя как на того, кто может представительствовать за всех молодых людей, вступающих в высшее общество, предопределяет выход героя-рассказчика за пределы субъективной точки зрения, в том числе с помощью приема «двойного регистра» – и открытие, и переоткрытие универсальных законов человеческой психики; во-вторых, поэтиологическими установками автора: так, в «Шумовке...» решение ограничиться преимущественно аналитическим психологизмом продиктовано желанием вовлечь разные группы читателей в процесс реконструкции портрета имплицитного автора, в «Заблуждениях...» же объективный психологизм проливает свет на неизбыточное непостоянство человеческой природы, не могущей быть описанной иначе как в категории «незавершенного героя».

Список литературы

1. Забабурова Н. В. Эволюция художественного психологизма во французском романе XVII–XIX веков (от Лафайет до Стендоля) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989. 450 с.
2. Разумовская М. В. Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. 140 с.
3. Le Bretton. Le Roman au dix-huitième siècle. Paris : Librairie Hachette, 1890. 322 р.
4. Brooks P. The novel of worldliness. Crébillon, Marivaux, Laclos, Stendhal. Princeton : Princeton University Press, 1969. 306 р.
5. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте». 1991. URL: <https://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega05.txt> (дата обращения: 06.03.2025).
6. Михайлов А. Д. Роман Кребийона-сына и литературные проблемы рококо // Кребийон-сын. Заблужде-

- ния сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура / под ред. А. Д. Михайлова ; пер. с фр. А. А. Поляк, Н. А. Поляк. М. : Наука, 1974. С. 287–331.
7. *Mylne V.* The eighteenth-century French novel. Techniques of illusion. Manchester : Manchester University Press, 1965. 280 p.
 8. *Gaulmyn P. de.* Essai sur l'écriture des «Egarements» de Crébillon // Les Paradoxes du romancier: Les «Egarements» de Crébillon. Grenoble : Presses Universitaires de Grenoble, 1975. Р. 3–16.
 9. Забабурова Н. В. Избранные труды. Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во Южного федер. ун-та, 2017. 576 с.
 10. Лукъянец И. В. Единство и многообразие в романах Кребийона // Кребийон-сын: проблемы творчества. 2008. URL: <https://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1830-krebijon-syn-problemy-tvorchestva> (дата обращения: 03.02.2025).
 11. Кребийон-сын. Шумовка, или Танзай и Неадарне: Японская история; Софа: Нравоучительная сказка. М. : Наука, 2006. 367 с. (Литературные памятники).
 12. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб. : Азбука, 2000. 352 с.
 13. Делон М. Искусство жить либертена. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 896 с.
 14. Кребийон-сын. Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура / под ред. А. Д. Михайлова ; пер. с фр. А. А. Поляк, Н. А. Поляк. М. : Наука, 1974. 340 с.
 15. Алташина В. Д. Взгляд и слово в романе Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума» // XVIII век: искусство жить и жизнь искусства : сб. науч. работ / Московский государственный университет М. В. Ломоносова, Филол. фак., каф. истории зарубеж. лит. ; отв. ред. Н. Т. Пахсарьян. М. : Экон-Информ, 2004. С. 3–13.
 16. Пахсарьян Н. Т. Роман рококо как роман интерьера // Язык в пространстве и времени. Самара, 2003. Т. 2. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/pahsaryan-roman-rokoko.htm> (дата обращения: 03.02.2025).
 17. Пахсарьян Н. Т. Имплицитный автор и имплицитный читатель в романе рококо // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2020. № 3 (43). С. 68–82. <https://doi.org/10.31249/chel/2020.03.05>, EDN: IMZBLW

Поступила в редакцию 08.03.2025; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted 08.03.2025; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 01.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 432–438

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 432–438

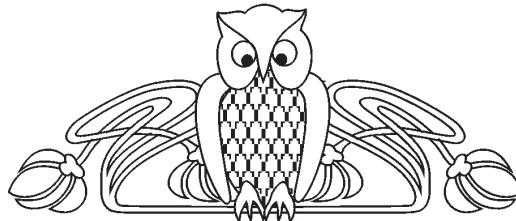
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-432-438>, EDN: SEXFOA

Научная статья

УДК 821.133.1.09-31|17|+929[Мариво+Фенелон]

Границы пародии в романе «Телемак наизнанку» П.-К. Мариво

Г. П. Фирсова

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

Фирсова Галина Петровна, аспирант Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения, galina.p.firsova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9525-9918>

Аннотация. Статья посвящена осмысливанию полемики романа «Телемак наизнанку» П.-К. Мариво (1714) с «Приключениями Телемака» (1699) Ф. Фенелона. Отмечается, что, несмотря на интерес исследователей к роману, специфика его поэтики не была изучена в рамках полемической ориентации на предшественника, отсюда цель статьи – рассмотреть особенности отношений героя и действительности в контексте полемики с Фенелоном, основанной на принципе пародии. Автор исследования обозначает, что в романе Мариво пародия строится на изображении схожих с романом Фенелона событий в актуальной французской действительности XVII–XVIII вв.: Бридерон и его дядя Фосион относятся к последней опосредованно, усматривая в ней сходства с приключениями Телемака и подражая им, что обуславливает особенность романа, которая состоит в связи интертекстуальности и подражания героям (Ж.-П. Сермэн). В процессе анализа выясняется, что отношения героя с действительностью не ограничиваются интертекстуальностью и характеризуются авторефлексией: рассказ-в-рассказе Бридерона демонстрирует вплетение аллюзий во внутренний диалог героя, а затем нарастание авторефлексивных средств произведения в эпизоде карнавала – метафор, а также глаголов чувств, направленных как на самосознание героя, так и роман в целом. В качестве вывода обозначается, что критическая оценка героям карнавала делает его одновременно объектом и субъектом полемики: в ходе инициации Бридерона обличается ориентация Фенелона на античную традицию, что позволяет воспринимать карнавал и путь героя в целом как метафору подражания старым образцам и инструмент литературной пародии.

Ключевые слова: французская литература XVIII в., П.-К. Мариво, Ф. Фенелон, пародия, роман, интертекстуальность, авторефлексивность, полемика

Для цитирования: Фирсова Г. П. Границы пародии в романе «Телемак наизнанку» П.-К. Мариво // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 432–438. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-432-438>, EDN: SEXFOA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The facets of parody in the novel *Le Télémaque travesti* by Pierre Carlet de Marivaux

G. P. Firsova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaya St., Moscow 121069, Russia

Galina P. Firsova, galina.p.firsova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9525-9918>

Abstract. This article deals with understanding the polemic of the novel *Le Télémaque travesti* by Pierre Carlet de Marivaux (1714) with *Les Aventures de Télémaque* (1699) by François Fenelon. It is noted that despite the interest of researchers in the novel, the specific nature of its poetics was not considered within the framework of the polemical focus on its predecessor; therefore, the aim of the article is to consider the peculiarities of the hero's relationship with reality in the context of the Fenelon polemic based on the principle of parody. The author of the study indicates that in Marivaux's novel, the parody is based on the depiction of events similar to Fenelon's novel in the actual French reality of the 17–18 centuries: Brideron and his uncle Phocion treat the latter indirectly, seeing in it similarities with the adventures of Telemachus and imitating them, which determines the peculiarity of the novel, that consists in subordination of intertextuality to the imitation of heroes (J.-P. Sermain). In the process of analysis, it turns out that the hero's relationship with reality is not limited to intertextuality and is also characterized by autoreflexion: Brideron's story-within-a-story demonstrates the interweaving of allusions into the hero's inner dialogue, and then the intensification of the autoreflexive devices in the carnival episode – such as metaphors and verbs of senses – aimed at both the hero's self-awareness and the novel in general. It is concluded that the hero's critical assessment of carnival makes him both an object and a subject of polemic: during Brideron's initiation, Fenelon's orientation towards the ancient tradition is exposed, which makes it possible to perceive the carnival and the hero's path in general as a metaphor for the imitation of old models and a tool of literary parody.

Keywords: French literature of the 18th century, Pierre Carlet de Marivaux, François Fenelon, parody, novel, intertextuality, autoreflexivity, polemic

For citation: Firsova G. P. The facets of parody in the novel *Le Télémaque travesti* by Pierre Carlet de Marivaux. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 432–438 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-432-438>, EDN: SEXFOA. This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Роман «Телемак наизнанку» П.-К. Мариво (1714) является пародией на роман «Приключения Телемака» (1699) Ф. де Салиньяка де Фенелона. Вопрос рецепции применительно к данному произведению Мариво рассматривают такие французские исследователи, как А. Шерель, Ж. Женетт, Р. Грандерут и Ж.-П. Сермэн [1–4], а также авторы некоторых статей [5, 6]. Творчество Мариво – и роман «Телемак наизнанку» в частности – пользуется интересом как в зарубежной, так и отечественной науке, что подтверждается основательным исследованием А. Куле романного творчества автора [7], а также работами В. Д. Алташиной, Н. Т. Пахсарьян, К. А. Чекалова [8–13]. Тем не менее, особенности поэтики этого романа не рассматриваются подробно в контексте полемики с Фенелоном. Роман «Телемак наизнанку» изучен частично и не переводился на русский язык.

Оригинальное заглавие романа («*Le Télémaque travesti*») отсылает к такому типу вариации, как травестия, однако произведение не отвечает ей, как и пародии, в полной мере. Ж. Женетт в своей работе «Палимпсесты» отмечает, что травестия была призвана модифицировать стиль прототекста, не меняя его тематики, пародия, наоборот, меняя тематику, не модифицирует стиль [2, р. 35]. Представляется, что в «Телемаке наизнанку» происходит снижение как стиля, так и тематики, что позволило Ж. Женетту предложить понятие «смешанная пародия» [2, р. 197], учитывающее как стилистические изменения, так и тематические. Здесь нельзя не вспомнить, что тематические изменения обусловлены снижением социального положения персонажей, которые являются, как замечает Ф. Дэлоффр, «деревенскими буржуа» («*bourgeois du village*») [14, р. 1253] Франции рубежа XVII–XVIII вв. Как следствие, на примере романа можно говорить о том, что Ю. Н. Тынянов в своей работе «О пародии» обозначает как «характер комического сдвига систем» [15, с. 299]. Подобный сдвиг, присущий пародии, рассматривается исследователями прежде всего как значительное упрощение описываемой действительности, которая изображается Мариво актуальной, а не эпической. Перед читателем проходят уже не герои Античности (отправляющийся на поиски своего отца Улисса Телемак

и его наставник Ментор, который стремится воспитать не только образцового юношу, но и правителя). Это современные Мариво жители Франции – «молодой Бридерон и его дядя Фосион, которые, прочитав “Приключения Телемака” Фенелона, отождествляют себя с героями» [14, р. 1253] и начинают им подражать. В связи с таким отношением к действительности Сермэн отмечает: «Интертекстуальная связь между двумя Телемаками подчинена изображению миметической деятельности обоих героев: именно история их подражания выходит на первый план и интересует нас здесь» [4, р. 86]. Так обнаруживается не исследованная ранее проблематика, которая обуславливает цель исследования – выяснить, какими особенностями характеризуются отношения героя и действительности в условиях полемической ориентации на предшественника.

Прежде чем рассматривать данные особенности непосредственно, необходимо прояснить контекст и природу этой ориентации. «Телемак наизнанку» был опубликован в 1736 г., т. е. значительно позже даты написания, когда Мариво уже прославился как драматург и автор романа рококо «Жизнь Марианны». Дэлоффр отмечает нежелание читателей и самого Мариво приписывать роман «Телемак наизнанку» его авторству [14, р. 1246], поскольку совершенство стиля, выработанное в более поздних произведениях, отсутствовало в этом примере его раннего творчества. Н. Т. Пахсарьян в след за французскими исследователями выделяет экспериментальность как характерную черту раннего творчества Мариво [10, с. 65], рассматривая другой роман – «Карета, увязшая в грязи». «Телемак наизнанку», вписываясь в ранние романы-эксперименты, принадлежал все же другой историко-литературной эпохе из-за того, что возник в условиях «споря о древних и новых». В нем Мариво принял сторону новых, которые предлагали отказаться от ориентации на античные образцы в литературном творчестве.

Пародия использовалась, таким образом, в целях полемики: для героев роман Фенелона является учебником «благородных чувств» [16, р. 725], при этом такое отношение способствует ироническому эффекту [4, с. 87], поскольку Бридерон и Фосион не осознают

абсурдности подражания античным героям Телемаку и Ментору в рамках действительности Франции рубежа XVII–XVIII вв. Подчеркивая отсутствие реалистической установки у Фенелона, Грандерут видит отличие Мариво в том, что его роман является «реалистическим повествованием о пути юного крестьянина, воплощающего земную мудрость» [3, р. 151]. Несмотря на то, что Мариво, в отличие от Фенелона, изображает актуальную действительность, ее реалистический характер может быть поставлен под вопрос. В том, что касается отношения героев к действительности, наблюдается, как замечает А. Куле, своего рода театральность: «...действительность в глазах персонажей принимает форму спектакля ввиду присущей им идефикс» [7, р. 443], подражания воображаемым героям Телемаку и Ментору.

Целью пародии и критики является не произведение Фенелона само по себе, а отношение к навязанной традицией модели [6, р. 87], которая состояла в ориентации на образцы Античности. Сермэн выделяет критическое отношение Мариво к попытке Фенелона встроить «Приключения Телемака» в классическую гомеровскую традицию, одновременно с этим критикуется дидактический подход к произведению, чтение которого служило воспитанию подопечного Фенелона, герцога Бургундского: «Подражайте моим персонажам, моему тексту, подражайте Гомеру, как мне: вот, что он видит в тексте Фенелона, на который отвечает <...>, придумывая персонажей, которые подражают своим героям, и так обличая его схоластический подход в подражании Гомеру» [4, р. 85].

При этом исследователи отмечают преемственность воспитательного аспекта. Пуйо подчеркивает общность дидактического подхода Мариво и Фенелона, который состоит в инициации героя путем «столкновения с действительностью» [6, р. 92]. Телемак Фенелона, ведомый Ментором, должен непосредственно сам столкнуться с искушениями для прохождения инициации. Однако в случае Мариво между героем и действительностью посредником являются приключения Телемака, которым Бридерон пытается соответствовать. Это позволяет представить саму возможность становления и воспитания в ироническом свете, представляя героя, вся роль которого сводится к подражанию.

Интертекстуальные аллюзии на роман Фенелона способствуют тому, что путь героя на уровне сюжета не мыслится без опоры на предшественника, и повышают таким образом интерес к повествованию. Помимо этого, столкновение героя с действительностью характеризуется и другими повествовательными особенностями. Так, рассказ-в-рассказе Бридерона, открывающий третью книгу романа и адресованный Мелисетре (Калипсо у Фенелона), представляет собой повествование от первого лица и позволяет выявить не только интертекстуальные аллюзии, но и авторефлексию героя.

Перед нами три эпизода приключений Бридерона, которые он проживает с опорой на опыт Телемака, каждый раз находя соответствия между действительностью и примерами предшественника. Венера становится у него юной пастушкой, корабль киприотов – каретой, а храм богини Венеры – карнавальным балом: «Ему [Телемаку] снились Венера и Купидон, а мне то, о чем вы сейчас услышите: я увидел девушку, пастушку»¹ [16, р. 769–770]. «И тогда я сказал про себя: эта карета здесь заместо корабля киприотов, которых Телемак встретил, возвращаясь из Тира» [16, р. 769]. «Я сказал про себя: Мальчик, вот и ты на острове Кипр, а этот бал для тебя заместо храма Богини, в котором Телемак увидел столько непотребств; ты найдешь их здесь» [16, р. 772].

Дидактическая установка направлена на самого себя и проявляется в том, что Бридерон желает соответствовать герою-образцу: аллюзии на приключения Телемака вплетаются во внутренний диалог с самим собой. Свойственное речи героя повторение («я сказал про себя») включает установление соответствий между действительностью и романом Фенелона в его личный внутренний поиск.

Другой особенностью саморефлексии на повествовательном уровне является обращение к себе в третьем лице («мальчик»), что образует дистанцию по отношению к своему я и напоминает обращение наставника к ученику. В результате Бридерон становится своим же проводником на пути к инициации, что позволяет назвать его автодидактическим героем, поскольку утрачивается необходимость в фигуре наставника как отдельном персонаже.

¹ Перевод здесь и далее принадлежит автору статьи.

В этой связи сделаем важное отступление, сказав, что герой-наставник практически полностью самоустранился в этой части романа. Пуйо и Грандерут, останавливаясь на воспитательном аспекте романа Мариво, отмечают, как изменяются отношения между наставником и учеником. Хотя тематика сюжета Мариво аналогична роману Фенелона, ученик и наставник уравниваются, поскольку оба ориентируются на модель предшественника и представлены одинаково иронически. К. Дюфло выделяет именно отношения наставника и ученика, описанные в романной форме, как инновацию Фенелона и структурный элемент воспитательного романа, отмечая продолжение этой линии, но уже в пародийном ключе, у Мариво [17, р. 43].

Это изменение приводит к тому, что расставание ученика и наставника не ограничивается просто внешним событием (у Фенелона Ментор попадает в рабство и поэтому не может сопровождать героя на Кипре). Фосион заявляет о личном нежелании следовать за Бридероном: «Вы, должно быть, не в себе, если думаете, что мне нечем больше заняться, как служить костылем вашему разуму» [16, р. 775]. В отсутствие фигуры наставника роль авторитета закрепляется за произведением Фенелона, именно оно продолжает служить герою «костылем» в его приключениях.

Вследствие этого усиливается и ориентация на себя в эпизоде бала, становясь основной в дальнейшей инициации Бридерона. При сохранении аллюзий на роман «Приключения Телемака» герой уже не ограничивается им одним. Ближе к эпизоду бала, когда карета, на которой Бридерон передвигается, ломается, он даже обозначает несоответствие Телемаку: «Лакеи пытались выправить колеса, но падали на спины, пытаясь встать. Вот занятие по мне: не всегда получается походить на Телемака» [16, р. 771]. Здесь лишь намечается критический взгляд героя на собственное подражание: Бридерон не отказывается от модели Фенелона, поскольку автору необходимо сохранять иронический эффект, но вместе с тем читателю дается понять несостоительность попытки соответствовать Телемаку.

Обретение героям опоры в себе при этом продолжается, но уже за счет иных, не только интертекстуальных средств. Благодаря

этому эпизод бала-карнавала представляет собой выход героя из череды соответствий. Бридерон замечает в карнавале аномалию: «Я участвовал, хотя прекрасно видел, что эта действительность не принадлежала ни Бридерону, ни Телемаку» [16, р. 772]. Итак, выделяется некая третья действительность, которая не будет соответствовать ни его собственной, ни эпическому идеалу Телемака. -

Столкновение с действительностью начинает характеризоваться использованием собственных авторефлексивных средств произведения. Среди них можно отметить метафоры, благодаря которым качества предметов и деталей передают принцип самой пародии и поэтому служат саморефлексии произведения.

В этом эпизоде, в отличие от предыдущих, нам видится, согласно Л. Дэлленбаху, концентрация «эмблематических метафор текста» [18, р. 125] или, согласно современному исследованию Л. Фресса и Э. Весслера, «авторефлексивных предметов» [19, р. 7], являющихся атрибутами карнавала – одежда, маски, зеркало. Они запускают игру внешнего и внутреннего, приглашая героя к более активному чувственному постижению себя и мира. Одновременно с этим они позволяют представить данный эпизод как метафору подражания старым образцам и служат полемике с Фенелоном, в чем, собственно, и состоит их авторефлексивная роль – осмысливать героя и роман в рамках спора с предшественником.

На уровне сюжета они играют важную дидактическую роль на пути Бридерона, поскольку позволяют отделить видимое от действительного в ходе взаимодействия с масками и переодеванием. Сначала, надевая маску, герой теряет свое я, а зеркало, в частности, становится инструментом в осознании этого: «Меня проводили на бал: меня вырядили не пойми как. На мне была маска, которая скрывала лицо, и я более не знал, кем был, когда посмотрел в зеркало. <...>, я больше не Бридерон» [16, р. 772].

Примечательно, что потеря я сопряжена с отсутствием речевой формы внутреннего диалога («я сказал про себя»), выявленной ранее. Она возвращается по завершении приключения, обозначая возвращение к своему я и действительности: «Вот так пинком, сказал я про себя, упал в грязь. О Телемак! О мой отец

Бридерон!» [16, р. 774]. Упоминание Телемака указывает на возвращение к изначальной установке на предшественника и восстановление контроля над собой и действительностью.

Надевание маски с метафорической точки зрения отсылает к тому, как сам Бридерон пытается примерить на себя образ Телемака, и считывается, в первую очередь, нами как читателями. Наконец такой же метафорой подражания и замены действительного желаемым становится переодевание старых дам, которые пытаются увлечь молодых людей приятной наружностью: «Однако я заметил безумных старух, сидевших в ряд: они были настолько морщинисты и уродливы, что специально надели прекрасные одежды, чтобы не было видно их уродливых лиц» [16, р. 773].

Метафора также отсылает к названию романа (*travesti*): персонажи переодеваются, буквально меняя облик, но также figurально подражая героям Фенелона. Именно метафоричность в данном случае и обеспечивает полемичность с текстом Фенелона, поскольку буквально показывает, выводя переодетых персонажей, неприглядную изнанку подражания старым образцам.

Отношения героя с действительностью используются Мариво для косвенной критики ориентации Фенелона на старые образцы. Так, через риторический вопрос, указывающий на жалкое положение дам, которые вынуждены казаться, а не быть, Бридерон замечает: «Чему служат маски, как ни тому, чтобы взволновать плоть тех, кто их видит?» [16, р. 773]. Дидактический смысл касается как лично героя, так и романа, и его можно сформулировать следующим образом: всякая видимость скрывает действительность, которую рано или поздно обнаруживает герой, а современный писатель, в свою очередь, отражает это в полемическом и пародийном ключе.

Частотность глаголов чувств является еще одним авторефлексивным средством, ведь они выражают постижение героям себя и действительности. В данном эпизоде более частым становится употребление глаголов зрения, осязания, которые вплетаются в процесс постижения действительности. Зрение, в частности, выражается глаголами из приведенного выше отрывка: «замечать» («apercevoir»), «видеть» («voir»), «всматриваться» («lorgner»).

Затем чувство осязания также вторгается в повествование и связывается с потерей контроля над собой. Представления Бридерона проверяются и опровергаются чувственным опытом: «У меня в теле будто горело пламя, и мне казалось, что следовало ловить поцелуй, чтобы погасить его. Но, черт возьми, все выходит наоборот» [16, р. 773]. Пытаясь избежать искушений, Бридерон говорит влюбленной в него девушки: «Оставьте меня, ведь если вы коснетесь меня, прощай карета, честь и мудрость, которые меня подведут» [16, р. 773]. Тактильность связывается с потерей контроля над самим собой и утратой разума, являясь одновременно проводником действительности. В этой связи вспомним статью Е. Е. Дмитриевой об особенностях французского либертина. В ней говорится о кодексе «порядочности» XVII в., согласно которому человек должен был «познавать собственную природу» [20], чтобы защититься от страстей. Возможность распознать данную концепцию указывает на связь романа с актуальными для рубежа XVII–XVIII вв. идеями о становлении человека, хотя вместе с этим они обличены в пародийную форму. В романе герой, сталкиваясь с действительностью в ее чувственном проявлении, уступает ей. Она берет над ним верх, что на уровне повествования выражено повторением глагола осязания: «Так все и случилось: я хотел без устали касаться и снова касаться, как в последний раз» [16, р. 774].

Зрение и осязание, будучи важными для эмпирического познания, оказываются одновременно вплетены в автометарефлексию и полемику за счет связи с объектами-метафорами. Ведь маска, зеркало и одежда являются также предметами конкретно-чувственного мира, проблематизируя отношения романа и реальности, вымысла и правды, *être* и *paraître*.

Таким образом, у Мариво столкновение героя с действительностью характеризуется тем, что Бридерон обретает контроль над собой и собственной инициацией при помощи текста-предшественника. Вместе с этим такой контроль производит иронический эффект, поскольку выявляемые соответствия осознаются читателем как сниженные и несостоительные по отношению к приключениям Телемака, но не осознаются как таковые героем. Для Бри-

дерона проживание действительности представляется возможным двумя путями: с опорой на эпический идеал Фенелона и собственное лично-чувственное проживание. В эпизоде карнавала столкновение с действительностью проходит уже не столько в попытке следовать модели текста-предшественника, сколько в непосредственном проживании ее – через потерю собственного я и возвращение к нему в процессе чувственного опыта.

Такого рода рефлексивное соприкосновение с действительностью отсутствует в произведении Фенелона, в котором Телемак в первую очередь герой действия и опирается не на себя, а на Ментора, благодаря которому усваиваются все необходимые для жизни и правления уроки. Это подтверждает вывод Пуйо об особенности воспитательного принципа «Телемака наизнанку» и его отличии от предшественника: единственным авторитетом в рамках поэтики романа становится действительность, а также ориентация на собственное я в столкновении с жизненным опытом [6, р. 95].

Однако в таком случае не учитывается то, что сам герой в этом рассказе-в-рассказе служит полемике с установками Фенелона. Бридерон, рассказывая о своем подражании, оказывается субъектом и одновременно объектом полемики. Через его рассказ осуществляется критика Фенелона, и вместе с тем Бридерон – сам предмет иронии и комизма, что происходит благодаря различным особенностям, сплетающим сюжет и то, как о нем повествуется: интертекстуальность, авторефлексия, направленная на героя и произведение.

В итоге за счет смены этих повествовательных форм столкновение героя с действительностью идет параллельно становлению самого произведения в условиях полемики. Путь героя по отношению к полемичности повествования начинает восприниматься метафорически, поскольку зыбкость я героя обличает в глазах читателя несостоительность ориентации на старые образцы. Авторефлексивные характеристики речи героя выводят полемику на новый уровень: пока Бридерон проходит через инициацию, само произведение Мариво проверяется на способность отделиться от предшественника за счет собственных, не только интертекстуальных средств. Подражание роману Фенелона, хоть и не оправды-

вается актуальной действительностью рубежа XVII–XVIII вв., производя комический эффект, является вместе с тем неизбежной отправной точкой для героев и в произведении Мариво служит литературной полемике.

Список литературы

1. Chérel A. Fénelon au XVIIIe siècle en France, 1715–1820: son prestige, son influence. Paris : Hachette, 1917. 794 p.
2. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris : Seuil, Points, 1982. 573 p.
3. Granderoute R. Le Roman pédagogique de Fénelon à Rousseau: en 2 vol. Vol. 1. Genève–Paris : Slatkine, 1985. 650 p.
4. Sermain J.-P. Le singe de Don Quichotte: Marivaux, Cervantès et le roman postcritique. Oxford : Voltaire Foundation, 1999. 294 p.
5. Bahier-Porte C. Comment un lieu devient-il commun? La grotte de Calypso (Fénelon, Marivaux, Lesage) // L'image dans le récit. Printemps 2011. № 3. URL: https://www.revue-textimage.com/06_image_recit/bahier-porte1.html (дата обращения: 18.04.2025).
6. Pouyaud S. Le Télémaque travesti de Marivaux, reprise parodique, du modèle pédagogique de Fénelon // Maîtres et élèves de la Renaissance aux Lumières. Journée d'étude des jeunes chercheurs du CELLF. Centre d'Étude la Langue et de la Littérature Françaises des XVIIe et XVIIIe siècles. Université Paris IV-Sorbonne. Juin 2012. P. 86–96. URL: <https://hal.univ-reims.fr/hal-02893283/document> (дата обращения: 18.04.2025).
7. Coulet H. Marivaux romancier. Essai sur l'esprit et le cœur dans les romans de Marivaux. Paris : Armand Colin, 1975. 538 p.
8. Алташина В. Д. Роман-мемуары во французской литературе XVIII века: генезис и поэтика : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2007. 550 с. EDN: QEHWVWJ
9. Алташина В. Д. Жанровая специфика романа мемуаров во французской литературе XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 2, ч. 2. С. 3–8. EDN: RUBFKL
10. Пахсарьян Н. Т. Экспериментальный роман в эпоху «рефлексивного традиционализма»: «Карета, увязшая в грязи» П. К. де Мариво // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 3. С. 64–75. EDN: AEAHYW
11. Пахсарьян Н. Т. Роман Мариво «Жизнь Марианны» в контексте французской эпистолярной прозы XVIII века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2022. № 3. С. 53–60. EDN: KIAALC

12. Пахсарьян Н. Т. Мариво и Вольтер // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение: Реферативный журнал. 2024. № 4. С. 94–104. <https://doi.org/10.31249/lit/2024.04.06>. EDN: RAUNDG
13. Чекалов К. А. Долгие проводы: «Романическое» в ранней прозе Мариво // Чекалов К. А. Формирование массовой литературы во Франции XVII – первая треть XVIII в. М. : ИМЛИ РАН, 2008. С. 219–235. EDN: QTPMIJ
14. Deloffre F. Le Télémaque travesti. Notice // Marivaux P.-C. Oeuvres de jeunesse / éd. de F. Deloffre, C. Rigault. Paris : Gallimard, 1972. P. 1239–1265. (Bibliothèque de la Pléiade ; 233).
15. Тынянов Ю. Н. О пародии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / под ред. Б. А. Каверина, А. С. Мясникова. М. : Наука, 1977. С. 284–309.
16. Marivaux P.-C. Le Télémaque travesti // Marivaux P.-C. Oeuvres de jeunesse / éd. de F. Deloffre, C. Rigault. Paris : Gallimard, 1972. P. 717–953. (Bibliothèque de la Pléiade ; 233).
17. Duflo C. *Les Aventures de Télémaque de Fénelon, ou le roman politique*. Paris : Honoré Champion, 2023. 145 p.
18. Dällenbach L. Le récit spéculaire: Essai sur la mise en abyme. Paris : Seuil, 1977. 247 p.
19. L'œuvre et ses miniatures. *Les objets autoréflexifs dans la littérature européenne* / éd. de L. Fraisse, É. Wessler. Paris : Classiques Garnier, 2018. 905 p.
20. Дмитриева Е. Е. Re-volutio чувства и чувственности (О некоторых особенностях французского либертинажа XVIII века) // Антропология революции : сб. ст. / сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин, М. Майофис. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 141–177. EDN: RMCJDV

Поступила в редакцию 24.04.2025; одобрена после рецензирования 26.05.2025; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted 24.04.2025; approved after reviewing 26.05.2025; accepted for publication 01.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 439–444

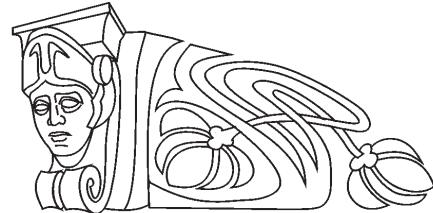
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 439–444

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-439-444>, EDN: SJMYUU

Научная статья

УДК 821.161.1.09-2+929 Екатерина II

Антропонимы в пьесах Екатерины II

Н. Р. Тестова

Литературный институт имени А. М. Горького, Россия, 123104, г. Москва, ул. Тверской бульвар, д. 25

Тестова Ника Романовна, аспирант кафедры русской классической литературы и славистики, nikaromanovna@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8138-0959>

Аннотация. Номинация персонажей – возможность для драматурга обозначить отношение к герою, определить его роль в системе персонажей и сюжете. В пьесах Екатерины II антропонимы формируются на основе четырех ключевых характеристик: воплощаемый персонажем порок или добродетель, значимые события его биографии, социальный статус, экзотическое происхождение. «Говорящие фамилии» преимущественно используются в комедиях, тогда как в комических операх преобладают имена нарицательные. Характерно, что младшие представители дворянских семей часто лишены фамилий, что символизирует их непричастность к порокам старшего поколения. Анализ повторяемости антропонимов показывает: в большинстве случаев одинаковые имена принадлежат разным персонажам, что подчеркивает их второстепенность (слуги, молодые дворяне), неспособность влиять как на ход пьесы, так и, по замыслу Екатерины, на общественные процессы. Такой подход отражает главную цель императрицы-драматурга – «исправление нравов», куда входит борьба с персональными недостатками (жадность, пьянство) и социально опасными, по мнению Екатерины, явлениями (мистицизм, либеральные идеи), а также защита существующего порядка. В переложениях иностранных пьес на «наши нравы» Екатерина сохраняет звучные оригиналы фамилии для персонажей, чьи характеристики остаются неизменными, но меняет их при существенном переосмыслинении роли или образа героя. Все это свидетельствует о продуманной системе номинации героев, раскрывающей как общие принципы екатерининской драматургии, так и авторское отношение к отдельным героям и ситуациям, с ними связанными.

Ключевые слова: классицизм, «говорящие фамилии», антропонимы, драматургия, номинация персонажей, Екатерина Великая, комическая опера, «исправление нравов», Просвещение, исторические пьесы, «переложение»

Для цитирования: Тестова Н. Р. Антропонимы в пьесах Екатерины II // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 439–444. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-439-444>, EDN: SJMYUU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Anthroponyms in the plays of Catherine II

N. R. Testova

Maxim Gorky Literare Institute, 25 Tverskoy Blvd, Moscow 123104, Russia

Nika R. Testova, nikaromanovna@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8138-0959>

Abstract. Naming characters is an opportunity for a playwright not only to indicate the attitude towards a character, but also to define their role in the system of characters and the plot. In the plays of Catherine II, anthroponyms are formed on the basis of four key characteristics: the vice or virtue embodied by the character, significant events in his or her biography, social status, and exotic origin. Charactonyms are mainly used in comedies, while common nouns prevail in comic operas. It is noteworthy that the younger representatives of noble families are often deprived of surnames – this symbolizes their non-involvement in the vices of the older generation. The analysis of the recurrence of anthroponyms shows that in most cases the same names belong to different characters, which emphasizes their secondary importance (servants, young nobles), their inability to influence both the course of the play and, according to Catherine's plan, social processes. This approach reflects the main goal of the empress-playwright – “correction of morals”, which includes the fight against personal shortcomings (greed, drunkenness) and socially dangerous phenomena (mysticism, liberal ideas), as well as the protection of the existing order. In the adaptations of foreign plays to “our morals”, Catherine retains the surnames of the characters that are consonant with the original, whose characteristics remain unchanged, but changes them when the role or image of the hero is significantly reconsidered. This is indicative of an elaborate system of character nomination, that reveals both the general principles of Catherine's style of drama and the author's attitude to individual characters and situations associated with them.

Keywords: classicism, charactonyms, anthroponyms, drama, character nomination, Catherine the Great, comic opera, “correction of morals”, Enlightenment, historical plays, “adaptation”

For citation: Testova N. R. Anthroponyms in the plays of Catherine II. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 439–444 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-439-444>, EDN: SJMYUU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Номинация персонажа в драматургии имеет несколько иное значение, нежели в прозе: драматург ограничен в способах выражения авторской позиции, так как основная часть текста состоит из реплик и ремарок, имеющих служебное значение, поэтому имена и фамилии позволяют автору с самого начала, в списке действующих лиц, выразить свое отношение к тому или иному герою. Поскольку эта черта драматургии универсальна для любой эпохи, то и использование «говорящих фамилий» встречается не только у классицистов, но и у реалистов, например у А. Н. Островского и Н. В. Гоголя. Исследователи делают вывод, что антропонимы, таким образом, «совпадают с характером, ролями» [1, с. 56]. Наиболее важным выбор имени является в сатирических произведениях, поскольку по выбору того или иного имени можно судить «об идейной позиции сатирика и об общественных целях, преследуемых им в данном конкретном случае» [2, с. 49], однако для Екатерины II-драматурга преследование «общественных целей» было одной из важнейших задач не только в комедиях (см. об этом в работах Т. И. Акимовой [3, с. 13], А. Д. Ивинского [4, с. 32], В. Ю. Прокуриной [5, с. 6]), поэтому и выражение идейной позиции при помощи имен встречается в пьесах всех жанров: в комедиях, сказочных комических операх и исторических пьесах.

«Говорящие фамилии» – прием, характерный как для драматургии (см. пьесы Н. П. Николева, М. И. Попова, П. А. Плавильщикова, Д. И. Фонвизина и др.), так и для журналистики (см. статьи в журналах «Всякая всячина», «Трутень», «Зритель» и др.) эпохи Просвещения. Мы видим несколько причин массового использования этого приема.

Первая причина состоит в ориентации драматургов конца XVIII в. на дидактическую задачу, «исправление нравов» [6, с. 68; 7, с. 128; 8, с. 162; 9, с. 217]. Вторая причина видится в повышенном внимании к спору о «критике на лицо» или осуждении общих пороков – полемике, начатой в 1769 г. журналами «Всякая всячина» (и лично Екатериной) и «Трутень» (Н. И. Новиковым). По мнению самой Екатерины, транслируемому через журнал, искусство должно осуждать пороки, распространенные в обществе, не оскорбляя конкретных людей [10, с. 196], на что Новиков отвечал, что только «критика на лицо» будет иметь реальное воздействие, только так сатира не будет превращаться

в «пустословие об отвлеченных идеях добра и зла, без малейшего применения к действительности» [11, с. 26]. Примечательно, что ни та, ни другая сторона не сомневались в необходимости исправлять нравы при помощи литературы. Драматурги и авторы статьей, не вовлеченные в полемику непосредственно, могли склоняться к тому или иному мнению, однако в обоих случаях использование «говорящих фамилий» было возможностью реализовать определенный подход к сатире: создать такой антропоним, за которым явно угадывалось осмеиваемое лицо, либо создать говорящую фамилию и имя, которые очевидно показывали бы, что персонаж не является ни указанием на реального человека, ни собственно характером, а скорее, представителем того или иного порока, добродетели или социального явления. Приведем также замечание П. А. Плавильщикова в программной статье «Театр», указывающее на эту мотивацию драматургов: «У нас без нарушения учтивости никогда называть нельзя одним только именем или одним прозвищем; скажут, может быть: найдется кто-нибудь из зрителей того имени и отечества, то, чтобы он не счел себе обидою, когда порочное лицо будет ему тезка» [9, с. 234–235].

Однако, если использование говорящих фамилий – общая черта стиля эпохи, справедливо ли выделять этот прием как значимую черту стиля Екатерины II? Во-первых, к использованию общеупотребительных приемов каждый автор подходит по-своему, и различия являются существенными для понимания как целей автора, так и сути самих текстов. Во-вторых, следование стилю эпохи выступает характеризующей чертой писателя. В случае с творчеством Екатерины это особенно важно. Императрица-драматург последовательно соблюдает правила (кроме исключительных случаев) и следует литературной моде эпохи, поскольку ей важно создать «модное» произведение в духе популярных пьес. Обладая властным ресурсом для того, чтобы ее пьесы ставились и печатались, она не обладала возможностью заставить зрителей приходить на представление. Атмосфера таинственности вокруг анонимного автора, в котором предполагали человека из придворного круга, безусловно, привлекала зрителей. Однако чтобы пьеса могла влиять на нравы и менять общественный дискурс, она должна была пользоваться успехом у публики, выдержать

несколько спектаклей, для чего ей необходимо быть интересной, следовать вкусу эпохи. В-третьих, участие Екатерины-журналистки в полемике о задачах сатиры, в том числе о роли «говорящих фамилий», отражает эволюцию ее авторской позиции. В журнале Екатерина отстаивает концепцию сатиры, ориентированной на обличение пороков, противопоставляя ее подходу Новикова, и реализует этот принцип в пьесах 1772 г. Однако в следующий период работы над пьесами, начиная с 1786 г., ее стратегия меняется и приобретает персональную направленность: от персонажа Калифакжер-стона (чей антропоним и поведение отсылает к Калиостро) до Горебогатыря (в котором должен был угадываться Густав III) [12, с. 138].

В этой статье будет проведена категоризация подходов к образованию «говорящих фамилий». В анализ не попали все имена из пьес, поскольку они не были важны для категоризации. Отметим лишь, что значительная часть неупомянутых антропонимов составляют фамилии реальных персон (в исторических пьесах), выдуманные имена сказочных героев (в сказочных комических операх) и фамилии, не обладающие однозначной коннотацией.

В пьесах разных жанров можно встретить антропонимы, имеющие следующие отсылки.

1. Характерные особенности героя, составляющие его главную черту, порок или добродетель, которые он олицетворяет.

Пьеса «О время!»: Ханжахина (ханжество, лицемерие), Вестникова (весть, сплетня), Чудихина (чудачество, вера в чудеса и приметы), Непустов (непустой, умный), Молокососов (слишком юный), Христина (имя добродетельной героини, отсылает к Христу).

Пьеса «Именины госпожи Ворчалкиной»: Некопейков (банкрот), Спесов (спесь), Ворчалкина (ворчание).

Пьеса «Передняя знатного боярина»: Факотов (факты, правда), Выпивайкова (выпивка, пьяница).

Пьеса «Госпожа Вестникова с семьею»: Вестникова (весть, сплетня), Тратов (траты).

Пьеса «Вопроситель»: Здорной (вздорный), Христина (имя, отсылающее к Христу), Вестолюб (вести, сплетни).

Пьеса «Обольщенный»: Брагин (брага, выпивка), Тратов (траты), Бармотин (бормотание).

Пьеса «Шаман Сибирский»: Брагин (брага, выпивка).

Пьеса «Расстроенная семья осторожками и подозрениями»: Добрин (доброта, благодеяния), Двораброд (ходит по дворам).

Пьеса «Недоразумения»: Разсудин (рассудительность), Потачкин (потачки, лицемерие).

Пьеса «Горебогатырь Косометович»: Кривомозг (нелепость, глупость).

Пьеса «Невеста невидимка»: Добров (доброта), Мирохват («хвататель мира», опытный самоуверенный военный), Умкин (умничающий).

Пьеса «Что за шутки?»: Твердина («твердолобость», упрямство), Бредилова (бред, чудачество), Добрин (доброта, разумность).

Пьеса «Врун»: Велереч (велеричивый, высокопарно говорящий), Вранолюб (ложивый).

2. Характеризующие персонажа события, действия.

В пьесе «Именины госпожи Ворчалкиной» указана причина возникновения фамилии Дремов: «Дед мой, показав отечеству услугу, пожалован за то дворянством: и когда пришли спросить у Государя, какое дать ему прозвание? Государь тогда дремать изволил... я в том не виноват... и приказал назвать его Дремовым».

В пьесе «Расстроенная семья осторожками и подозрениями» фамилия Двораброд указывает на основное занятие персонажа и на его роль в сюжете – хождение «по дворам» с целью сбора сплетен, создания конфликтных ситуаций ради наживы.

3. Социальное положение героя.

У слуг и служанок указано только имя: Мавра («О время!»); Прасковья, Антип («Именины госпожи Ворчалкиной»); Михайла («Передняя знатного боярина»); Марья, Прокофий («Госпожа Вестникова с семьею»); Мавра, Егор («Вопроситель»); Марья, Трофим («Обманщик»); Прасковья, Теф («Обольщенный»); Мавра, Прокофий («Шаман Сибирский»); Зинька, Иона, Роман («Вот каково иметь корзину и белье»); Мавра, Трофим, Зинька («Расстроенная семья осторожками и подозрениями»); Мавра, Трофим, Прокофий («Недоразумения»); Мавра, Прокофий («Неожидаемое приключение»); Пронька («Невеста невидимка»); Марья («Что за шутки?»); Марья, Яков, Трофим («Думается так, а делается иначе»); Дорофей («Дранов и соседи»); Сергей, Василий, Афанасий («Расточитель»); Дарья («Врун»).

Именами, без фамилии и отчества, обозначаются не только слуги, но и младшее по-

коление, как правило, те девушки, чье будущее супружество является краеугольным камнем сюжета (примечательно, что их родители могут обладать говорящей фамилией, выражаящий семейный порок, но сами дочери авторской волей от него «освобождаются», обладают лишь именами): Христина («О время!»), Олимпиада и Христина («Имяны госпожи Ворчалкиной»), Христина («Вопроситель»), София («Обманщик»), Таиса («Обольщенный»), Прелеста («Шаман Сибирский»), Мариамна («Неожидаемое приключение»).

4. «Экзотическое» происхождение героя (благодаря фонетическому облику антропонима).

Пьеса «Передняя знатного боярина»: Оранбар (француз), Барон Фон Доннершлаг (военный из немцев), Дурфеджибасов (турецкий дворянин).

Пьеса «Обманщик»: Роти (француз, учитель), Мадам Грибуж («француженка у Софии»), Калифалкжерстон (обманщик, чье имя по задумке должно напоминать имя Калиостро).

Пьеса «Шаман Сибирский»: Амбан-лай (шаман).

Пьеса «Вот каково иметь корзину и белье»: Кажу (доктор), Мадам Кьела (французская торговка).

«Говорящие фамилии» (например, Молокосов, Некопейков) выполняют в пьесах двойную функцию. Во-первых, они акцентируют дидактический характер произведений, фиксируя текущее состояние персонажей (молодость или финансовую несостоятельность). Во-вторых, их условность подчеркивает сюжетную ограниченность существования героев: эти антропонимы теряют смысл за пределами конкретной комедийной ситуации, что особенно очевидно при гипотетическом сравнении с родственниками персонажей, занимающими иное социальное положение.

Таким образом, пьесы демонстрируют сходство с моралите, персонажи воплощают застывшие во времени качества, не способные к трансформации в рамках заданного сюжета. Драматурга интересует не индивидуальные характеры, а социальные роли, что дает возможность обозначить принадлежность пьес к классицизму, а не к сентиментализму. Этот подход отражает главный предмет внимания императрицы-драматурга – общество, народ. Поэтому высокое значение приобретает тенденция к «исправлению нравов». Эта идея хоть и

была общепринятой среди драматургов эпохи, считалась признаком «хорошего тона», однако важно отметить, что именно в екатерининский период она получила особое развитие.

Кроме того, драматургов-современников, как правило, интересовало избавление от пороков различных категорий людей: стихотворцев – от тщеславия («Самолюбивый стихотворец», Н. П. Николев), молодых людей – от галломании («Несчастье от кареты», Я. Б. Княжнин) и т. п. Как отмечает исследователь, «если в пьесах Сумарокова обличалось преимущественно нравственное уродство героев: зависть, скупость, ханжество, стяжательство, то в комедиях Фонвизина, Княжнина, Капниста объектом сатирического осмеяния становятся общественные явления: крепостнический произвол, фаворитизм, неправосудие» [13, с. 123]. Екатерину интересовало скорее сохранение существующего общественного порядка при одновременной критике тех, кто привержен к устаревшим предрассудкам и бытовым порокам (в ранних пьесах) или рассуждает о «неправильном» устройстве государства (в поздних пьесах).

«Говорящие» фамилии и имена встречаются в основном в комедиях, а в жанре комических опер, к которому Екатерина прибегала для работы над сказочными сюжетами, используются имена нарицательные. Д. С. Лихачев указывал на то, что имя героя является индикатором перехода от одной литературной формы к другой, от персонажа-личности, персонажа исторического или претендующего на подлинность к персонажу «безымянному», имеющему только имя нарицательное, как «богатый», «крестьянский сын», «девица» и др. [14, с. 205]

У Екатерины в комических операх встречаются такие герои, как Царь Девица, Медведь молодец, Морское чудо молодец, Колдун молодец, Царевна Луна, Царевна Звезда («Храбрый и смелый витязь Ахридеич»), Детина («Федул с детьми»). Однако и в комедиях есть Девица, Учитель («Госпожа Вестникова с семьею»), Доктор, Лекарь («Обманщик»), Дворецкий («Обманщик», «Имяны госпожи Ворчалкиной», «Шаман Сибирский», «Думается так, а делается иначе»), Врун («Врун»). Причина того, что эти персонажи были лишены имен собственных, либо в том, что герой незначителен, либо в том, что его единственная функция – быть тем, кем его назвали. Разница между «говорящей фамилией» и отсутствием антропонима в том, что Чудихина пусть и чудит (фамилия намекает на то,

что она не может перестать это делать), но все же в обществе и в сюжете она представляет собой дворянку, часть общества: соседку, родственницу и подругу, чей порок – чудить. В то время как Детина полностью бессубъектен. Его действия могут составлять важную часть сюжета, но на этом месте мог быть любой другой персонаж, которого могли бы назвать этим нарицательным именем, он не имеет собственного характера, который отличал бы его от других таких же «детин». Называя молодую девушку Христиной, Екатерина подразумевает, что у героини есть характер, а не только добродетельность. Называя девушку Царь Девицей, она ограничивает ее рамками служебного персонажа.

Одинаковый подход Екатерина II применяла к номинации персонажей в пьесах-переложениях. Так, пьеса «Расточитель» основана на шекспировском «Тимоне Афинском» [15, т. 3, с. 347], значительная часть имен – адаптированные имена из пьесы Шекспира: Сидеров – Исидор, Варов – Варрон, Вентидов – Вентидий, Лавин – Флавий, Лутилов – Луцилий, 1 прохожий – 1 вельможа, Конюший – второй слуга, Вестник – Гонец, Стихотворец – Поэт, Старик – Старый афинянин, Прохожие – Чужестранцы. Существенные изменения претерпели только имена и характеры двух самых важных для сюжета героев: Тратов – Тимон, Брагин – Алкивиад.

Похожий подход мы видим в переложении шекспировских «Винздорских насмешниц» – пьесе «Вот каково иметь корзину и белье» [15, т. 2, с. 55]. Большая часть имен лишь «русифицирована», при этом во многом был сохранен их фонетический облик: Финтов – Фентон, Митрофан Авакумович Шалов – Шеллоу, Егор Авдеич Папин – Пейдж, Акулина Терентьевна Папина – Миссис Пейдж, Анна Папина – Анна Пейдж, Фордов – Форд, Фордова – Миссис Форд, Ванов – Сэр Хью Эванс, Кажу – Каюс, Мадам Кьела – Миссис Куикли, Бардолин – Бардольф, Пиков – Пистоль, Нумов – Ним, Хозяин Постоялого двора – Хозяин гостиницы «Подвязка». Лишь имена двух центральных персонажей заметно изменены: Иаков Властьевич Полкадов – Сэр Джон Фальстаф, Иван Авраамович Лялюкин – Слендер.

В пьесах Екатерины можно заметить значительное количество повторов имен и фамилий. Так, имя Христина повторяется трижды («О время!», «Именины госпожи Ворчалкиной», «Вопроситель»), имя служанки Мавры шесть

раз («О время!», «Вопроситель», «Шаман Сибирский», «Расстроенная семья осторожками и подозрениями», «Недоразумения», «Невеста невидимка»), имя служанки Прасковыи дважды («Именины госпожи Ворчалкиной», «Обольщенный»), фамилия Тратов трижды («Госпожа Вестникова с семьею», «Обольщенный», «Расточитель»), Брагин – трижды («Обольщенный», «Шаман Сибирский», «Расточитель»), имя слуги Прокофий четырежды («Госпожа Вестникова с семьею», «Шаман Сибирский», «Недоразумения», «Неожидаемое приключение»), имя Трофим также четырежды («Обманщик», «Расстроенная семья осторожками и подозрениями», «Недоразумения», «Думается так, а делается иначе»), имя Зинька дважды («Вот каково иметь корзину и белье», «Расстроенная семья осторожками и подозрениями»), фамилия Добрынин трижды («Из жизни Рюрика», «Начальное управление Олега», «Новгородский богатырь Боеславич»), имя Олег дважды («Начальное управление Олега», «Игорь»), Рагуил трижды («Из жизни Рюрика», «Начальное управление Олега», «Новгородский богатырь Боеславич»), Дан дважды («Подражание Шекспиру», «Начальное управление Олега»).

Можно предположить, что это не просто повторы имен, а использование в разных сюжетах одних и тех же героев – тем более в тех случаях, когда повторяется несколько имен, использовавшихся в другой пьесе, а также в рамках одного «цикла» (антимасонского, исторического, ярославского). Это предположение, безусловно, справедливо в случае повторов в рамках исторического цикла, поскольку пьесы представляют собой последовательное повествование из жизни царей. При этом имена Рагуил и Добрынин, которые мы видим в двух исторических пьесах, также встречаются и в комической опере «Новгородский богатырь Боеславич»; причина такого повтора, вероятно, заключается в стремлении создать культурно-историческое пространство, полное преданий, историй, сказок, перетекающих друг в друга.

Повторение имен слуг и младших членов семей является в каждом случае лишь совпадением, использованием распространенных имен и подчеркиванием, что эти герои, с одной стороны, неактивно действуют в сюжете, а значит, и в социальной жизни, с другой – отсутствие «говорящей фамилии» маркирует непричастность к порокам, свойственным другим членам семьи. Так, Тратов и Брагин, появляющиеся в разных

пьесах, однозначно характеризуют персонажей как любителей «трат» и «брани», что определяет как их пороки, так и сюжетную функцию.

Анализ антропонимов в пьесах Екатерины показал, что «говорящие фамилии» чаще всего встречаются в комедиях, хотя присутствуют также в комических операх и исторических пьесах. Чаще всего младшие члены семьи не называются по фамилии, что подразумевает, с одной стороны, их естественную чистоту, с другой – малую вовлеченность в жизнь общества с его пороками и добродетелями. Таким же образом «исключаются» из общества слуги, играющие комическую или вспомогательную роль, но не способные существенно повлиять на общество или сюжет. Всё «лишены» характеров те персонажи, которые не обладают индивидуальным именем. При переложении чужих пьес Екатерина склонна русифицировать антропонимы персонажей, сохраняя фонетический облик оригинальных имен и фамилий. Преобладающая часть значимых антропонимов отражает пороки или добродетели персонажей, тогда как фамилии, отсылающие к событиям биографии, встречаются значительно реже.

Список литературы

1. Козубовская Г. П., Полуянова Е. Н. Поэтика имени в прозе А. П. Чехова: врачи // Поэтика имени : сб. науч. тр. / редкол. : Г. П. Козубовской [и др.]. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. С. 56–65. EDN: SFUXAN
2. Бушмин А. С. Своеобразие реализма Салтыкова-Щедрина // Бушмин А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. Л. : Наука, 1987. 365 с.
3. Акимова Т. И. Роль литературного творчества Екатерины II в становлении дворянского самосознания конца XVIII – начала XIX века. Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2013. 275 с. EDN: TNOWPL
4. Ивинский А. Д. Литературная политика Екатерины II: журнал «Собеседник любителей российского слова». М. : Либроком, 2017. 120 с.
5. Проскурина В. Ю. Империя пера Екатерины: литература как политика. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 252 с.
6. Зорин А. Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры XVIII – начала XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 563 с.
7. Лукин В. И. Предисловие к комедии «Мот, любовью исправленный» // Русская литературная критика XVIII века : сб. текстов / сост., ред., вступ. статья, примеч. В. И. Кулешова. М. : Советская Россия, 1978. С. 127–140.
8. Новиков Н. И. «Живописец». Автор к самому себе // Русская литературная критика XVIII века : сб. текстов / сост., ред., вступ. статья, примеч. В. И. Кулешова. М. : Советская Россия, 1978. С. 161–165.
9. Плавильщиков П. А. Театр // Русская литературная критика XVIII века : сб. текстов / сост., ред., вступ. статья, примеч. В. И. Кулешова. М. : Советская Россия, 1978. С. 216–238.
10. Всякая всячина. Санктпетербург : Тип. Акад. Наук, 1769–1770. 564 с.
11. Афанасьев А. Н. Русские сатирические журналы 1769–1774 гг. М. : Тип. Э. Барфкнхта и комп., 1859. 238 с.
12. Храповицкий А. В. Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. М. : В/О «Союзтеатр», 1990. 300 с.
13. Орлов П. А. История русской литературы XVIII века. М. : Высшая школа, 1991. 318 с.
14. Лихачев Д. С. От исторического имени литературного героя к вымышленному // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 15, вып. 3. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 201–214.
15. Екатерина II (императрица российская; 1729–1796). Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1901–1907. Т. 2. 550 с. ; Т. 3. 458 с.

Поступила в редакцию 11.03.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принятая к публикации 01.09.2025
The article was submitted 11.03.2025; approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 01.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 445–451

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 445–451

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-445-451>, EDN: SZFMXJ

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929Хлебников

Жанр сверхповести в творчестве В. Хлебникова: специфика субъектной организации

А. С. Савельева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Савельева Алиса Сергеевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, savelevaliso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2677-8753>

Аннотация. Статья посвящена исследованию жанрового феномена сверхповести в творчестве В. Хлебникова. С опорой на теоретическую модель жанра, предложенную Н. Л. Лейдерманом, выделен важнейший элемент жанровой структуры – субъектная организация художественного текста. Проведен сопоставительный анализ произведений «Дети Выдры» (1911–1913), «Сестры-молнии» (1918–1921) и «Зангези» (1920–1922). Системно-субъектный подход Б. О. Кормана позволяет охарактеризовать сверхповесть как межродовую жанровую форму, тяготеющую к драме. При этом хлебниковский жанр испытывает ощущимое влияние эпического и лирического родов литературы. Эпическое начало обнаруживает себя в ремарках, не рассчитанных на сценическую реализацию; репликах служебных персонажей, не включенных в развитие действия; монологах и диалогах с повествовательными вкраплениями. Об активизации лирического начала свидетельствует усиление авторского присутствия в речах главного героя (Сына Выдры, Зангези). В «Детях Выдры» и «Сестрах-молниях» наблюдаются отклонения от общей схемы: субъектная организация некоторых «парусов» (актов / глав) совершенствует не соответствует законам драмы, что делает возможной игру точками зрения. Жанр сверхповести близок к монодраме в понимании Н. Евреинова. В. Хлебников наглядно демонстрирует механизм мышления центрального персонажа («Дети Выдры»); слаживает индивидуальность действующих лиц, являющихся воплощениями одной сущности («Сестры-молнии»); эксплицирует душевное состояние главного героя через высказывания второстепенных («Зангези»). В каждой из трех сверхповестей используется прием «текст в тексте». Он выполняет такие функции, как создание эффекта зеркальности, способствующего утверждению авторской позиции («Дети Выдры», «Сестры-молнии»), и осуществление игры на границе искусства и жизни («Зангези»). В целом рассматриваемый жанр отличается субъектным многоголосием, не нарушающим, однако, единства авторского замысла.

Ключевые слова: В. Хлебников, жанр, сверхповесть, субъектная организация, эпическая драма, лирическая драма, точка зрения, монодрама, «текст в тексте»

Для цитирования: Савельева А. С. Жанр сверхповести в творчестве В. Хлебникова: специфика субъектной организации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 445–451. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-445-451>, EDN: SZFMXJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The genre of supersaga in V. Khlebnikov's writing: Specific nature of the subject organization

A. S. Savel'eva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alisa S. Savel'eva, savelevaliso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2677-8753>

Abstract. The article examines the genre phenomenon of supersaga in V. Khlebnikov's oeuvre. According to the theoretical model of the genre proposed by N. L. Leiderman, the subject organization of an artistic text is identified as the most important component of the genre structure. A comparative analysis is conducted on the works *Children of the Otter* (1911–1913), *The Lightning Sisters* (1918–1921), and *Zangezi* (1920–1922). B. O. Korman's system-subject method allows us to describe the supersaga as an intergeneric form gravitating toward drama. At the same time, V. Khlebnikov's genre is significantly influenced by the epic and lyrical kinds of literature. The epic element manifests itself through stage directions not intended for performance, remarks of supporting characters not included in the plot development, monologues and dialogues with narrative incorporations. The intensification of the lyrical element is evidenced by the increased presence of the author in the speech of the protagonist (Son of the Otter, Zangezi). In *Children of the Otter* and *The Lightning Sisters*, there are deviations from the typical structure, with the subject organization of some "sails" (acts/chapters) not following the laws of drama. This makes a complex play of perspectives possible. The supersaga genre is close to monodrama as understood by N. Evreinov. V. Khlebnikov clearly shows the inner workings of the protagonist's mind (*Children of the Otter*); smooths out the individuality of the characters representing the same essence (*The*

Lightning Sisters); reveals the main character's mental state through the lines of secondary ones (Zangezi). Throughout the three supersagas, the "text within text" technique is employed. It performs functions such as creating a mirroring effect which helps to establish the author's position (*Children of the Otter, The Lightning Sisters*), and implementing a play at the intersection of art and life (*Zangezi*). Generally, the genre in question is characterized by subject polyphony, which, however, does not violate the unity of the author's intention.

Keywords: V. Khlebnikov, genre, supersaga, subject organization, epic drama, lyrical drama, perspective, monodrama, "text within text"

For citation: Savelyeva A. S. The genre of supersaga in V. Khlebnikov's writing: Specific nature of the subject organization. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 445–451 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-445-451>, EDN: SZFMXJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Среди художественных открытий В. Хлебникова видное место занимает экспериментальный жанр сверхповести. Его образное определение дано в предисловии к «Зангези» (1920–1922), итоговой книге писателя: «Сверхповесть, или заповесть, складывается из самостоятельных отрывков, каждый с своим особым богом, особой верой и особым уставом. <...> Рассказ есть зодчество из слов. Зодчество из "рассказов" есть сверхповесть» [1, т. 5, с. 306]. Хотя жанровым определением снабжен только «Зангези», публикаторы справедливо относят к сверхповестям такие сочинения, как «Дети Выдры» (1911–1913) и «Сестры-молнии» (1918–1921) [1, т. 5]. Это позволяет нам очеркнуть круг рассматриваемых текстов.

Их родо-жанровая природа постоянно привлекает внимание литературоведов. Н. Л. Степанов [2] и П. И. Тартаковский [3] называют «Детей Выдры» поэмой, трактуя произведение в эпическом ключе. С. В. Сигов [4], Р. В. Дуганов [5], В. П. Григорьев [6] и Е. С. Шевченко [7] помещают сверхповести в контекст хлебниковской драматургии. Ряд исследователей – преимущественно на материале «Зангези» – делают вывод о гибридном характере жанра. Д. Ораич-Толич [8], Р. Грюбель [9] и А. Флакер [10] отмечают авторскую ориентацию на синтез искусств, а К. Соливетти [11] и И. С. Кукуй [12] – осуществление поэтом принципа гипертекстуальности. Три сверхповести изучены неравномерно, а сам жанр до сих пор не осмыслен как целостный феномен.

Литературные жанры подвержены исторической изменчивости, затрудняющей разрешение вопроса об их сущностных критериях. Признавая эту проблему, Б. В. Томашевский не отрицает важности сравнительно устойчивых «признаков жанра» [13, с. 206] – доминирующих приемов, вокруг которых группируются все остальные приемы, применяемые в произведении. М. М. Бахтин устанавливает параметры речевых жанров, универсальные

для разноуровневых высказываний – от бытовой реплики до многотомного романа [14]. Г. Н. Поспелов предпринимает попытку построения непротиворечивой жанровой типологии по содержательному принципу [15].

Достаточно гибким инструментом жанрового анализа представляется теоретическая модель жанра, разработанная Н. Л. Лейдерманом. Согласно его концепции, структуру жанра формируют субъектная организация, хронотоп, ассоциативный фон и интонационно-речевая организация – так называемые носители жанра [16, с. 24]. Их значимость в создании художественного образа мира неодинакова. Главным носителем жанра ученым считает субъектную организацию.

Цель статьи – исследовать специфику этого жанрового показателя в сверхповестях В. Хлебникова.

Под субъектной организацией Б. О. Корман подразумевает «соотнесенность всех отрывков текста, составляющих в совокупности данное произведение, с используемыми в нем субъектами» [17, с. 320] речи и сознания. Субъектная сфера каждого из родов литературы, включая драму, имеет свои отличительные черты. В пьесе первичному субъекту речи принадлежит меньшая часть текста: заглавие, список действующих лиц, их обозначения, предшествующие репликам, а также ремарки. Между вторичными субъектами речи (персонажами) распределена большая часть текста – монологи и диалоги.

Несмотря на то, что сверхповести тяготеют к драме, авторский голос в них звучит совершенно отчетливо. Первый парус «Детей Выдры» полностью состоит из развернутых повествовательных ремарок. Они содержат описание обстановки, окружающей героев, их поступков и эмоциональных реакций. Действие «Зангези» предваряется «Колодой плоскостей слова» [1, т. 5, с. 306] – главой-ремаркой, моделирующей художественное пространство. Вторую плоскость «Боги» открывает объемный пере-

чень действующих лиц, характеризующий их внешний облик и манеру поведения. Язык хлебниковских ремарок выделяется резкой самобытностью, нетипичной для драматического паратекста. В некоторых из них пропаивают метр и рифма: «Сын Выдры, вынув копье и шумя черными крылами, темный, смуглый, главы кудрями круглый, ринулся на черное солнце» [1, т. 5, с. 242–243]; «Надпись: «Не трудащийся да не ест!» // Сестры-молнии порхают там и здесь» [1, т. 5, с. 287]; «Опять темнеет мгла, синея над камнями» [1, т. 5, с. 310]. Все это свидетельствует о пересечении родовых начал в границах жанра сверхповести.

Б. О. Корман различает два способа выражения авторского сознания в драме: сюжетно-композиционный и словесный. В первом случае автор транслирует свою позицию «через расположение и соотношение частей», во втором – «через речи действующих лиц» [18, с. 86]. Словесный способ преобладает в эпическом и лирическом типах драмы. В сверхповестях обнаруживаются признаки обоих.

Кроме повествовательных ремарок, не рассчитанных на сценическое воплощение, эпической драме свойственно «ослабление связи текста и носителя речи» [18, с. 94]. Последний может играть служебную роль, не действуя, а лишь информируя читателя. Эта тенденция прослеживается в сверхповестях В. Хлебникова. Нередко он вводит в сюжет безымянных персонажей, лишенных какой-либо индивидуальности. Таковы Ученый, Игрок и Вбегающий в «Детях Выдры», почти все субъекты говорения в «Сестрах-молниях», пронумерованные прохожие в «Зангези». Голос обретают даже неодушевленные предметы, природные явления и элементы ландшафта: шахматные фигуры, Гроза и Горы, дальние горы. В каждом из произведений присутствуют коллективные образы, представляющие некую общность: Люди, Множества, Голоса, Слушающие и др. Как правило, персонажи-функции произносят от одной до нескольких реплик и бесследно исчезают.

В монологах и диалогах эпической драмы усилено повествовательное начало. Так же организована словесная ткань сверхповестей. Субъекты речи комментируют происходящее, излагают произошедшее, разъясняют оставшееся за кулисами. Приведем самые показательные примеры. В «Сестрах-молниях» Воин, прибывающий к кресту Христа, описывает его телесные муки. Утес-Прометей раскрывает Сыну Выдры

предысторию своего заточения. О мнимом самоубийстве Зангези становится известно из газеты, которую читают двое прохожих.

Субъектный строй сверхповести испытывает влияние не только эпического, но и лирического рода литературы. Главный герой лирической драмы служит «рупором идей автора» [17, с. 364]. В «Детях Выдры» на это прямо указывает имя центрального действующего лица: «Сын Выдры перочинным ножиком вырезывает на утесе свое имя: Велимир Хлебников» [1, т. 5, с. 268]. В уста Зангези поэт вкладывает измененные фрагменты собственных стихотворений, объединенных пафосом избранничества и подвижничества, проникнутых духом напряженной умственной работы и ощущением целостности мира («Мне, бабочке, залетевшей...», «Хороший работник часов...», «Мой череп – пустестан, где сложены слова...», «Подушка – камень...», «Моряк и поец»). Со всем этим ассоциируется образ героя хлебниковской лирики. Близость автора и его alter ego высвечиваются как межтекстовые, так и внутритекстовые переклички. Во «Введении» словесное искусство («речевое дело» [1, т. 5, с. 306]) уподобляется архитектуре, повесть – зданию, а язык – камню. В тех же выражениях рассуждает Зангези: «Речи – здания из глыб пространства» [1, т. 5, с. 322]. Субъектная функция персонажа берет верх над объектной, а его проповедь переходит в хлебниковский автокомментарий.

Хотя субъектная структура сверхповестей выстроена по законам драмы, в двух из трех произведений встречаются отклонения от общей схемы. Они делают возможной изощренную игру точками зрения.

Третий парус «Детей Выдры» оформлен как поэма, распадающаяся на две сюжетные линии – рассказ и ситуацию рассказывания. Арабский путешественник Иблан принимает на себя роль повествователя, слагая песнь «Искандер-намэ». Тождественность Искандра и Сына Выдры утверждается в начальной ремарке: «Сын Выдры слетает с облаков, спасая от russов Нушабэ и ее страну» [1, т. 5, с. 246]. Наряду с объектностью герой-поэт проявляет субъектность – развивает замысел, намеченный автором, и даже выступает в качестве его двойника. П. И. Тартаковский убедительно доказывает, что, познавая бытие эстетически и исторически, Иблан в своем слове несет хлебниковскую концепцию войны и мира [3].

Четвертый парус, написанный прозой, рисует эпизод из жизни запорожских казаков. Безличный повествователь акцентирует дистанцию, отделяющую его от объекта изображения: разграничивает свою речь и речь персонажей, сообщает о том, чего не могут знать они: «Их [татар] восточные, в узких шляпах, лица, или хари, как не преминул бы сказать казак, выражали непонятную для европейца заботу»; «Не думали они о том, что близка смерть для многих храбрецов» [1, т. 5, с. 257]. Затем эта дистанция сокращается, фокус авторского внимания смещается к индивидуальному восприятию павшего в бою Паливоды. Актуализируется точка зрения, которую вслед за Б. А. Успенским можно классифицировать как психологическую [19]. Всеведущий наблюдатель отслеживает ход мыслей и чувств героя: «И смущалось сердце и заплакал, но после запел воинственно и сурово» (здесь и далее курсив наш. – А. С.); «Так нашла уют тоскующая душа казака. Он слушал рассказ про обиды и думал, как помочь своему воинству»; «И поклонился в пояс, и полетел дальше Паливода, смутный и благодарный» [1, т. 5, с. 258]. Интересны случаи, когда «план психологии выражается <...> фразеологическими средствами» [19, с. 109]. Князь Потемкин и Екатерина II, чьи фигуры проплывают перед Паливодой, названы так, как назвал бы их он сам, – «Нечоса» и «ненько» [1, т. 5, с. 258]. В субъективной манере выдержаны сцена возвращения домой: «Мать накрывала на скатерть и с улыбкой смотрела на воина» [1, т. 5, с. 258] (объективный взгляд «извне» потребовал бы иного наименования – «мать Паливоды» или «его мать»). В повествование встраивается внутренний монолог казака.

Первой части пятого паруса предпослан заголовок «Разговор», что обнажает ее драматический потенциал. По форме это поэма, стремящаяся к пьесе: прямая речь действующих лиц перемежается с нарративными вкраплениями. Двое неизвестных оживленно спорят о дальнейшей судьбе мира и в конечном счете достигают взаимного согласия – движутся от тезиса через антитезис к синтезу. По суждению Р. В. Дуганова, старший и младший собеседники едины и противоположны, как может быть един и противоположен самому себе один человек в разных возрастах. Не исчерпываясь точками зрения персонажей, точка зрения автора обнаруживает себя именно в развертывании их конфликта [5].

Среди действующих лиц «Сестер-молний» особняком стоит безымянный субъект говорения, чье высказывание вводится без каких-либо обозначений и занимает весь третий парус. В нем переплетаются эпическое и лирическое начала. С одной стороны, просматривается некая событийная канва: личный повествователь живописует картину революционного насилия, вознесение душ погибших, страдание и смерть «конского Спаса» [1, т. 5, с. 289]. С другой стороны, в парусе слышны отголоски лирических текстов В. Хлебникова – стихотворения «Страну Лебедию забуду я...», воспевающего благородство лошадей, и цикла утопических фантазий о стеклянных городах будущего («Город будущего», «О город тучеед! костер оков...», «Москва будущего»).

Многообразие точек зрения, присущее сверхповестям, их «густонаселенность» не слаживают, а лишь подчеркивают важную особенность этого жанра – тяготение к монодраме. Согласно театральной теории Н. Евреинова, монодрама показывает мир таким, каким его воспринимает центральный персонаж «в любой момент своего сценического бытия» [20, с. 106]. В. Хлебников концентрирует действие вокруг главного героя, отражающегося во второстепенных.

В литературной автобиографии писателя говорится, что в «Детях Выдры» обрисованы «разные судьбы двоих на протяжении веков» [1, т. 1, с. 7]. Молчаливая Дочь Выдры представлена не более чем спутницей Сына. Он же играет ведущую роль, на многогранность которой обращает внимание Х. Баран. При анализе системы персонажей хлебниковед выделяет тех, чье поведение подобно поведению Сына Выдры. Каждый из них «участвует в ситуации героического конфликта» [21, с. 37], бросая вызов могущественному противнику.

«Дети Выдры» – не первый опыт автора в области монодрамы. Таковой традиционно считается его ранняя пьеса «Госпожа Ленин». По остроумному замечанию Р. В. Дуганова, заглавная героиня является не действующим лицом, а местом действия [5]. Составить представление о происходящем можно только по репликам голосов, принадлежащих разным сторонам ее сознания. Аналогично организован шестой – итоговый – парус «Детей Выдры». Душа Сына Выдры превращается в остров, куда слетаются призраки великих полководцев, бунтовщиков и ученых – вершителей истории. По окончании

философского диалога между Ганнибалом и Сципионом гости произносят короткие монологи о своих подвигах и жертвах – презентуют себя, а значит, и стержневые аспекты героической личности. Раздается хоровой «вопль духов» [1, т. 5, с. 279]:

На острове мы. Зовется он Хлебников.
Среди разъяренных учебников
Стоит, как остров, храбрый Хлебников.
Остров высокого звездного духа.
Только на поприще острова сухо –
Он омывается морем ничтожества
[1, т. 5, с. 279].

Не исключено, что механизм мышления сына Выдры демонстрируется и во втором парусе. Об «овнешнении» внутреннего свидетельствует вступительная ремарка: «Горит свеча именем Разум в подсвечнике из черепа; за ней шар, бросающий на все <атом> черной тени» [1, т. 5, с. 245]. По мнению А. Т. Никитаева, действие может разворачиваться в человеческом разуме, «пространстве идей, спроектированном на земную сцену» [22, с. 74]. Если это так, Дети Выдры – посетители «зерцала “Будетлянин”» [1, т. 5, с. 244] – находятся одновременно внутри и снаружи самих себя. Перед ними исполняется пьеса, сюжет которой подчинен логике творческого воображения. Игра в мяч-атом, божественный суд над Ахиллом, превращение Олимпа в славянскую Лысую гору «с одинокой ведьмой» [1, т. 5, с. 246] соединены не причинно-следственной и не хронологической, но ассоциативной связью.

Сын Выдры оказывается и театром мировой истории, и актером, и зрителем ее спектакля.

Подлинный герой «Сестер-молний» – молнийно-световая природа вселенной, энергия, пронизывающая живую и неживую материю. В статье «Наша основа» В. Хлебников пишет: «Нужно помнить, что человек в конце концов молния, что существует большая молния человеческого рода – и молния земного шара» [1, т. 6, кн. 1, с. 178]. Эта идея заострена в партии хора, венчающей финал произведения:

Мы ведь единство людей и вещей.
Мы учим узнавать знакомые лица в корзинке
овощей,
Повсюду единство мы – мира кольцо!
Бога лицо

То, что здесь высказано напрямую, предполагается всей субъектной организацией сверх-

повести. Реплики сестер отзываются эхом в репликах пронумерованных душ (тех же молний, претерпевающих серию метаморфоз). В парусе «Смерть коня» повествователь вторит Воину и Людям – персонажам «Страстной площади». Иногда дистанцированные переклички между парусами принимают характер буквальных совпадений. Ср.: «2 молния. Оденусь захарем // С кривою палкою. // 3 молния. А я русалкою» [1, т. 5, с. 284]; «85. Чумною палочкой. // 86. А я русалочкой» [1, т. 5, с. 302]. Разветвленная сеть повторов выявляет взаимосвязанность говорящих, даже если они не контактируют на фабульном уровне.

«Монодраматизм» позднейшей сверхповести не столь очевиден, но по-прежнему ощутим. Хотя имя Зангези вынесено в заглавие, он фигурирует лишь в четырнадцати плоскостях из двадцати одной (по данным новой текстологии – в одиннадцати из семнадцати [23]). Вместе с тем духовное присутствие героя улавливается на протяжении всего действия. Этому способствует система вспомогательных персонажей, отображающих разные аспекты его личности.

Протекая без участия Зангези, начальные плоскости «Птицы», «Боги» и «Люди» подготавливают его выход. С птицами и богами протагониста-поэта сближает владение «заумной звукоречью» [24, с. 57]. От людей он получает разнородные оценки, в той или иной мере согласующиеся с его самовосприятием. Так, 2-й прохожий подмечает: «Обрывок рукописи Зангези. <...> Красивый почерк» [1, т. 5, с. 311]. Известен авторский интерес к графическому облику текста. В декларации «Предложения» В. Хлебников призывает «основать труд художников почерка, зная, что почерк самой начертательной дрожью руководит читателем» [1, т. 6, кн. 1, с. 243]. Именно с почерком Зангези ассоциирует свое наследие:

Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам, подписью узника,
На строгих стеклах рока

По-своему прав и 1-й прохожий, окрестивший героя «лесным дураком» [1, т. 5, с. 310]. Пренебрегая скептическими выпадами, тот гордо объявляет себя «глупостварью» [1, т. 5, с. 331]. Его мудрость лежит вне обыденного рассудка.

Не будет преувеличением сказать, что Зангези окружен проекциями собственного сознания. В этом отношении людям соприродны Горе и Смех – персонажи одноименной плоскости, не связанной с общей сюжетной линией. Они олицетворяют трагикомизм судьбы Зангези. Высокое в ней всегда соседствует с низким, печальное – с веселым; самоубийство же оборачивается «неумной шуткой» [1, т. 5, с. 353].

Ложной смерти Зангези предшествуют события, воспроизводящие динамику его душевного состояния. В шестнадцатой плоскости «Падучая» он сталкивается со своим «темным», болезненным двойником – эпилептиком, чьи невнятные выкрики напоминают заумь. Выслушав их, герой заключает: «Страшная война посетила его душу. // И перерезала наши часы, точно горло» [1, т. 5, с. 334]. Позже в газете печатают слух о том, что сам Зангези зарезался бритвой: «Оставил краткую записку: “Бритва, на мое горло!”» [1, т. 5, с. 353]. Это обстоятельство проясняет роль Старика, чье появление в «Горе и Смехе» может показаться немотивированным: вооружившись ножницами, он «стрижет дыханье мертвой беленой» [1, т. 5, с. 350]. Мрачное (хоть и боевое) настроение Зангези как бы распространяется на эпизодических персонажей.

Реплики многочисленных субъектов речи эксплицируют внутренний мир «главного действующего» [20, с. 104] – дерзновенного мыслителя и отвергнутого пророка.

Созданию частого в сверхповестях эффекта зеркальности служит не только расщепление образа протагониста, но и прием «текст в тексте». Простейший случай его использования описывается Ю. М. Лотманом как «включение в текст участка, закодированного тем же самым, но удвоенным кодом, что и все остальное пространство произведения» [25, с. 101]. Такова уже упомянутая «поэма в поэме», входящая в третий парус «Детей Выдры». Два сюжетных пласта отражаются друг в друге, что усиливает авторскую позицию. В «Сестрах-молниях» вставной характер имеет монолог Воина, сопровождающийся ремаркой: «Молодой инок в келье читает стихи» [1, т. 5, с. 284]. Благодаря перекличкам между этим монологом и парусом «Смерть коня» события прошлого становятся ключом к пониманию настоящего.

Игра зеркальных отражений не сводится к элементарному дублированию: правое и левое

неизбежно меняются местами. Взволнованность Иблана контрастирует со спокойствием автора-повествователя. «Рифмующиеся» образы, употребляемые ими обоими, наполняются различным содержанием. Ярчайший пример – трансформации огня и воды: разрушительный пожар и печально догорающий костер; море, окрасившееся кровью, и журчащий родник. В «Сестрах-молниях» равнодушию Воина противостоит сочувственная интонация безымянного субъекта, причем первый вовлекается в ситуацию, о которой говорит, а второй остается в положении наблюдателя.

В «Зангези» игра ведется на границе искусства и реальности. В. Хлебников передоверяет своему alter ego авторство историософского труда «Доски Судьбы», с которым прохожие знакомятся по обрывку рукописи. Они же подбирают листовки с азбукой «звездного языка» [1, т. 5, с. 321], призванного сплотить человечество. Оценочные комментарии, звучащие из уст персонажей, предвосхищают читательскую реакцию на саму сверхповесть. Оригинальную интерпретацию взаимоотношений обрамляющего и обрамляемого текстов выдвигает Р. Вроон. Он ищет причину, побудившую В. Хлебникова внедрить в «Зангези» отсылки к своим трактатам. По словам ученого, художественность дискурса, избранного поэтом, снимает вопрос о доказуемости его прозрений, оправдывая их эстетически [26].

Итак, единство принципов субъектной организации позволяет судить о «Детях Выдры», «Сестрах-молниях» и «Зангези» как о произведениях одного жанра. Структурным ядром сверхповести можно считать фрагментарность композиции, выражющуюся в многоголосии субъектов. Как ни парадоксально, оно не подрывает концептуальную целостность каждого отдельного текста, а укрепляет ее.

Список литературы

1. Хлебников В. Собр. соч. : в 6 т. / под общ. ред. Р. В. Дуганова ; сост., подгот. текста и примеч. Е. Р. Арензона, Р. В. Дуганова. М. : ИМЛИ РАН, 2000–2006. Т. 1. 2000. 544 с. ; Т. 5. 2004. 464 с. ; Т. 6, кн. 1. 2005. 448 с.
2. Степанов Н. Л. Велимир Хлебников: жизнь и творчество. М. : Советский писатель, 1975. 280 с.
3. Тартачковский П. И. Социально-эстетический опыт народов Востока и поэзия Хлебникова в 1900–1910-е годы. Ташкент : Фан, 1987. 250 с.

4. Сигов С. В. О драматургии Велимира Хлебникова // Русский театр и драматургия 1907–1917 гг. : сб. науч. тр. / редкол. : А. А. Нинов (отв. ред.) [и др.]. Л. : ЛГИТМИК, 1988. С. 94–111.
5. Дуганов Р. В. Велимир Хлебников: природа творчества. М. : Советский писатель, 1990. 350 с.
6. Григорьев В. П. От театра размеров к театру невозможного // Григорьев В. П. Будетлянин. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 560–570.
7. Шевченко Е. С. Драматургическое новаторство В. Хлебникова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2. С. 208–217. EDN: ZAXPSD
8. Ораич-Толич Д. Сверхповесть // В. Хлебников: pro et contra : в 2 т. СПб. : РХГА, 2018. Т. 2. С. 585–597.
9. Грюбель Р. «Зангези» Хлебникова как контрафактура лингвистического синтеза искусств // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А. А. Россомахин. М. : Бослен, 2021. С. 286–297.
10. Флакер А. Сверхповесть или сверхэрелище? Пространство «Детей Выдры» // В. Хлебников: pro et contra : в 2 т. СПб. : РХГА, 2018. Т. 2. С. 711–718.
11. Соливетти К. Сверхповесть «Зангези» как гипертекст // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А. А. Россомахин. М. : Бослен, 2021. С. 298–307.
12. Кукуй И. С. Сверхповесть «Зангези» как гибридный текст // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А. А. Россомахин. М. : Бослен, 2021. С. 308–314.
13. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 1996. 334 с.
14. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 168–202.
15. Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1972. 272 с.
16. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1982. 256 с.
17. Корман Б. О. Практикум по изучению текста художественного произведения // Корман Б. О. Избранные труды. Методика вузовского преподавания литературы. Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 291–384.
18. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М. : Просвещение, 1972. 110 с.
19. Успенский Б. А. Поэтика композиции // Успенский Б. А. Семиотика искусства. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 9–218.
20. Евреинов Н. Н. Введение в монодраму // Евреинов Н. Н. Демон театральности. М. ; СПб. : Летний сад, 2002. С. 99–112.
21. Баран Х. Поэтическая логика и поэтический алогизм Хлебникова // Баран Х. О Хлебникове. Контексты, источники, мифы. М. : Российский гос. гуманит. ун-т, 2002. С. 19–49.
22. Никитаев А. Т. К интерпретации 2-го паруса «Детей Выдры» // Хлебниковские чтения : материалы конференции 27–29 ноября 1990 г. СПб. : Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1991. С. 69–75.
23. Хлебников В. Зангези // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А. А. Россомахин. М. : Бослен, 2021. С. 65–100.
24. Шкловский В. Б. О поэзии и заумном языке // Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М. : Советский писатель, 1990. С. 45–57.
25. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : АСТ, 2019. 256 с.
26. Вроон Р. Генезис замысла сверхповести «Зангези» (К вопросу об эволюции лирического «я» у Хлебникова) // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А. А. Россомахин. М. : Бослен, 2021. С. 268–285.

Поступила в редакцию 29.06.2025; одобрена после рецензирования 22.07.2025; принята к публикации 01.09.2025
 The article was submitted 29.06.2025; approved after reviewing 22.07.2025; accepted for publication 01.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 452–460

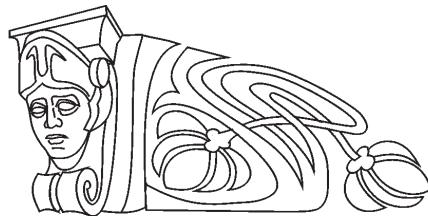
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 452–460

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-452-460>, EDN: TRJGWX

Научная статья
УДК 821.161.1.09-1+929Гронский

Черты «альпийского текста» в поэме Н. П. Гронского «Белладонна»

Г. М. Маматов

Новосибирский государственный технический университет, Россия, 630073, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20

Маматов Глеб Максимович, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры филологии, G.M.Mamatov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0625-3853>

Аннотация. Рассматривается теоретическая база понятия «альпийский текст» и его функционирование в поэме представителя первой волны русского зарубежья Н. Гронского «Белладонна». Данный термин, недавно введённый в научный обиход, исследуется на основе концепций Т. Шайдеггера, Н. Любимовой, Н. Меднис. В статье изучены основные принципы, характеризующие альпийский текст в связи с эстетикой швейцарско-немецкого модерна, монтанистикой и горной философией русской литературы. Черты альпийского текста рассматриваются в поэме «Белладонна», посвящённой покорению одноимённой вершины в Дофинейских Альпах. Н. Гронский следует традициям как европейского модерна, так и русской классической литературы. Мотив конфликта героя-покорителя и стихии и коррелирующие с ним мотивы смерти, дикой первобытной природы, опасности и эротизма характерны для альпийского текста мировой литературы. При этом центральное место в произведении занимают религиозные мотивы и образы, а тема снежной пустыни, часто возникающая в горных текстах русской классики, имеет традиционные для поэтов эмиграции значения духовного одиночества в связи с потерей Родины и вынужденного пребывания в «чужом» мире. Мы исследуем религиозный символизм, связанный с горной Девой-Мадонной и гранитным Христом. В этих образах проявляется типичное в поэзии Гронского слияние языческого и христианского начал. Проанализированы параллельные сюжетные линии, соотносящиеся с судьбами героев-альпинистов, покоряющих опасную вершину; сюжет восхождения также осмыслен поэтом в связи с христианскими темами греха и возмездия, чистоты духовных помыслов и обретения счастья, религиозной целостности и спасения, хаоса и гармонии.

Ключевые слова: альпийский текст, монтанистика, поэзия русского зарубежья, Н. П. Гронский, поэма «Белладонна», пространство, лирика

Для цитирования: Маматов Г. М. Черты «альпийского текста» в поэме Н. П. Гронского «Белладонна» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 452–460. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-452-460>, EDN: TRJGWX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of “alpine text” in the poem of N. P. Gransky *Belladonne*

G. M. Mamatov

Novosibirsk State Technical University, 20 K. Marks Ave., Novosibirsk 630073, Russia

Gleb. M. Mamatov, G.M.Mamatov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0625-3853>

Abstract. The article studies the theoretical basis of the concept of alpine text and its functioning in the poem of a representative of the first wave of the Russian émigré N. P. Gransky “Belladonne”. This term, recently introduced into scientific usage, is studied on the basis of theoretical works by T. Scheidegger, L. Lyubimova, N. Mednis. The article introduces major principles that characterize alpine text in connection with the aesthetics of Swiss and German Art Nouveau, the mountainscape and mountain philosophy of the Russian literature. Features of alpine text are researched in the poem “Belladonne”, dedicated to the conquest of the peak of the same name in the Dauphine Alps. N. Gransky follows both the traditions of European Art Nouveau and Russian classical literature. The conflict of the hero-conqueror and the element, and motives of death correlated with it, wild and pristine nature, danger and eroticism are characteristic for the alpine text of the world literature. At the same time religious motives and images are central, and the motive of a snowy desert, often appearing in the mountain texts of the Russian classics, has connotations of spiritual loneliness, traditional for the poets of the Russian émigré in connection with the loss of their Motherland and forced residence in a “foreign” world. Religious symbolism connected with the images of the mountain Virgin Mother and granite Christ is studied. In these images the fusion of pagan and Christian principles, typical of Gransky’s poetry, is manifested. Three parallel storylines are analyzed, correlating with the three heroes-alpinists who conquer a dangerous peak; the plot of the climbing is comprehended by the poet with the Christian themes of sin and retribution, purity of spiritual thoughts and finding happiness, religious integrity and salvation, chaos and harmony.

Keywords: alpine text, mountainscape, poetry of the Russian émigré, N. P. Gransky, poem *Belladonne*, space, poems

For citation: Mamatov G. M. Features of “alpine text” in the poem of N. P. Gronsky *Belladonne*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 452–460 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-452-460>, EDN: TRJGWX
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В дневниковой записи 1929 г. поэт первой волны русской эмиграции Н. П. Гронский писал: «Как я люблю горы руками, ногами и дыханием <...>. Но горы, послушайте только: внизу юг (<...> Крым 1917-го года), повыше какие-то границы, границы и Россия – север России <...>, а ещё выше моя родина Финляндия <...>; а ещё выше – тоже Россия, но та Россия гиперборейцев: скалы, лёд, снег, а после – ничего – небо <...> Горы это моя самая старая отчизна, род мой из Карпат» [1, с. 449]. Исходя из этой записи, можно предположить следующую мысль: горы в понимании поэта – сказочное пространство, связанное с младоэмигрантской темой родины. Важна тема мифологического прошлого: Россия обозначена как Гиперборея. Отчизна, в представлении Гронского, недосягаема ни во времени, ни в пространстве, это категория ирреальная, метафизическая. Важен тот факт, что в реальности поэт покорял Французские Альпы и был спортсменом-скалолазом. М. И. Цветаева в некрологе «Поэт-альпинист» проницательно описала его страсть как не характерную для русского безбрежного сознания: «Русские, как известно, любят простор. <...> Альпинизм же – противоположная страсть: к преодолению, то есть препятствию. <...> Альпинист, в кругу спокойных людей – завоеватель и воин. Ибо альпинизм прежде всего битва. Битва с горами и с самим собой» [1, с. 447–448].

Тема альпинизма нашла отражение в поэзии Н. Гронского, где центральное место занимает выделяемый нами цикл «альпийских стихов», состоящий из поэм и миниатюр «Сион и Синай» (1929), «Белладонна» (1929–1931), «Снега вечерние на пиках пламенели...» (1933), «Муза горных стран» (1932–1933), «Мадонна скал» (1933), «Музыка горных стран» (1934). Во всех указанных произведениях действие разворачивается в Альпах, чьи пики покоряет герой-скалолаз. Данные стихотворения, как и другие произведения Гронского, не изучены в отечественном литературоведении. Но не только это обуславливает новизну статьи. Изучение цикла важно для описания концепции монтанистики в поэзии представителей русского зарубежья, горного текста русской и мировой

литературы. Мы рассмотрим черты альпийского текста в самом известном произведении цикла, в поэме «Белладонна», опубликованной в 1936 г. парижским издательством «Парабола» с подзаголовком «Альпийская поэма». В дальнейшем её перепечатали в Антологии поэзии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой...» [2, с. 332–344] и в сборнике писем поэта к М. Цветаевой [3, с. 210–223].

Терминологический аппарат исследования

Перед непосредственным анализом поэмы охарактеризуем термин «альпийский текст» и представим основную понятийную базу исследования. В основе изучаемого определения лежит категория «сверхтекст», связанная с топологическими структурами. В терминологии Н. Е. Меднис сверхтекст – это крупное текстовое образование, обладающее культуроцентричностью и формирующееся благодаря явлениям действительности, которые «выступают по отношению к сверхтексту как факторы генеративные, его порождающие» [4, с. 8]. Сверхтекст, связанный с пространственными реалиями, обладает рядом константных признаков: наличие «центрального локуса», который имеет «пространственно-временное обрамление, ибо он выступает как данность, более того, – нередко как данность, не подлежащая или слабо поддающаяся изменениям» [4, с. 10]; существование ряда произведений, в которых формируются определённый язык и система образов и символов для воссоздания того или иного пространства [4, с. 11]; мифологизация и символизация пространства, смысловая подвижность границ сверхтекста [4, с. 12]. В отечественной науке можно говорить о богатой традиции изучения локальных текстов (работы, посвящённые пространствам Санкт-Петербурга, Венеции и Флоренции в русской литературе) [5–7]. Предметом нашего рассмотрения стало понятие «альпийский текст», требующее теоретического уточнения.

В западноевропейской и отечественной науке изучаемый термин был введен в трудах Т. Шайдеггера [8], Э. Цопфи [9, S. 241], Н. Любимовой [10, 11]. Феномен альпийского текста начал формироваться в XVIII в. после выхода

романа «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо. Согласно исследователям, в мировой литературе сформировались две линии восприятия альпийского пространства.

1. Руссоистская, связанная с пониманием Альп как идеализированного мира, где царствуют свобода, патриархальное счастье на фоне пасторальных пейзажей «Горной Аркадии»: «Вильгельм Телль» Ф. Шиллера, «Идиллии» С. Гесснера, «Альпы» А. Галлера, «Аделаида» Ф. фон Маттиссона, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Путешествие по саксонской Швейцарии» В. А. Жуковского, «Бабье лето» А. Штифтера, «Зелёный Генрих» Г. Келлера. В этих текстах альпийский текст почти синонимичен швейцарскому, что обусловлено историческими событиями (Вестфальский мир, идеи Просвещения и Великой французской революции) [11, с. 210; 8, С. 122–125; 12, с. 82].

2. Модернистская линия, связанная с де-конструкцией идиллического мифа, сформировавшегося в XVIII–XIX вв.: «Волшебная гора» Т. Манна, «Ответ из Тишины» М. Фриша, «Граубюнденская трилогия» А. Камениша. В XX в. Альпы воспринимаются как антицивилизационное пространство, соотносящееся с темами дикости, первозданной и опасной природы, всегда противостоящей человеку.

В модерне происходит уничтожение основных черт первоначального сверхтекста, создававшегося в эпоху Просвещения, что говорит о динамике изучаемого локального текста. Разрушение буколического альпийского мифа происходит также в романистике русского зарубежья («Подвиг» В. Набокова, «Аполлон Безобразов» Б. Поплавского). Рассмотрев указанные произведения, изучив труды вышеупомянутых исследователей, мы можем обозначить следующие характерные черты альпийского текста в литературе конца XIX – начала XX в., отличающие его от классической традиции:

1) герой – это всегда альпинист-покоритель или горный спасатель с ярко выраженным маскулинным, брутальным началом;

2) жёсткое гендерное различие героев на мужчину-добытчика-скалолаза и женщину-жертву-гору, процесс покорения которой осмыслен как сексуальный акт;

3) герои чаще всего стремятся не к духовному восхождению, а к физическому, покорение пика часто описано как игра со смертью и борьба со стихией;

4) документализм: точное, детальное воспроизведение процесса покорения с натуралистическими описаниями. Альпийский текст приближен по своему стилю «к дневникам альпинистов, отчётом о покорении гор, биографиям и мемуарам знаменитых скалолазов и проводников» [10, с. 157];

5) природа Альп, несмотря на свою дикость и смертельную опасность, которую она несёт, величественна, многие авторы-модернисты сохраняют традиционные мотивы любования видами, частотны упоминания альпийских цветов: рододендронов, эдельвейсов, альпийских роз и подснежников [11, с. 212].

Альпы – пространство философски усложнённое, это определённая эстетико-символическая вертикаль, в чём нельзя не согласиться с мыслью Н. Любимовой: «Альпы – это топологический, геологический, а также этический и идеологический водораздел по признакам верх / низ; мы / они; сила / слабость; дикая природа / окультуренное городское пространство» [13, с. 247]. Можно утверждать, что любое пространство в художественном произведении имеет феноменологическое начало, порождающее чувственным восприятием писателя, и несмотря на имеющиеся в культуре определённые языковые клише, поэт или прозаик создаёт оригинальный «авторский» образ того или иного ландшафта [14, с. 179; 15, с. 262].

Интерпретация поэмы «Белладонна»

Поэма Гронского начинается с «Посвящения»: «Там луч луны читает руны, / Там горный дух трубит в рога. / Во всей подсолнечной, подлунной / Чту область ту, где облака, / Ветра, луга, снега, туманы, / Твердыни скал, державы вод, / Просторы и пространства, страны, / И горизонт, и небосвод – / Всё – горное, – как в мире сущем, / Всё – тленное, – как в мире том / – Бессмертное...» [16, с. 70]. Альпы связаны с темой сакральных истин; руны, написанные на горных скалах, представляют собой вселенские письмена, таинственные иероглифы Мироздания, соотносятся с понятиями вечности, бесконечности, гармоничной целостности мироздания. Рассмотрим синтаксический параллелизм, части которого противопоставлены друг другу по смыслу (приём антитезы): «Всё – горное, – как в мире сущем, / Всё – тленное, – как в мире том». «Горный мир», бессмертный, величественный, антонимичен реальному миру, который описан

как «тленный», т. е. недолговечный и обречённый на гибель.

Главные герои «Белладонны» – три альпиниста, в произведении акцентируется внимание на их мужественности: «Обратно – лёгкая дорога, / Но только к ночи будут здесь / Искатели. И по отрогам / Кратчайший путь избрала честь. / Впиваясь в щели горных трещин, / Врастая в камни – распостёрт – / Спускался. Руки не трепещут, / Верёвка держит, камень твёрд. / Бессильны силы тяготенья: / Столь мощны мышцы смуглых рук. / Преодолевши страх паденья, / Не падают. – Он, как паук» [16, с. 83–84]. М. Цветаева в статье о поэме отмечала особое значение маскулинных мотивов спорта и силы, что вписывается в парадигму европейского альпийского текста [1, с. 452–453]. В данный контекст также попадают упоминания огнестрельного и холодного оружия, которое используют герои для выживания в горах (дробовик, топор). Очевидно, что в поэме имеет значение гендерно-сексуальный контекст. В первоначальном названии произведения – «Поэма пика Мадонны и трех альпинистов» – явно противопоставлены женское и мужское начала. Сексуальные мотивы актуализируются в описании судьбы второго скалолаза, который рассматривает восхождение как половой акт: «“Две тысячи девятьсот тринадцать?” / “Да”. / “Где Мадонна?” / “Этот пик”. / “Теперь и чёрту не взобраться / На женщину”. / “Ой, тёмен лик!” / “Который час сейчас, ребята?” / “Сейчас” – сказало эхо – “час”. / Архистратигова заката / Взор дозирающий погас» [16, с. 76]. Первый альпинист также воспринимает восхождение как любовный акт, но, в отличие от второго, испытывает страх и сбегает: «Черт! – с Ледяницей женихаться / Не пожелаю и ежу. / Кто хочет, может оставаться: / Что до меня – я ухожу» [16, с. 78]. Образ горы у Гронского связан с архетипом Вечной Женственности, покорение которой может быть только платоническим, что доказывается судьбой главного героя, воспринимающего восхождение как обретение духовного идеала и сакральных истин.

Поэт использует анжамбеманы, свободные цезуры, анадиплосисы, различные вариации четырёхстопного ямба, что создаёт резкое прерывистое звукоизвлечение. Изощрённость синтаксиса и ритма обусловлена сюжетом: все указанные приёмы необходимы для передачи резкого, стремительного и динамичного повествования, как бы имитирующего энергичное восходящее движение героев к вершине горы,

а также стихийность окружающей их опасной природы (порывы ветра, снежные грозы, обвал камней, водопад). Частотны в «Белладонне» переходы повествования от речи автора к речи альпинистов, как в следующем отрывке:

В ногах томительная слабость,
В глазах властительнейший страх,
Страх гор и смертная усталость
В неразгибаемых плечах.

Сказал: «Не ноги, а колонны
Свинца. Друг, глянь, гляди, взглянись,
Отроги Цирка Белладонны –
Кратчайшая дорога вниз.

Слыши, водопады шепчут лесу».
Подполз и глянул в глубину.
Отрог в отрог, отвес к отвесу
Бежали вглубь, и вдруг ему

Привиделось: в глаза очами
Вперился страх. Крик – и в горах,
Загрохотав дробовиками,
Отроги грянули. В рогах

Органных эхо перекатов,
Зарокотал по скалам шквал:
Отрог отрогу слал раскаты,
Гранит базальту отвечал [16, с. 78–79].

В данном фрагменте описание гор в речи автора представлено через олицетворения («гранит базальту отвечал», «вперился страх», «отрог отрогу слал раскаты»), поэтизмы («властительнейший страх»), тогда как в монологе героя используются просторечия («слыши», «глянь») и повторы («Друг глянь, гляди, взглянись»), подчёркивающие эмоциональное напряжение героя, находящегося в страхе перед падением с горы.

В литературе русского зарубежья пребывание героя-эмигранта в Альпах становится стимулом для воспоминаний о родине [17, с. 421–423; 18, с. 60–61]. Поэма Гронского также попадает в этот контекст: пространство Альп допустимо интерпретировать как проекцию потерянной Родины: «Седых туманов Божья слава; / Держава – камни и снега; / Лик Умиления двуглавый; / Текут, как мысли, облака» [16, с. 72]. На тему Родины указывает мотив зимы. Снежные пустые пейзажи связаны с Россией-Гипербореей, о которой поэт писал в своём дневнике. В произведениях Гронского, действие которых разворачивается в России, зимняя символика центральна: «Страшна страна: кругом глухие / Темны леса оснежены. / Снега – священные, седые, / Снега и тайна тишины» [16, с. 138].

Мотив одиночества в поэме также соотносится с темой потерянной Отчизны в экзистенциальном аспекте: «В руинах первозданных зодчеств, / В пространствах каменной страны / Снега безмолвных одиночеств / Полны суроютишины» [16, с. 72]. Возникает двойственное восприятие Альп. С одной стороны, это пространство хтоническое, связанное с древнейшими мифологическими временами образования мира, оно противопоставлено цивилизации как дикое раздолье, является гранью между низшим и высшим мирами, что характерно для мифологии [19, с. 9]. С другой стороны, это место суроютишины, где нет ничего, кроме одиночества и холода. На наш взгляд, такое восприятие гор, описанных как стихийная безбрежность, связано с мотивом пустыни, характерным для русской «горной философии»: «Пустыня в горах – это, прежде всего, пустыня в душе. Это не столько географическое и совсем даже не реальное пространство, сколько психологическое состояние. <...> образ пустыни в горах обретает космический характер, становясь поистине «пустыней Мира»» [20, с. 146–147]. В поэме Гронского горная пустыня символизирует экзистенциальный кризис, которым стала для поэта эмиграция.

Рассмотрим религиозные мотивы в поэме и антитезу горного-горного, типичную для русской монтанистики [20, с. 134–135; 21, с. 15]. В «Белладонне» Альпы описаны как вселенский собор, на звёздном пике-куполе которого восседает Мадонна, но в низинах гор находится страшный каменный цирк, ад, куда падает сорвавшийся с горы альпинист в наказание за греховные мысли. Восхождение на вершину возможно лишь при чистых помыслах и в суроютищах, что связано с христианским мировоззрением («Царствие небесное силою берётся» (Мф. 11:12)). Гронский акцентирует внимание на отсутствии всякой жизни в горном мире, представленном как смертоносное, но прекрасное пространство: «Выходят в небо караваны / Взойти под Божий небосвод, / Увидеть каменные страны, / Познать величие высот. / С тех пор, как под хрустальной твердью/ Бог караванов слышит ход, / Здесь двое гибнут горной смертью/ Из года в год, из года в год» [16, с. 73].

Название поэмы имеет тройственную интерпретацию. Прежде всего, это связь с пиком Грант-Пик-де-Бельдон (горный массив Бельдон), находящимся в Дофинейских Альпах между Савойей и Греноблем. Метафорически

же заглавие интерпретируется двойственno: это и ядовитое растение с чёрными ягодами семейства паслёновых, и итальянское написание словосочетания «Прекрасная Дама», явно отсылающее к первой книге А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме», где образ горы часто возникает в стихотворениях о Небесной Деве¹. Тема Вечной Женственности в поэме Гронского – понятие двойственное. Рассмотренное ранее «Посвящение» написано в форме молитвы коленопреклонённого юноши-альпиниста к Деве. Рассмотрим следующий фрагмент: «В ночи, из стран моих бессонных, / В странах иных услышь мой стих, / Внемли, Владычица Мадонна, / Глаголам уст моих живых. / Услышь псалтирь моей печали, / Глубин отчаяния псалом, / Ты, прозирающая дали / Миров иных мечом-лучом» [16, с. 70]. Мадонна вооружена лучом-мечом, который и карает, и освещает. Солнечный меч знаменует амбивалентный образ горной девы. Белладонна – это богиня Справедливости, судящая людей за их поступки, и *Femme Fatale*. В других произведениях поэта эта двойственность возникнет в образе креста-мечи, поражающего драконов («Мадонна скал»).

Обратимся к сюжету произведения. К горе подходят три путника-альпиниста, стремящиеся взобраться на её вершину. Первый скололаз отказывается от покорения, второй погибает, получая наказание за греховные мысли. В этом герое воплощён характерный для европейского модерна типаж мужественного покорителя, видящего гору лишь как место для приключений и сравнивающего её с женщиной, за что он низвергается в пропасть и погибает:

Сапожный гвоздь по камню свистнул...
Повис, схватившись за карниз,
– Ногой в провал, рукой за выступ, –
Врастая в пласт базальта, вниз...

И ахнув, рухнул. Повернулись
Все оси чувств: легко, легко
Все чувства душу обманули,
Цирк нёсся прямо на него.

И в этом рухающем своде
Эреба каменных небес
Великолепен и бесплоден
Стремил свой неподвижный вес

¹ У Блока, как и у Гронского, дева-богиня существует над горой, в особом космическом пространстве: «Вдруг расцвела, в лазури торжествуя, / В иной дали и в неземных горах. / И ныне вся овеяна снегами. / Кто белый храм, безумцы, посетил? / Она цвела за дальными горами, / Она течет в ряду иных светил» («Она росла за дальными горами...») (1901) [22, с. 103].

Огромный обелиск базальта.
Живые жилы ног собрал
И дёрнул страх. – Качнулись Альпы:
Он перевёртываться стал.

Крутились своды: свод небесный
И каменный альпийский свод.
Сто метров чистого отвеса,
Последний тела оборот, –

И грохнулся. Увлёкши камни,
Подпрыгнул – (мёртвый) – рокоча,
Проснулось эхо в горных замках,
В отрогах грянули рога.

И – только труп окровавлённый
Лежал расплющенный, как плод,
В бездонном Цирке Белладонны,
В гробу любовников высот.

Наг, обнажён от мышц непрочных,
Одёжа кожная в куски,
Шесть переломов позвоночных,
Весь череп вышел в черепки [16, с. 81].

В этих строфах важно использование ассоциантов на гласный нижнего ряда «о», связанного семантически с темами физических страданий, вопля, падения и смерти, на что указывают слова, в которых этот звук был выделен. Значимы аллитерации на «с» и «р», связанные со свистом ветра, перевёртыванием героя в полёте, хрустом костей и болью. Гронский использует звуковые каламбуры: череп-черепки, «В отрогах грянули рога»². Происходит переворачивание пространства: восхождение сменяется падением, а небом для погибающего альпиниста становится «каменный свод» Цирка (смещение низа и верха). Значим повтор в словах «бесплоден» и «плод», связанный с темой смерти. Герой лишается телесного обличия, плоти, превращаясь в подобие разбитого кувшина.

Мотив смерти-падения перекликается с поэтикой Державина, чьим одам эмигрант посвятил свою неоконченную диссертацию, которую он начал писать в Брюссельском университете [16, с. 6]. Следует отметить, что об этой связи размышляет и М. Цветаева [1, с. 439–440]. В «Белладонне» возникают аллюзии к оде «На переход Альпийских гор» (1799), посвящённой швейцарскому походу А. В. Суворова. В оде Державина и в поэме Гронского Альпы воспринимаются как страшные, величественные и холодные горы, чьё покорение стоит жизни

покорителям: альпинистам у поэта-эмигранта, воинам суворовской армии у классициста. Оба поэта используют мотивы ада, бездны, пустоты, смерти, снега и холода: «А там – невидимой рукою / Простертое с холма на холм / Чудовище, как мост длиною, / Рыгая дым и пламень ртом, / Бездонну челюсть разверзает, / В единый миг полки глотает. / А там – пещера черна спит / И смертным мраком взоры кроет; / Как бурею, гортанью воет: / Пред ней Отчаянье сидит» [23, с. 285]. В «Белладонне» тема падения в бездну является одной из главных: «Я был там. Там четыре бездны / Открыты с четырёх сторон, / Свистят отвесы, грозы снежны / И страшно близок небосклон. / Смелее! – звонкий камень в руку, / Да так, чтобы хрустнуло плечо, / С размаху – вниз. Внимайте звуку. / Вы слышите? – Ещё, ещё: / Вот раздалось, вот отзывалось, / Передалось и весь гудит / Просторный коридор обвалов, / Дрожит базальт, гремит гранит» [16, с. 77]. Гронский использует церковнославянские, окказионалисты, книжные слова, частотные в поэзии Державина: рекла, зодчество, твердыня, держава, десница, архистратигова, синеструйный, отсвист, рухающем, ледяницей. Гронский почти дословно воспроизводит панегирические формулы, характерные для поэзии классицизма, но если в оде Державина централен героический мотив победы русского оружия [24, с. 34], то в поэме «Белладонна» первостепенное место занимает христианская тематика.

Совершенно иначе представлено восхождение третьего альпиниста, стремящегося к царству духа, за что Горная Мадонна дарует ему спасение. Её образ возникнет вместе с Христом: «В громаде каменной десницы / Хранит гранитного Христа: / Птиц высочайший пик двулицый, / Вершина горного хребта. / Склон монолита к монолиту. / В порфирах каменных пород – / Щека к щеке: гранит к граниту – / Глядят на солнечный восход» [16, с. 72]. Возникает амбивалентный образ, в котором объединены христианское и языческое начала. В стихе «Хранит гранитного Христа» имя Спасителя сопряжено по фонике с гранитом и глаголом *хранит*, относящимся к горной Мадонне, благодаря повтору зубного «т», заднеязычных «х» и «г», сонорного «р» и гласного переднего ряда «и». Данное наблюдение позволяет говорить о неразрывном единстве языческого и христианского начал в поэме. Не случайно, в «Белладонне» упоминается покровитель скалолазов, коптский муче-

² В фоническом рисунке этой части поэмы, на наш взгляд, с помощью аллитераций вводится фамилия поэта – Гронский: «грохнулся», «В отрогах грянули рога», «огромный», «гробу».

ник Христофор Ликийский, изображавшийся на иконах с головой пса, подобно Анубису [25, с. 81]: «Собрата смелых восхождений, – / Топорика альпийских гор, – / Чту. Да очистят соль молений / Святой Бернард и Христофор. <...> / Как ящер. – В каменных завесах / Лицом в скалу, спиной в простор. / Да сохранят тебя в отвесах / Святой Бернард и Христофор!» [16, с. 70–71, 84]. Отметим, что в других произведениях Гронский также соединяет в едином образе святых и мифических персонажей, как Георгия Победоносца и фракийских всадников в поэме «Авиатор»: «В крестах, в полках, / Разящий Змея, / Многознаменный над Москвой, / На барельефах – древний Эллин, / А в православии – святой» [16, с. 104]. Существование Альп в некоем «вакууме», далёком от цивилизации, знаменует их связь с Богом и Мадонной. Сюжет восхождения к вершине можно трактовать как символический переход из преисподней на небеса. Пространственные локусы в «Белладонне» интерпретируются в христианском ключе: низина, Цирк – ад; пик горы – рай, царство Мадонны и Христа, гора – место инициации, испытаний, которые необходимо пройти ради достижения высшего идеала. Герой с чистыми намерениями, взобравшийся на пик, обретает спасение, ему дано услышать абсолютную гармонию Вселенского Храма. Чудесная красота этой картины подчёркивается благодаря мотиву остановки времени:

С колоколами колоколен
Молитвы ангельской в горах
Плыл час вечернего покоя.
Лишь на вершинах-алтарях

И на снегах высоких скиний
Огонь торжественный пылал.
Погружены во мглы и дымы
Долины были. Трёх зеркал

Озёр подножья Белладонны
Стемнело синее стекло.
Миг – мнилось в воздухе студёном
Вдруг стало времени крыло.

Замедлил вечер час прихода,
Ствол света – луч – стал зрим очам
И воздух сводов небосвода
Потряс орган высоких стран.

Из края в край, по всей пустыне
Пространств невидимых миров
Труба архангельской латыни
Рекла мирам: коль славен Бог [16, с. 75].

«Орган высоких стран» – это инструмент-медиатор, чьи трубы передают в мир земной музыку сфер³, воплощение небесной гармонии, красоты, идеальной структурности горного мира. Услышать эту музыку дано лишь избраннику Белладонны, которым является герой-покоритель. Заметим, что музыкальная символика частотна и разделена на горнюю, связанную с Мадонной и Христом (колокола, орган, хор ангелов, медь торжествующей латыни), и горную, диссонансную, озвучивающую гибель грешников и звучащую во время сложного пути восхождения к небесам: «Подстерегая из расщелин, / Таясь в базальтовых камнях, / Властитель головокружений, / Двупалым свистом горный страх // Высвистывал сигнал падений / И свистом мерил глубину / Обрыва каменных крушений, / И эхо вторило ему. / <...> / Крепчал мороз альпийской ночи. / Высок, пронзителен и чист, / По скалам смертных одиночеств / Шёл посвист, отсвист, пересвист... // То – альпинист, живой, бессонный, / Живым слал бедствия сигнал: / Шёл хохот Цирком Белладонны, / Рок грохот по отрогам скал» [16, с. 80–82]. В этом отрывке используется большое число слов, объединённых корнем «свист». Создаётся звукоподражание горной метели, что инструментировано частыми аллитерациями на щелевой «с» и ассонансу на «и», что было выделено в приведённом фрагменте курсивом. Свист ассоциируется с нечистой силой, Соловьём-Разбойником, сбирающим чертей и колдунов в европейском и славянском фольклоре. Мотив свиста связан с темой низвержения в ад, как и объединённые внутренней рифмой слова грохот и хохот; но если грохот соотносится с громким, шумным падением героя, подобному камням или кускам скал, то хохот, как и свист, может ассоциироваться с силами тьмы (хохот дьявола, ведьмы, чёрта).

Рассмотрим финал поэмы: «И утро в сферах совершилось. / Весь горный воздух задрожал. / Как синеструйный дым кадила, / – Миг – лицо Мадонны заблистал. // Се Бог, в пространствах одинокий, / Взглянул из стран небытия... / И вспыхнули престолы Копий / От алтаря до алтаря. // И, в смертный слух неуловимы, / Без уст, живым дыханьем слов, / Высоко в небе

³ Мотив гармонии сфер также важен в поэме: «Приемляется стократно чисто, / Как молот по хрустали сфер, / – Как горный гром, – у альпиниста, / В глубинах слуховых пещер» [16, с. 86].

серафимы / Рекли мирам: коль славен Бог» [16, с. 92–83]. Стих «Рекли мирам: коль славен Бог» повторяется в видоизменённом виде ранее: «Из края в край, по всей пустыне / Пространств невидимых миров / Труба архангельской латыни / Рекла мирам: коль славен Бог» [16, с. 75]. В обоих случаях осанна Богу озвучивается ангельской музыкой. Данный рефрен является аллюзией к часто использовавшемуся представителями белой эмиграции гимну «Коль славен наш Господь в Сионе» (1794) на стихи М. М. Хераскова и музыку Д. С. Бортнянского [26, с. 455]. В выделенных строфах упоминаются возникающие в гимне образы фимиама, света и алтаря: «О Боже, во твоё селенье / Да внидут наши голоса, / Да взыдет наше умиление, / К Тебе, как утрення роса! / Тебе в сердцах алтарь поставим, / Тебя, Господь, поём и славим!» [27, с. 168]. Таким образом, одилический финал подчёркивает связь поэмы Гронского с культурой классицизма и с эмигрантской поэзией первой волны.

Финал нельзя назвать торжественным и панегирическим, как в оде или гимне. В «Эпилоге» герой говорит о своей смерти в альпийских просторах. Поэма начинается и заканчивается молитвой к Мадонне, но если в первой части герой просил благословения на своё восхождение, то в финальной он говорит о собственной гибели: «В ночи, из стран моих бессонных, / В странах иных услыши мой стих, / Внемли, Владычица Мадонна, / Глаголам уст моих живых. / И мне в мой час в гробу бездонном/ Лежать, дышась в моей крови. / Альпийских стран, о, Белладонна, / Мой смуглый труп благослови» [16, с. 87]. Фаталистический и суициdalный финал возможно трактовать в биографическом ключе. М. Цветаева вспоминала, что поэт часто говорил об отсутствии страха перед смертью [1, с. 436], в то же время мотив смерти можно интерпретировать как идеальный исход для покорителя священных гор, для которого падение в альпийскую пропасть является самопожертвованием во имя духовного идеала Горной Мадонны.

Выводы

Альпийский текст в «Белладонне» Н. Гронского представляется символическим, насыщенным различными смыслами. Он близок поэтике европейского модерна по ряду при-

знаков. Прежде всего, гора осмыслена как женщина, покорение которой представлено и эротически, что характерно для западноевропейской литературы, и духовно, как восхождение к Прекрасной Даме. Как и в модернистском альпийском тексте, в поэме Гронского важны натуралистические описания восхождения, ландшафта, падения и смерти. В большинстве альпийских текстов XIX–XX вв. покорение горы не мыслилось как достижение духовного идеала, гора воспринималась как смертоносный враг, роковая женщина, которую необходимо покорить–победить, что нашло отражение в образе второго альпиниста. Поэт сохраняет типичные для альпийского модернистского текста темы маскулинности, эротизма, дикой и зловещей природы, борьбы со смертью и стихиями, опасности. В то же время Альпы воспринимаются как пространство, в котором соединены разнородные элементы бытия: жизнь и смерть, небо и земля, эротическое и танатологическое, христианское и языческое. Горы представлены как гигантский храм, на вершине которого на звёздном троне восседают и царствуют Горная Мадонна и Гранитный Христос, однако внизу этого храма расположен Цирк-Ад, в который низвергаются грешники. Гора является мифологическим пространством, в котором герой должен пройти инициацию. Преодолеть все препятствия и опасности способен лишь человек с чистыми и духовными помыслами, что позволяет трактовать поэму как произведение об обретении духовного идеала.

Другим важнейшим мотивом в «Белладонне» является пустота, незаполненность пространства, в котором герой чувствует себя одиноким. В поэме выживший альпинист окружён суровыми снегами и льдами, что связано с авторским мифом о России-Гиперборее. Гронский использует типичный для русской монтанистики мотив пустыни, соотносящийся в поэме с темами экзистенциального кризиса и одиночества, в связи с чем покорение горы можно интерпретировать как попытку преодоления этого состояния и обретения христианских вселенских истин, которые дарует ему Мадонна, центральный образ поэмы, представляющийся двойственным. Белладонна, держащая в руках солнечный меч, который карает и освещает путь главному герою, позволяя ему обрести духовную гармонию.

Список литературы

1. Цветаева М. И. Собр. соч. : в 7 т. М. : Эллис Лак, 1994. Т. 5. 725 с.
2. «Мы жили тогда на планете другой...». Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990 : в 4 т. М. : Московский рабочий, 1994. Т. 3. 399 с.
3. Цветаева М., Гронский Н. Несколько ударов сердца. Письма 1928–1933 годов. М. : Вагриус, 2004. 320 с.
4. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2003. 170 с. EDN: VХНJAT
5. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб. : Искусство-СПб, 2003. 616 с. EDN: VNJOI.
6. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1999. 392 с. EDN: TPYWOK
7. Гребнева М. П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2009. 182 с. EDN: RUTYLN
8. Scheidegger T. Die Entstehung eines Symbols // Rey Ch., Rey S., Vouillamoz J. F., Baroffio C. A., Roguet D. Das Edelweiss. Botanik, Mythos und Kultur einer geheimnisvollen Alpenpflanze. Aarau ; Munchen : AT Verlag, 2011. S. 108–134.
9. Zopfi E. Dichter am Berg: alpine Literatur in der Schweiz. Zürich : AS Verlag, 2009. 368 S.
10. Любимова Н. В. Событийность альпийского текста как базовая категория жанра // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 7 (746). С. 156–166. EDN: ZNAJVV
11. Любимова Н. В. Построение и деконструкция альпийского пространства в романе Арно Камениша «Сец Нер» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 2 (831). С. 206–217. EDN: BSBBZO
12. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М. : Книга, 1987. 338 с.
13. Любимова Н. В. Альпийское пространство в художественной литературе немецкоязычной Швейцарии // Германистика 2019: Nove et nova : материалы Второй междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 10–12 апреля 2019 г.) М. : Изд-во МГЛУ, 2019. С. 247–250. EDN: ZDOFNR
14. Артамошкина Л. Е. Феноменология ландшафта: итальянские впечатления В. В. Розанова // Studia Culturae. 2012. № 14. С. 179–194. EDN: RFUCQJ
15. Подорога В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М. : Ad Marginem, 1995. 339 с. EDN: SZFABP
16. Гронский Н. П. Стихи и поэмы. Париж : Парабола, 1936. 214 с.
17. Николаева Е. Г. Швейцарский топос в романе В. В. Набокова «Подвиг» // Русский тревелог XVIII–XX вв. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. С. 393–426. EDN: UEBPFT
18. Абашев В. В. «Русская Швейцария» Михаила Шишкина в контексте путеводительного жанра // Филологический класс. 2016. № 2 (44). С. 60–64. <https://doi.org/10.26710/fk16-02-11>, EDN: WFRUJV
19. Филимонова Е. Н. Образ гор в традиционных представлениях некоторых народов Дальнего Востока // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М. : МАКС Пресс, 2007. Вып. 35. С. 4–21. EDN: UBJMON
20. Янушкевич А. С. «Горная философия» в пространстве русского романтизма (В. А. Жуковский – М. Ю. Лермонтов – Ф. И. Тютчев) // Жуковский и времена : сб. ст. / ред. А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова. Вып. 4. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. С. 133–161. (Русская классика: исследования и материалы). EDN: XFRHNJ
21. Янушкевич А. С. Русская романтическая монталистика 1810–1830-х гг. как имагологический и компаративистский текст // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4). С. 5–19. <https://doi.org/10.17223/24099554/4/1>, EDN: VHNORH
22. Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л. : Художественная литература, 1960. Т. 1. 784 с.
23. Державин Г. Р. Сочинения : в 9 т. СПб. : Изд-во Императорской Академии Наук, 1865. Т. 2. 752 с.
24. Ратников А. Н. Суворовский цикл од в батальной лирике Г. Р. Державина // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 24–39. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-24-39>, EDN: LDQCOW
25. Максимов Е. Н. Образ Христофора Кинокефала (опыт сравнительно-мифологического исследования) // Древний Восток. Сб. 1. Б. м., 1975. С. 76–88.
26. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М. : Молодая гвардия, 2006. 635 с. EDN: QPBRUP
27. Гусли. Сборник духовных песен / сост И. С. Проханов. 3-е изд. Гальбштадт : Радуга, 1911. 517 с.

Поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 01.12.2024; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 01.12.2024; accepted for publication 01.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 461–469

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 461–469

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-461-469>, EDN: UIZDXS

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1 | 19/20 | 27-242

Особенности воплощения Иов-сюжета в русской поэзии второй половины XX – начала XXI вв.

Т. В. Зверева

Удмуртский государственный университет, Россия, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы, tvzver.1968@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

Аннотация. В исследовании поставлен вопрос об исторической динамике темы Иова в русской литературе. Являясь связующим звеном между Ветхим и Новым Заветом, Книга Иова ставит важнейшую для человечества проблему теодицеи – оправданности Божественного миропорядка. В работе особое место уделено философскому эссе Александра Сопровского «О книге Иова», являющемуся программным эстетическим текстом 1970-х гг. В центре исследовательского внимания – стихотворения второй половины XX – XXI вв., в которых переосмыслены основные мотивы Книги Иова (страдание, бунт и примирение). Большинство текстов, о которых говорится в статье, впервые стали предметом развернутого филологического анализа (О. Чухонцев «Пусть те, кого оставил Бог...», А. Кушнер «Другие дети ведь и жёны же не те!...», Б. Кенжеев «Проповедует баловень власти...», Е. Шварц «Стихи о Горе-Злосчастье и бесконечном счастье быть меченой Божьей рукой», Е. Каминский «Иов», С. Стратановский «Иов и Араб», С. Минаков «Про Иова», Г. Русаков «Разговоры с Богом», С. Магид «Теперь меня отпусти, мой Боже...»). Перечисленные поэты принадлежат разным поэтическим школам и разным временам (советская и постсоветская эпохи), но их тексты составляют устойчивое смысловое единство. По мнению автора исследования, все стихотворения можно разделить на две группы. К первой группе относятся тексты, в которых тема Иова соотнесена с темой поэта. Во вторую группу входят произведения, в которых Иов-ситуация осмыслена как общечеловеческая, универсальная.

Ключевые слова: вечные сюжеты, Иов-сюжет, современная поэзия, reception, историческая поэтика

Для цитирования: Зверева Т. В. Особенности воплощения Иов-сюжета в русской поэзии второй половины XX – начала XXI вв. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 461–469. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-461-469>, EDN: UIZDXS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**The peculiarities of the actualization of the story of Job in the Russian poetry
of the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries**

T. V. Zvereva

Udmurt State University, 1 Universitetskaya St., Izhevsk 426034, Russia

Tatyana V. Zvereva, tvzver.1968@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

Abstract. The study raises the question of the historical dynamics of the theme of Job in the Russian poetry of the second half of the 20th – early 21st century. As a link between the Old and New Testaments, the Book of Job poses the most important problem of theodicy for mankind – the justification of the divine world order. A special emphasis is placed on Alexander Soprovsky's philosophical essay "On the Book of Job", a programmatic aesthetic text of the 1970s. The research focuses on the poems of the second half of the 20th – 21st centuries, that reinterpret the main motifs of the Book of Job (suffering, rebellion and reconciliation). Most of the texts mentioned in the article have been the subject of extensive philological analysis for the first time (O. Chukhontsev, "May those whom God has forsaken...", A. Kushner, "Other children and wives are not the same!...", B. Kenzheev, "The darling of power preaches...", E. Schwartz, "Poems about Woe the Woeful and the infinite happiness of being marked by God's hand", E. Kaminsky, "Job", S. Stratanovsky, "Job and the Arab", S. Minakov, "About Job", G. Rusakov, "Conversations with God", S. Magid, "Now let me go, my God..."). The listed poets belong to different poetic schools and different periods (Soviet and post-Soviet), but their texts form a stable semantic unity. According to the author of the study, all the poems can be divided into two groups. The first group includes texts in which the theme of Job is correlated with the theme of the poet. The second group includes works in which Job's situation is understood as being common to humankind and universal.

Keywords: eternal plots, the story of Job, modern poetry, reception, historical poetics

For citation: Zvereva T. V. The peculiarities of the actualization of the story of Job in the Russian poetry of the second half of the 20th – the beginning of the 21st centuries. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 461–469 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-461-469>, EDN: UIZDXS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

«Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек этот непорочен, справедлив и богообязнен и удалялся от зла...»

Иов 1: 1

«За что? Кто судил? Кто мог так рассудить?»
Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы»

Книга Иова – один из немногих ветхозаветных текстов, ставших частью новозаветной истории. По праву считающаяся самым поэтическим и в то же время загадочным текстом Ветхого Завета, эта история обретает особое значение в «смутные», катастрофические времена, когда человек сталкивается с «онтологической неуютностью» мира. Как отметил С. Аверинцев, «лишь кризисы, ознаменовавшие начало и дальнейшее движение Нового времени, раскрыли глаза на глубины, которые таятся в Книге Иова» [1, с. 295].

Еще Ю. Лотман обратил внимание на то, что в отечественной филологии вопрос о рецепции данного сюжета «скорее констатирован, нежели исследован» [2, с. 266]. Действительно, Книга Иова оказала существенное влияние на русскую словесность, начиная с С. Погоцкого и М. Ломоносова. По свидетельству П. Киреевского, Пушкин «учится по-еврейски с намерением перевodить Иова...» [3, с. 91]. В черновиках поэта не было обнаружено следов этого перевода, однако важен зафиксированный Киреевским факт пушкинского внимания к библейской книге. Большинство работ, в которых ставится вопрос о влиянии Книги Иова на русскую литературу, обращено к творчеству Ф. Достоевского, что вполне объяснимо, так как для писателя именно этот ветхозаветный сюжет предопределил человеческую историю: «...новых идей нет, идеи все те же одни, начиная с Иова» [4, т. 16, с. 346]. В начале XX в. к Иов-сюжету обращались такие поэты, как Д. Мережковский, Вяч. Иванов, Вл. Шилейко, М. Волошин, С. Есенин, М. Цветаева и др. Следует также упомянуть вышедшую в начале XX в. книгу Л. Шестова «На весах Иова», оказавшую сильнейшее влияние на религиозно-философскую мысль этого периода. Несмотря на то, что о вопросе о рецепции Книги Иова в русской культуре уже поднимался, на сегодняшний день в отечественном литературоведении имеется только одна монография, касающаяся исторической динамики Иов-сюжета, – «Книга Иова в русской поэзии XVIII – начала XIX вв.» В. Коровина [5]). Как следует из ее названия, разработка заявленной проблемы ограничена

хронологическими рамками: исследование начинается с главы, обращенной к ломоносовской «Оде, выбранной из Иова», и заканчивается анализом стихотворений Федора Глинки. Проблема функционирования Иов-сюжета в русской культуре XX в. также была поставлена в статье Л. Левиной [6], но рамки статьи не позволили автору осветить ее в полной мере, что еще раз указывает на необходимость обобщающего монографического исследования. Отметим, что последние годы отмечены возрастанием интереса к данной теме [7–9].

Задача настоящей работы – рассмотрение интерпретаций ветхозаветного сюжета в современной поэзии (1970–2010 гг.). Хронологические рамки не случайно включают в себя 1970-е гг., они отмечены выходом философского эссе Александра Сопровского «О книге Иова», ставшего и новым витком в разработке темы, и своеобразной творческой теодицей для целого поколения поэтов. Отметим, что Сопровский – один из немногих поэтов советской эпохи, чьи откровения теснейшим образом связаны с экзистенциальным и религиозным опытом:

А мне судьба всегда грозила,
Что дом построен на песке,
Где все, что нажито и мило,
Уже висит на волоске,
И впору сбыться тайной боли,
Сердцебиениям и снам –
Но никогда Господней воли
Размаха не измерить нам [10, с. 73].

Погружаясь в чтение ветхозаветной книги, Сопровский заостряет внимание на том, что Иов в ней «не осуждает, но вопрошает. Он <...> не задается вопросами “почему” и “для чего” – требует только правдивой картины мира. Поэзия беспощадной судьбы разбивается о поэзию благородного недоумения» [10, с. 105]. В соответствии с предложенной в эссе логикой миссия Поэта заключена в вечном взвывании к Творцу, в постановке «последних вопросов». Подлинная поэзия открывает сопричастность тварного мира и человеческих судеб к Божественной воле. Поэт, таким образом, повторяет путь Иова. Размышления Сопровского становятся своеобразной точкой отсчета, именно с них в русской литературе второй половины XX в. начинается воскрешение ветхозаветного сюжета (заметим, что одновременно к Книге Иова обратился Андрей Тарковский, в фильмах которого явлен все тот же поиск духовных опор

в условиях советского времени). К данному сюжету также обращаются О. Чухонцев, А. Кушнер, Б. Кенжеев, Е. Шварц, С. Стратановский, С. Магид, С. Кекова, С. Минаков, Е. Каминский, Г. Русаков. Подчеркнем, что предметом анализа в данной статье являются только те стихотворения, в которых Иов-сюжет эксплицирован. (За пределами рассмотрения остается творчество И. Бродского, поскольку Книга Иова определила не только философскую направленность стихотворений и поэм Бродского, но и во многом повлияла на конструктивные принципы его поэтической системы. Соответственно, эта тема лежит в области отдельного монографического исследования.)

Вслед за Сопровским в русской словесности Книга Иова часто соотнесена с темой поэта. Так, в одном из программных для Олега Чухонцева стихотворений «Пусть те, кого оставил Бог...» поэт находится среди «гонимых» – тех, кто обречен на бездомное существование. Однако изгнанничество поэта из мира «пыхающих в гордыне» обусловлено его избранностью, возлюбленностью Богом. Чухонцев прочерчивает не согласующуюся с привычными земными законами «обратную» логику, в соответствии с которой спасение обретается не на путях стяжания, а на путях «недоли»:

кто нищ, бездомен и гоним,
он, прах, гребущий по дорогам,
как Иов, не оставлен Богом,
но ревностно возлюблен им [11, с. 187].

Напротив, компромисс с «сильными мира сего» («цветущими», «гребущими лопатой», «берущими за семерых») не оставляет шансов на возрождение. Авторский голос открыто декларативен, что подчеркнуто доминированием глаголов изъявительного наклонения в сочетании с частицей «пусть» («пускай»). Стихотворение написано в середине 1970-х гг., в нем ощутим пафос открытого противостояния советской системе с ее конформизмом и глухотой к вечным истинам («...пускай в Совете многодумном / на них и шапки не горят...»).

Тема поэта в ее соотнесенности с Иов-сюжетом прослеживается и в творчестве Елены Шварц, поэта ленинградского андеграунда. «Из всех людей больше всех меня восхищают: Моисей, Иов, Франциск Ассизский», – писала она в одной из своих заметок. Наиболее последовательно Иов-сюжет воплощен в «Стихах о Горе-Злосчасти и бесконечном счастье быть меченой Божьей рукой». Название стихотво-

рения отсылает читателя к «Повести о Горе и Злочастии» (полное название «Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин»), одному из первых русских текстов XVII в., напрямую перекликающихся с проблематикой Книги Иова. Шварц разворачивает метафору жертвенного поэтического огня, который испепеляет ее лирическую героиню («А теперь я сделала головней...»). Горе говорит сквозь поэта так, как когда-то оно говорило через Иова:

Иов не сам говорил,
Горе его говорило.
Горе Богу под стать,
С горем у них союз.
Может с Ним говорить.
Все любимое отнял,
Да и нужное все забрал.
Горько смеялся Бог
И шутя крест на лбу
Пальцем в саже
Чертил, стирал... [12, с. 184].

Сам же Иов является лоном/чревом для тех, кто терзает его тело и говорит через него:

Крошкой, Йовёнком-крошкой
В Иове большом как в матрешке,
О сколько же нас в нем!
От века мы говорили в нем,
Терзали болью своей как огнем... [12, с. 185].

В соответствии с авторской логикой, горе – метка Творца, необходимое условие как для горения поэтического огня, так и для духовного спасения. Для понимания данного текста важен его эпиграф, восходящий к поэме Г. М. Хопкинса «Крушение Германии» («...to breathe in all-fire glances»). Поэма Хопкинса посвящена «Блаженной памяти пяти францисканских монахинь, изгнанных по законам Фалька, утонувших между полночью и утром 7 декабря 1875 г.». Из морской пучины звучат голоса прославляющих Бога монахинь. Голос лирической героини Шварц рвется и из чрева Иова, и присоединяется к хору, звучащему из морской бездны. Возникающий в тексте мотив de Profundis сопряжен с темой поэзии, так как поэзия по своей сути – всегда взвывание к Богу из глубины, с последней грани отчаяния (отсюда парадоксальный завет Н. Пунина Анне Ахматовой «Не теряйте своего отчаяния»).

Еще один смысловой аспект Иов-сюжета развернут в стихотворении Бахыта Кенжеева «Проповедует баловень власти...» Автору, как и читателю, хорошо известен «сентиментальный

конец» ветхозаветной истории («...прослезится Всесильный, вернет Он // и верблюдов ему, и овец» [13, с. 320]) и, главное, понятна бессмысленность человеческого бунта против Творения («...знаем мы – зря бунтующий житель // так ярится на участь свою» [13, с. 320]). Иов услышан, ему возвращено отнятое, но разговор неожиданно переведен в иную смысловую плоскость – авторская рефлексия связана не столько с сами героями, у которых «все пройдет, все пойдет, как по нотам», сколько с «Адамовыми внуками», в чьих руках находится Книга Иов

Но листающий книгу Иова

Словно жидкое олово пьет [13, с. 320].

Чтение Книги сродни утрате невинности и изгнанию из сада. Стихотворение начинается с вложенной в уста «витии» проповеди счастья, однако почти сразу мажорная тональность сменяется на противоположную («смертный», «беспокоишишься», «плачешь», «старческой», «мышьяком», «прокаженный», «печальны», «тоски»). Для понимания авторского замысла значимо, что в финальных строках возникает тема утраты голоса, которая чрезвычайно важна для ветхозаветной книги (не случайно Иов и его друзья проводят в молчании семь дней). Вместе с тем, лишив Иова всего, Вседержитель оставляет ему голос; и этот Голос-Слово-Логос становится той спасительной нитью, которая соединяет «человека с земли Уц» с небом. Испивший же «жидкого олова» обречен на немоту. Символична присущая Кенжеевскому тексту «косноязычность» (неточные рифмы, диссонансы, обилие резких синтаксических переносов). Затрудненность поэтической речи знаменует потерю авторской власти над словом. Кенжеев воспроизводит образ обожженного «жидким оловом» Слова, однако именно в финальных строках происходит прорыв в область поэтического – «затрудненность» стиха сменяется точными рифмами, диссонансы уступают место ассонансам (о-ли-ни-ио-ло-но-о-оло-о). Поэтическое Слово рвется из обожженной гортани (подобное понимание творчества отчасти восходит к Мандельштаму, для которого тема затрудненной поэтической речи является едва ли не определяющей).

Сопряжение Книги Иова с темой поэта происходит и у Евгения Каминского, поэта, пришедшего в российскую словесность в 2010-е гг. Его поэтический цикл «Иов» состоит из пяти частей, при этом в первых трех стихотворениях

автор профанирует библейский сюжет. Цикл начинается с размышлений жены Иова, в которых предельно обнажена логика повседневности:

Может, могла бы о многом,
но не могу о другом:
сколь еще быть под Богом?
быть под Его сапогом?

Это когда вам ни воли,
ни пикника у реки,
только знакомый до боли
путь в небеса напрямки [14].

Друзья Иова дают неутешительные советы и призывают к предательству («Уж лучше быть Иудой, // чем заживо тут гнить»), однако вопреки этим советам герой Каминского продолжает свою тяжбу с Богом:

Я бьюсь, а ты словно не видишь,
молю, а ты глух, как к врагу.
Тебе бы хотелось на идиш?
А я лишь по-русски могу [14].

Если третье стихотворение цикла «Стоны Иова» заключает в себе цепь риторических вопросов, остающихся без ответа, то в завершающем цикл «Смирении Иова» герой наделен атрибутами поэта – «бумагой» и «чернилами»:

И смерть не могла свое жало
вонзить, ведь, покуда ты гнил,
в тебе это жгло и дышало,
бумагу прося и чернил [14].

По Каминскому, миссия поэта сводится к его растворению в бытии («Тем легче с финалом смириться, // чем меньше в тебе от тебя», «Еще раствориться осталось // во всем, чем дышал здесь Творец»), в достижении предела, где «Я» уступает место Творению (показательно, что в последнем стихотворении личное местоимение «Я» отсутствует). Таким образом, структура лирического цикла Каминского повторяет структуру Книги Иова: от отчаяния – к осознанию того, что «прекрасный сценарий» жизни несбыточен, и человеку остается пройти путь, уготованный Творцом.

Тема Иова неreprезентативна для поэзии Светланы Кековой, поскольку в основании ее творчества лежит редкая для русской словесности идея благовения перед созданным Творцом миром, однако Иов-ситуация предстает как частный случай более общей ситуации предстояния. Ветхозаветная и новозаветная образность соединяются в стихотворении «Обвинитель, мой страж и гонитель...», где автор напрямую обращается к имени Иова.

Обвинитель мой, страж и гонитель
молча держит ножа рукоять.
Помоги мне, мой ангел-хранитель,
помоги на ногах устоять.
.....
Что в крови растворяется? Слово.
Что в ночи истребляется? Свет.
Мы с тобою, как в Книге Иова,
перед Господом держим ответ... [15].

Тема Последнего Суда представлена и как универсальная (отсюда венчающая данный текст субъектная форма «мы»), и как собственно поэтическая. Второе представляется особенно значимым, так как стихотворение примыкает к ряду важнейших для русской литературы произведений, ставящих вопрос об ответственности Художника и цене его Слова. Ситуация предстояния в лирике Кековой выступает как онтологическая, бытийственная – от Авраама (на Авраам-сюжет указывает «ножа рукоять») до «держащего ответ» Иова и незримо присутствующего Христа (Слово-Свет и Слово-кровь восходят к христианскому сюжету об искупительной жертве). В этом же аспекте тема Иова развернута в цикле «Иней Рождества», где имя ветхозаветного героя упомянуто дважды. Обращаясь к Книге Иова, Кекова почти дословно цитирует ответ Господа «из бури»:

Как морю сказал Господь:
«Здесь предел
надменным волнам твоим»,
так человеку сказал Господь:
«Есть предел у души твоей» [16].

Господь-Художник предъявляет человеку грандиозность Творения. Поэт не может соперничать с этим замыслом, поскольку сам является лишь его частью – лирической героине/Пенелопе остается плести текст собственной судьбы, дудочкой/флейтой воспевая Божественное Творение (подробный анализ «Инея Рождества», в том числе и в контексте заявленной темы, представлен в исследовании Н. Медведевой [17]).

Если в творчестве вышеперечисленных поэтов Книга Иова соотнесена в первую очередь с темой поэтического Слова, то у А. Кушнера, С. Стратановского, С. Минакова, Г. Русакова и С. Магида Иов-сюжет осмыслен, прежде всего, как общечеловеческий.

В стихотворении «Другие дети ведь и жены же не те!..» Александр Кушнер вглядывается в возвращенные Вседержителем благословенные дни Иова, пытаясь ответить на вопрос, про-

звучавший когда-то в романе Ф. Достоевского «Подросток»: «И Иов многострадальный, глядя на новых своих детушек, утешался, а забыл ли прежних, и мог ли забыть – невозможно сие!» [4, т. 13, с. 330]. Важнейший для творчества Кушнера «оптический сюжет» реализован через метафору очков и слепоты. Зрение престарелого Иова не способно различить не только «нынешнее» и «прежнее», но и «стада» и «детей»:

Другие дети ведь и жены же не те!
Но Иов разницы не замечает, бедный.
Ему б очки твои, но их еще нигде
Нельзя достать. Увы, наш друг ветхозаветный
На чада кроткия глядит, как на стада [18, с. 168].

Дважды повторенное авторское восклицание («Другие дети ведь и жены же не те!») не услышано Иовым, как не увидена им разница между прошлым и настоящим. Универсальность воспроизведенного в стихотворении сюжета, его общечеловеческий характер подчеркнут глаголами настоящего времени, благодаря чему событие получает статус вневременного. На первый взгляд, говорчивость кушнеровского героя с Творцом обусловлена забвением прошлого. Однако прошлое все же предъявляет свои права на настоящее – рисуемая автором идиллия подточена «тоской» и «возмущением», не находящими выхода вовне, но являющимися знаками смутил памяти. Обращение к библейскому сюжету становится для Кушнера поводом для разговора о существе веры. Его подследоватый Иов разрушает привычные представления о должном, здравый смысл уступает место блаженной слепоте, являющейся аналогом подлинной веры: очевидный мир вытеснен за пределы зрения, Иову не нужны очки, через которые он мог бы увидеть настоящее положение вещей. Кушнеровский герой обретает ту Вечность, где различий между «до» и «после» не существует.

Книга Иова – едва ли не самая значимая для творчества Сергея Стратановского. В основании большинства его текстов лежит архетипический сюжет, который можно обозначить как «встречу человека с Богом», оказывающейся, по существу, «встречей с реальностью»:

Бог говорил Иову:
«Слишком тебя я берег:
И от напастей берег
И от туманных дорог,
Где без лица и ног
Шляется лишь Ничто.
И вот задул из пустыни
ветер скорби великой

И время настало узнать
Кто ты есть перед Богом» [19, с. 18].

Поскольку реальность непостижима, то предстояние перед ней катастрофично, при этом сюжет испытания у Стратановского – это еще и встреча человека с самим собой – только отношения с Богом определяют глубину человеческой личности, и ответ на вопрос «Кто ты есть перед Богом?» тождественен ответу на вопрос «Что есть человек?».

В едва ли не программном стихотворении «Иов и араб» Стратановский обращается к судьбам двух героев – ветхозаветного Иова и коранического араба (Узайра), которые пережили сходный онтологический опыт (обоих Бог испытывает, оба ропщут на Бога, обоим возвращается то, что было отнято). Внимание автора в большей степени приковано к Иову (не случайно в названии стихотворения его имя упомянуто первым, а имя Узайра так и не будет названо). Встреча двух разделенных временем и пространством героев и определяет событийность данного текста. Араб приходит в «счастливый шатер» Иова, чтобы разрешить собственные сомнения, и затевает словесную тяжбу в надежде понять, почему в его жизнь не может вернуться прежнее счастье, которое, как ему кажется, в полной мере возвращено Иову.

Араб:
Человек несчастливый
 в счастливый шатер твой
Я пришел к тебе, Иов,
 желая понять, почему
Моя новая жизнь, жизнь вторая,
 словно яма от рая,
 с жизнью твоей разнится [19, с. 19].

В соответствии с кораническим сказанием Бог усыпал ропущущего Узайра на сто лет, а затем пробудил его. Однако Стратановский говорит о невозможности воскрешения – в изменившемся, уже навсегда Другом мире прежнему человеку нет места. Исчезновение Былого, невозможность его обретения и составляют сущность трагической коллизии. В свою очередь, трагедия Иова связана с «невозможностью прежнего счастья» – пережив утраты, сам человек становится Другим. Стихотворение строится на со-противопоставлении библейского и коранического сюжетов. Араб мечтает о возвращении прошлого, в то время как Иов по-прежнему ищет правды. Пережив «встречу с реальностью», Иов обретает новое зрение, но при этом по-прежнему вопрошают Бога:

Но мои сыновья... Их за что же?
Пусть я в чем-то виновен,
но их-то вина, в чем? [19, с. 20].

Четырежды повторенный один и тот же риторический вопрос («Их-то было зачем?», «Так зачем же...», «Их за что же?», «...но их-то вина, в чем?»), как и полагается, остается без ответа. В отличие от араба, взгляд которого направлен в прошлое, Иов мыслит будущим:

Не желай возвращенья
Попробуй по-новому жить [19, с. 20].

Именно эта надежда на будущее оказывается спасительной у Стратановского, катастрофический опыт приводит к рождению нового человека, которому Богом дана возможность прожить еще одну, Другую жизнь. Как писал в своем эссе об Иове А. Сопровский, «в неисчерпаемости живой жизни – ее тайна и величие Промысла, совершающегося в ней» [10, с. 89]. Отметим также, что идея будущей жизни будет провозглашена в Евангелии, т.е. Иов Стратановского стоит у истоков новой религии.

Следует, однако, отметить, что у Стратановского Иов так и останется не до конца смирившимся героем. Так, фигура задумавшегося Иова венчает стихотворение «В день Рождества – там, на небе...»:

Славят Бога, ликуя,
Соломон, Моисей, Авраам,
И Давид, то танцуя,
 То на цитре небесной играя,
Представляет Творенье...
 Радостно всем на пиру,
 И только Иов задумался... [20, с. 21].

Стихотворение «Про Иова» Станислава Минакова максимально приближено к тексту ветхозаветной книги, почти буквально воспроизводит ее поэтику, основанную на многочисленных повторах:

1. И тогда Саваоф говорит:
Я не слышу, что он говорит.
Погодите, пусть он говорит...
2. Все затихли, а он говорит... [21, с. 59].

По своему смысловому построению данный текст тяготеет к фрагменту. Минаков начинает стихотворение как бы с середины фразы («И тогда Саваоф говорит...»), оставляя за пределами текста предысторию. В этом аспекте можно говорить о связи данного стихотворения с «Одой, выбранной из Иова» Ломоносова, в обоих случаях речь идет о «выбранности» или фрагментарности текста.

Минаков прибегает к драматической форме (текст является собой обмен репликами между героями), соответственно, в стихотворении отсутствует авторское слово как слово посредническое. Как уже было сказано выше, стихотворение почти дословно воспроизводит текст оригинала, однако при этом смысл ветхозаветной истории трансформирован автором. Иов готов принять смерть, но прежде чем умереть и уйти от зоркого ока Творца («Кого нету – не можешь иметь / Даже Ты, даже Ты, даже Ты...»), Иов все же желает получить ответ на главный вопрос:

8. Но скажи, где же дети мои,
Где верблюды и овцы мои? [21, с. 59].

Символично, что этот вопрос расположен в композиционном центре стихотворения (8 строфа из 16). Как известно, в Книге Иова Бог не столько отвечает, сколько предъявляет Иову свое Творение, законы которого последний должен понять и принять, подчинившись внешней силе. «Роль катарсиса здесь играет покаяние Иова перед Богом, когда Иов признает свою неспособность судить о Боге по человеческим меркам, признает, что Бог действует в ином измерении, не укладывающемся в человеческое понимание. Тем самым покаяние Иова – это и есть постижение Бога, возникающее как преодоление понимания» [22, с. 48]. Стихотворение Станислава Минакова – одно из немногих (если не единственное), где Иов получает ответ:

10. Твои дети, стада – у меня.
Не пекись, не печалься о них.
Я забрал их от здешних корыт,
11. Чтобы скрыть во чертогах иных [21, с. 59].

Чрезвычайно важно, что Саваоф дает ответ, который невозможен внутри Ветхого Завета. Ни Иову, ни его окружению неведомо бессмертие, человеческие судьбы исполняются в земном мире (Ветхому Завету знакома только идея прижизненного воздаяния). Указывая Иову на «чертоги», Саваоф говорит о Вечной жизни и воздаянии в Вечности. Тяжба Иова и Саваофа преодолена не только вследствие того, что первому явилось величие Творения, но и потому, что Иову отныне дано знание о том, что его сыновья живы. Таким образом, смысловой вектор в данном стихотворении может быть означен как движение от Ветхого Завета к Новому. Последние слова увидевшего Бога Иова («А теперь я увидел Тебя») – поэтическое свидетельство об «откровенной» евангельской истине.

В совершенно иной смысловой плоскости разговор о Книге Иова ведется у Геннадия Русакова и Сергея Магида.

«Разговоры с богом» Геннадия Русакова – поэтический цикл, занимающий совершенно особое место в русской литературе. Точнее, можно говорить о выходе за пределы литературы, поскольку эстетические функции здесь вторичны, поэт оставляет свое поприще и обрачивается новым Иовым, отказывающимся верить в благость сотворенного Богом мира. В «Разговорах с богом» наблюдается почти полное отождествление автора с лирическим героем, что также свидетельствует о преодолении эстетической границы и переходе к «прямому» высказыванию. Важно также, что в данном поэтическом цикле обнажен биографический сюжет – Русаков требует ответа за страдания близкого (цикл посвящен ушедшей жене – поэту Людмиле Копыловой):

Не смирусь, не отдам, не прощу!
Покажись – я в лицо твое гляну!
На хребте к тебе камень втащу,
растягя твою скудную манну! [23, с. 189].

Слово «Бог» Русаков пишет с маленькой буквы, и это низведение Творца значимо. Подобный накал авторской мысли почти неведом современной словесности – не удовлетворяясь разговором ветхозаветного Бога с Иовым, лирический герой Русакова пишет бесконечные «письма» в небо, сознавая, что это, выражаясь словами Бродского, «почта в один конец»:

Вот я, сочась слезами и слюной,
как Иов, жду у твоего порога.
Неужто ты, владыка, и со мной
опять начнешь свое – про носорога?
Про мощь твою?
Про то, как входишь в раж –
моря врасхлыст и в тряске твердь земная?
А ни к чему мне, господи, кураж:
я без того твою десницу знаю [23, с. 283].

Как точно отметила О. Лебедушкина, «тема русаковских «Разговоров с богом» – оправданное бесстыдство страдания» [24]. И все же есть черта, перед которой лирический герой Русакова останавливается, и этой чертой является сам Бог. Реальность Творца слишком очевидна в данном цикле, богооброчество парадоксальным образом обрачивается очередным поэтическим свидетельством бытия Божьего. Как и Иов, лирический герой Русакова не в состоянии смириться с миропорядком и, по существу, повторяет слова, сказанные когда-то Иваном

Карамазовым: «Я не бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [4, т. 14, с. 214].

В этом же смысловом ключе написано стихотворение Сергея Магида «Теперь меня отпусти, мой Боже...». Через весь текст рефреном проходит мольба лирического героя об отпущении из земной юдоли/неволи в Вечность, не знающую различий между «направо» и «налево», «здесь», «сейчас» и «никогда»:

Так отпусти Ты меня на волю
вместе с рабою Твоей, рябою
душой туда,
где нет ни здесь, ни сейчас, ни возле,
где есть лишь то, что бывает после
и никогда,

где путь налево и путь направо –
все это, в сущности, переправа
в один конец,
где шум и гам большой перемены,
где вечная пятница после смены,
где жив отец [25].

Просьба об отпущении одновременно становится просьбой о смерти, об избавлении от земной боли. Важно, что лирический герой настаивает на своей «малости» («Я, в общем, маленький человечек») и пытается отречься от судьбы Иова («Я ведь не Иов»). Однако декларируемый Магидом отказ от тяжбы сам по себе не означает выхода из игры. Богу всегда нужно больше, нежели человек способен отдать, отсюда единственный звучащий в тексте вопрос, впрочем, остающийся без ответа: «Что же еще Тебе, Боже, надо?» Вырваться из тисков «зубной боли» у лирического героя возможности нет. Онтологический опыт Сергея Магида сведен с опытом И. Бродского, у обоих поэтов человек является «испытателем боли».

Таким образом, Иов-сюжет один из важнейших сюжетов в современной русской поэзии. Безусловно, отобранные для настоящего исследования стихотворения являются лишь частью обширного корпуса произведений, в которых авторы обращаются к Книге Иова. Поэтическое переосмысление ключевой для человечества Книги Иова не только выявляет движение «вечного сюжета» во времени культуры, но и формирует новые смысловые связи внутри библейского текста. В отличие от богословского комментария, «поэтический

комментарий» не может до конца претендовать на раскрытие «последних смыслов», но именно поэзия является необходимой ступенью к миру невидимого, т.е. приближением к той таинственной черте, на которой происходит встреча человека с Богом.

Список литературы

1. История всемирной литературы : в 8 т. М. : Наука, 1983–1994. Т. 1. 584 с.
2. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т 2: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. Таллинн : Александра, 1992. 478 с.
3. Киреевский П. В. Полн. собр. соч. : в 4 т. Калуга : Гриф, 2006. Т. 3. 488 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
5. Коровин В. Л. Книга Иова в русской поэзии XVIII – начала XIX вв. М. : Водолей, 2017. 208 с.
6. Левина Л. А. «Новый Иов» в творчестве Ф. М. Достоевского и в русской культуре XX века // Достоевский: Материалы и исследования. СПб. : Наука, 1994. № 11. С. 204–220.
7. Татаринов А. В., Рысухин В. С. «Сюжет Иова» в современной русской прозе // Наука. Образование. Современность. 2024. № 3. С. 26–31. <https://doi.org/10.24412/2658-7335-2024-3-8>, EDN: TJHCZQ
8. Баршт К. А. Библейская «Книга Иова» и «Иов многострадальный» А. М. Бухарева в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Новый филологический вестник. 2022. № 3. С. 180–201. <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-3-180>, EDN: RQFNJE
9. Адешивили А. Д., Клеменова Е. Н. Метафорическая модель книги Иова в русской литературе 19 в. // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Филология. 2021. Т. 136, № 3. С. 114–128. <https://doi.org/10.32523/2616-7174-2021-136-3-114-128>, EDN: OPFSIU
10. Сопровский А. Правота поэта. Стихотворения и статьи. М. : Ваш Выбор ЦИРЗ, 1997. 240 с.
11. Чухонцев С. И звук и отзвук: Из разных книг. М. : Рутения, 2019. 600 с.
12. Шварц Е. Избранные стихотворения. СПб. : Вита Нова, 2013. 240 с.
13. Кенжесев Б. Послания. М. : Время, 2011. 640 с.
14. Каминский Е. Иов // Урал. 2016. № 11. URL: <http://uraljournal.ru/work-2016-11-1594?ysclid=mfzjgj43x367173638> (дата обращения: 08.02.2025).
15. Кекова С. Песочные часы. М. ; СПб. : Atheneum ; Феникс, 1995. 95 с. URL: <https://vavilon.ru/texts/kekova1-1.html> (дата обращения: 14.02.2025).

16. Кекова С. Иней Рождества // Знамя. 2000. № 1. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=100> (дата обращения: 20.02.2025).
17. Медведева Н. Г. «Она и музыка и слово...»: поэтика стихотворного цикла Светланы Кековой «Иней Рождества» // Кормановские чтения. Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 2011. Вып. 10. С. 8–20. EDN: WNRLGF
18. Кушнер А. Таврический сад. Избранное. М. : Время, 2008. 526 с.
19. Стратановский С. Иов и араб. Книга стихотворений. СПб. : Пушкинский фонд, 2013. 32 с.
20. Стратановский С. Смоковница. Стихи разных лет. СПб. : Пушкинский фонд, 2010. 64 с.
21. Минаков С. Руслаим. Стихи разных лет. СПб. : Алетейя, 2024. 318 с.
22. Мусхелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Иов-ситуация: искушение абсурдом // Философская и социологическая мысль. 1991. № 8. С. 41–53.
23. Русаков Г. Избранное. М. : Время, 2008. 480 с.
24. Лебедушкина О. «Часть пространства, которая занята Богом...» // Дружба народов. 2002. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2002/5/chast-prostranstva-kotoraya-zanyata-bogom.htm> (дата обращения: 15.02.2025).
25. Магид С. Стихи. URL: <https://vavilon.ru/textonly/issue9/magid.html> (дата обращения: 04.02.2025).

Поступила в редакцию 17.03.2025; одобрена после рецензирования 06.04.2025; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted 17.03.2025; approved after reviewing 06.04.2025; accepted for publication 01.09.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 470–475

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 470–475

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-470-475>, EDN: UJKULO

Научная статья

УДК 004:398

Проблемы изучения интернет-фольклора в России

А. В. Антышев

Марийский государственный университет, Россия, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1

Антышев Алексей Викторович, аспирант кафедры русского языка, литературы и журналистики, sheremetievaleksey@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-4178-0914>

Аннотация. Развитие цифровой культуры и появление новых форм народного творчества, активно распространяющихся в интернете, ставят перед фольклористикой новые исследовательские задачи. Традиционные методы анализа фольклора не всегда применимы к цифровым артефактам, что требует пересмотра методологических подходов и адаптации существующих теоретических моделей. Цель исследования – выявить основные проблемы, связанные с изучением интернет-фольклора в российском научном сообществе, а также определить теоретические и методологические трудности, возникающие в процессе анализа этого феномена. В ходе исследования выявлены три ключевые проблемы. Во-первых, вопрос о сущности интернет-фольклора: является ли он продолжением традиционных форм или представляет собой качественно новое явление, порожденное цифровой эпохой, в которой изменились способы создания, распространения и восприятия фольклорных текстов. Во-вторых, проблема контекста: при переходе в цифровую среду фольклорные произведения утрачивают связь с исходной культурной средой, что усложняет их интерпретацию и требует новых аналитических подходов. В-третьих, методологические сложности: классические методы фольклористики оказываются недостаточными для анализа цифровых артефактов, что требует разработки новых исследовательских инструментов и интеграции методов из смежных дисциплин. Кроме того, интернет-фольклор, включая мемы, видеоролики и другие формы цифрового народного творчества, обладает гибридной природой, сочетая устные, письменные и визуальные черты коммуникации. Это обстоятельство требует пересмотра традиционных теоретических подходов и разработки комплексной методологии. В заключение подчеркивается необходимость междисциплинарного подхода, активного взаимодействия различных областей знаний и дальнейшего развития методологической базы для изучения динамичного и постоянно меняющегося интернет-фольклора.

Ключевые слова: фольклор, сетевой фольклор, интернет-фольклор, проблемы изучения

Для цитирования: Антышев А. В. Проблемы изучения интернет-фольклора в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 470–475. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-470-475>, EDN: UJKULO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The issues of studying Internet folklore in Russia

A. V. Antyshev

Mari State University, 1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russia

Aleksey V. Antyshev, sheremetievaleksey@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-4178-0914>

Abstract. The rise of digital culture and the proliferation of new forms of folk creativity on the internet present new research challenges for contemporary folkloristics. Traditional methods of folklore analysis often prove inadequate for studying digital artefacts, necessitating a reassessment of existing methodological frameworks and an adjustment of the existing theoretical models. This article explores the key issues that the Russian scientific community is facing concerning the study of internet folklore, with a particular focus on the theoretical and methodological difficulties that arise in the analysis of this phenomenon. The study identifies three central challenges. Firstly, the problem of classification: should internet folklore be seen as an extension of traditional forms, or does it constitute a distinct new phenomenon triggered by the digital era which has changed the ways of creating, distributing and perceiving folklore texts? Secondly, the issue of contextualization: as folklore migrates into the digital realm, it becomes detached from its original cultural environment, which complicates interpretation and requires new analytical approaches. Thirdly, methodological limitations: conventional folkloristic approaches are often insufficient for analyzing digital artefacts, highlighting the necessity to develop new research tools and integrate methods from cognate disciplines. Furthermore, internet folklore, including memes, videos and other digital expressions of folk culture – exhibits a hybrid nature, blending elements of oral, written and visual communication. This hybridity calls for a reconsideration of established theoretical models and for the development of a comprehensive methodology. The article concludes by underscoring the necessity of an interdisciplinary approach, active interaction of different spheres of knowledge and the continued development of methodological frameworks to better account for the dynamic and rapidly evolving nature of internet folklore.

Keywords: folklore, network folklore, internet folklore, research issues

For citation: Antyshev A. V. The issues of studying Internet folklore in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 470–475 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-470-475>, EDN: UJKULO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Изучение все новых явлений народной культуры, в частности городской культуры, вызвало существенный кризис фольклорной мысли в 1990-е гг. Было очевидно, что границы предмета растворялись с пугающей быстротой. В 1995 г. С. Ю. Неклюдов озвучивает эти мысли и формулирует концепцию постфольклора. Автор указывает, что необходимо отделить традиционный фольклор от городского, фольклора нового времени. Ведь используя термин «фольклор», мы подразумеваем фольклор в классическом его понимании, однако новые явления можно связать с фольклором только по отдельным признакам или схожести формы. «Многие тематические и стилистические совпадения объясняются не прямым родством, а конвергентным приобретением сходных признаков или же порождены некоторыми архетипами и универсалиями общественного сознания» [1, с. 2].

В дальнейшем исследователи попытались определить, какие именно черты традиционного фольклора могут сохраняться в новых формах коммуникации. Так, годом позже, в 1996 г., Х. Бар-Ицхак и Л. Фиалкова, опрашивая участников цифрового бюллетеня, посвященного страшным историям и городским легендам, заметили, что характер общения участников сочетает в себе черты как устной, так и письменной речи. Эмоциональность подчеркивается прикреплением к тексту изображений, а моментальная скорость ответа по сети позволяет общаться в реальном времени, как при живом общении. Авторы отмечают, что информанты делятся «страшилками» не только в Сети, но и в реальности. Истории часто связаны с устной традицией как таковой или с личным опытом рассказчика (писателя), что характерно для фольклора [2].

Если в 1990-е гг. исследователи лишь фиксировали появление новых фольклорных форм и их сходство с традиционными моделями общения, то в последующие десятилетия стало очевидно, что интернет-фольклор обладает собственной системой жанров, способов распространения и взаимодействия с аудиторией. В. П. Рукомойникова подчеркивает, что Всемирная сеть не просто трансформирует устную традицию, но становится самостоятельной средой, в которой формируется новая, цифровая фольклорная культура [3].

Причисляя виртуальное творчество к фольклору, исследователи обращают внимание на

его двойственную природу: с одной стороны, усиливается индивидуально-авторское начало, обусловленное влиянием массовой культуры и литературы, с другой – сохраняются традиционные фольклорные черты, такие как вариативность, полифункциональность и с творчество. Электронная среда при этом выступает в роли посредника, создавая условия для формирования новых коллективных традиций. Таким образом, интернет-фольклор можно рассматривать как один из ключевых примеров постфольклора, который не просто заимствует отдельные черты традиционного фольклора, но и порождает новые формы художественного народного творчества.

Таким образом, к началу ХХI в. исследователи пришли к пониманию того, что интернет-фольклор занимает особое место в современной культуре, сочетая в себе как традиционные фольклорные черты, так и элементы индивидуального и массового творчества. Однако его изучение столкнулось с новой проблемой: можно ли вообще считать его фольклором в классическом смысле? Одна из первых дискуссий по этому вопросу развернулась на круглом столе в апреле 2007 г., где обозначились два противоположных взгляда на феномен сетевого фольклора [4]. Одни утверждали, что фольклор в интернете не является настоящим фольклором, скорее, это «пост-фольклор» или даже «фальш-фольклор», поскольку сетевое пространство утратило традиционные формы передачи и бытования народного творчества. Другие, напротив, считали сетевой фольклор естественным этапом эволюции народной культуры, которая прошла путь от устной формы к письменной, а теперь к цифровой. Текущей задачей исследований нового времени для этой группы должно было стать изучение любых явлений неспециализированного творчества в сети.

Однако, на наш взгляд, правы в своих аргументах сторонники обеих позиций. Как отмечает М. Д. Алексеевский, разница в подходах объясняется расстановкой акцентов: одни исследователи сосредоточены на том, как традиционные формы фольклора адаптируются к интернет-среде, другие же ищут уникальные формы творчества, которые возникают исключительно в цифровом пространстве [5]. Для науки о фольклоре важно не исключать какой-либо из этих подходов, а рассматривать их параллельно. При этом необходимо четко определять границы изучаемого материала, различая адаптированные

традиции и новые явления. Однако на практике этого принципа придерживаются далеко не все исследователи, что порождает методологическую путаницу и затрудняет дальнейшее развитие фольклористики.

Итак, существуют две исследовательские позиции относительно природы и сущности фольклора в Сети: «фольклор в интернете» и «интернет-фольклор». Какие именно проблемы в изучении этого феномена интересуют представителей каждой из групп?

Важной проблемой для исследователей, изучающих традиционный фольклор в интернете, является проблема контекста. Фольклорные произведения, перенесенные в цифровую среду, утрачивают или изменяют свое первоначальное культурное, социальное и ритуальное окружение. Это затрудняет понимание их изначального значения и функций. В интернете фольклорные тексты изымаются из их природной среды и превращаются в обособленные элементы информации. Они могут распространяться среди людей, которые не знают или не понимают их изначального контекста.

Традиционная песня, помещенная в Сеть, может восприниматься как развлекательный контент, а не как часть обрядовой практики. Приметы или пословицы, вырванные из своего культурного контекста, могут потерять оригинальный смысл и стать объектом иронии или неверной интерпретации. Т. И. Суслова отмечает, что традиции больше не воспринимаются как неотъемлемая часть жизни и превратились в культурные артефакты [6]. Разнообразие культур и жизненных моделей привело к тому, что традиции начали искусственно создаваться и адаптироваться для нужд общества и политических процессов.

Исследователи все же могут обнаружить в интернете традиционные фольклорные артефакты, однако это требует соблюдения определенных условий. По мнению В. М. Розина, для возобновления культуры в форме фольклора необходимы три ключевых фактора: наличие коллективного творчества и общения, формирование концептуальных представлений и создание дискурсов, связанных с фольклором [7]. Исследуя, например, феномен «албанского» языка, Розин приходит к выводу, что этот случай представляет собой проявление фольклора внутри элитарной группы. В этом контексте интернет становится вызовом для устоявшихся теоретических подходов, постоянно проверяя их

актуальность. При столкновении с фольклорными артефактами исследователь должен четко определить, что он изучает: привычную форму традиционного фольклора или новое явление, которое лишь частично связано с прежними традициями.

Однако поиск фольклорного материала в интернете отличается от классических полевых исследований. Д. А. Радченко пишет, что ученые, работая с поисковыми системами при исследовании фольклорных текстов в интернете, сталкиваются с несколькими серьезными трудностями [8]. Алгоритмы ранжирования страниц в разных системах опираются на различные критерии: популярность (количество посетителей) или влиятельность (число ссылок). Это может приводить к выбору нерелевантных источников. Кроме того, автоматизированная статистика поисковиков часто оказывается нестабильной: повторные запросы могут давать разные результаты, что требует дополнительной проверки. Еще одной проблемой является разрыв между популярностью сайта и его реальной ролью в распространении текстов: посещаемый ресурс может быть мало связан с фольклорной темой, а важные тексты часто остаются невидимыми в поисковых системах. Значительная часть информации в интернете недоступна для анализа из-за ограничений на доступ к закрытым платформам или платным ресурсам. Сложности интерпретации данных усугубляются различиями в подходах поисковых систем к предоставлению информации: одни фиксируют интерес к текстам, другие – частоту их воспроизведения.

Проблемы, с которыми сталкиваются исследователи фольклорных текстов в интернете, актуальны, например, при анализе поисковых запросов, связанных с толкованием сновидений. В отличие от традиционного сбора устных свидетельств, исследование интернет-запросов требует учета специфики поисковых алгоритмов, влияния автоматических подсказок и доступности данных. Тем не менее, несмотря на эти сложности, поисковые запросы о снах позволяют выявить механизмы трансформации фольклорных представлений в цифровой среде. Формулировки таких запросов нередко повторяют структуру традиционных снотолкований и напоминают устные рассказы о вещих снах. А. А. Лазарева отмечает, что «текст интернет-запроса может напоминать начальную часть снотолкования если снится X – будет Y («что

значит *если снится змея*”) или представлять собой свернутый нарратив о сновидении (микросюжет: “к чему снится змея *кусает за руку*”), по своей образности близкий к устным фольклорным рассказам о “вещих” снах» [9, с. 70]. Получается, что в руках исследователя анализ уже самих интернет-запросов может дать ценные сведения о современных интерпретациях сновидений и их соотношении с традиционными фольклорными нарративами.

Исследователи, занимающиеся изучением новых форм фольклора в интернете, часто указывают на отсутствие обобщающих трудов по этой теме. В отличие от традиционного фольклора, где существуют фундаментальные работы, систематизирующие жанры, формы и методы анализа, интернет-фольклор пока не имеет такого устойчивого научного фундамента. Например, В. Тинянь в своем обзорном исследовании фольклора в социальных сетях приходит к выводу, что на сегодняшний день отсутствуют консолидированные научные труды, охватывающие феномен фольклора в цифровой среде, а все теоретические наработки на эту тему, скорее, связаны с изучением того или иного свойства социальных сетей, которое и влияет на формирование народного творчества [10].

Однако, несмотря на частые упоминания этой проблемы в научных работах, подобная ситуация является вполне нормальной для развивающейся области исследования. История науки показывает, что обобщающие труды появляются не на начальном этапе изучения явления, а на более зрелой стадии, когда накоплено достаточно эмпирических данных и выработаны устойчивые теоретические подходы. Интернет-фольклор – относительно новый объект изучения, динамичный и постоянно меняющийся, что делает невозможным создание единого труда, фиксирующего все его аспекты. Напротив, постоянный поиск, критическая переоценка понятий и методов свидетельствуют о том, что наука находится в активной фазе становления, а отсутствие канонических трудов – не признак слабости, а показатель гибкости и открытости к новому.

К. А. Богданов, комментируя статью И. Е. Головаши-Хикс о кризисе современной фольклористики, связанного в том числе с отсутствием фундаментальных трудов, отмечает, что «кризис фольклористики» – это естественное состояние науки, которая развивается вместе с изменениями в социальной и культурной жизни [11]. Он подчеркивает, что не стоит стремиться к

возвращению к прошлой эпохе, когда наука основывалась на единой, неизменной доктрине, сформированной под влиянием марксистских принципов.

Хотя проблема отсутствия обобщающих исследований представляется скорее попыткой исследователей снять с себя часть ответственности и переложить ее на другой, но общепризнанный голос, из нее вытекает довольно существенная проблема – отсутствие четких границ определения фольклора. Проблема в определении границ предмета не нова и перешла в интересующую нас область из установок исследователей традиционного фольклора. Что можно считать фольклором? Ведь определенно, не каждый найденный артефакт, обладающий частью основных фольклорных свойств, является фольклорным. Еще в 1990-е гг. Б. Н. Путилов сформулировал пять позиций относительно возможностей определения предмета фольклора:

- 1) фольклор как «совокупность всех многообразных форм традиционной культуры»;
- 2) фольклор как «комплекс традиционной духовной культуры, реализуемой в словах, идеях, представлениях, звучаниях, движениях, действиях»;
- 3) фольклор как «комплекс явлений духовной культуры, относящихся к области искусства»;
- 4) фольклор как «сфера словесного искусства»;
- 5) фольклор как «верbalная духовная культура во всем ее многообразии» [12, с. 23].

Для самого ученого «особенно актуальной и требующей более обстоятельного рассмотрения» представлялась пятая позиция: «Фольклор, – отмечает исследователь, – это слово, ставшее *преданием* (т.е. традицией), и в этом качестве закрепившееся в народном сознании» [12, с. 24]. Споры продолжаются, и довольно часто их можно наблюдать как раз в исследованиях новых форм народного творчества. Известный пример – интернет-мемы. Эти короткие юмористические, часто визуально-текстовые единицы информации быстро распространяются в сети, видеоизменяются и адаптируются различными пользователями, что сближает их с традиционными фольклорными аналогами, например анекдотами. Однако сложно представить, как смешные картинки и видео бытуют в реальной жизни вне цифрового пространства.

Интернет-фольклор не может функционировать так же, как и традиционный, в силу своей природы. Он вынужден подчиняться законам

сетевой коммуникации. При этом между ними существует промежуточное явление – пост-фольклор, который сочетает элементы традиционного и нового фольклора, но утрачивает устную форму передачи. Интернет-фольклор в этом смысле можно рассматривать как одно из направлений пост-фольклора, адаптированное к цифровой среде и обладающее своими специфическими механизмами распространения и трансформации.

М. В. Загидуллина указывает, что с точки зрения теории коммуникации интернет-фольклор демонстрирует схожие механизмы воспроизведения и распространения, хотя и функционирует в цифровой среде. Опираясь на российскую традицию фольклористики, она выделяет следующие признаки фольклора: устное распространение, коллективное авторство, широкую распространенность, вариативность и художественную основу [13]. Однако, в отличие от классического подхода, предлагается анализировать фольклор в рамках коммуникативистики, используя модели коммуникации, включая линейную модель Лассуэлла и ризоматическую модель передачи информации. В основе предлагаемого подхода лежит идея, что фольклорный тип коммуникации формируется при наличии пяти условий: устный характер взаимодействий, незначимость первичного автора артефакта, существование традиции, определяющей правила коммуникации, отсутствие внешних регуляторов распространения (кроме коллективного вкуса) и возможность вариативного воспроизведения артефактов. Данная методология допускает более широкую трактовку обязательных фольклорных признаков, что позволяет рассматривать новые явления в Сети, обладающие этими характеристиками, в качестве форм современного фольклора.

Например, обязательное устное распространение заменяется на устный характер взаимодействий. В чем, собственно, разница? М. В. Загидуллина указывает на размытие границ между устной и письменной речью в интернет-пространстве. Ранее К. В. Чистов в работе «Специфика фольклора в свете теории информации» указывал на невозможность формирования фольклора в техническом типе коммуникации, к которым можно отнести в том числе интернет-коммуникацию, потому что в ней невозможен живой контакт коммуникантов. Исследователь проводит четкую дифференциацию между естественным (фольклор)

и техническим (литература) типами коммуникации по линии направленности на аудиторию, первичности/вторичности каналов информации, ее одномоментности и дискретности, особенностям восприятия текста [14]. Однако, замечает М. В. Загидуллина, техническая коммуникация в сети гибридна [13]. Текст в интернете приобретает черты спонтанной, живой речи. Он ориентирован на мгновенный отклик, легко адаптируется к ситуации и включает элементы невербального выражения (эмодзи, изображения, видео). Интернет-фольклор, включая мемы, использует знаковые способы передачи интонации и эмоций, что придает тексту качества живой, спонтанной речи. В этом смысле мемы, как и традиционный устный фольклор, подвержены вариативности, моментальному распространению и адаптации в зависимости от контекста. Таким образом, мем может быть рассмотрен как устно-письменный текст, функционирующий в интернет-пространстве по законам устной коммуникации.

Еще одной проблемой в изучении новых форм фольклора является проблема методологии. Традиционные методы фольклористики, ориентированные на устное народное творчество, оказываются недостаточными для анализа цифровых артефактов. Классические подходы, такие как сравнительно-исторический и типологический методы, структурно-семиотический анализ и другие, сохраняют свою значимость, однако их необходимо адаптировать к особенностям цифровой среды. В отличие от традиционного фольклора, который распространяется преимущественно в устной форме и фиксируется полевыми исследованиями, интернет-фольклор часто существует в текстовом, аудиовизуальном или мультимодальном формате, что требует новых инструментов для его изучения.

Современные исследователи все чаще прибегают к гибридным методам, совмещающим количественный и качественный анализ. Например, статистические методы позволяют выявить закономерности в распространении фольклорных единиц, определить популярность отдельных артефактов и проследить динамику их изменения. Метод контент-анализа используется для изучения тематики и структурных особенностей интернет-мемов, анекдотов и слухов. Анализ дискурса помогает понять, какие идеологические, социальные и культурные смыслы передаются через интернет-фольклор. Важную роль играет также сетевой анализ, поз-

воляющий исследовать механизмы циркуляции фольклорных артефактов в цифровой среде. Д. А. Радченко указывает, что особую ценность представляют методы, направленные на природу возникновения, жизненного цикла и распространения текстов сетевого фольклора [15].

Таким образом, исследование интернет-фольклора в России началось сравнительно недавно, что обусловлено как поздним массовым распространением интернета, так и сложностями адаптации традиционных методов фольклористики к цифровой среде. В научном сообществе сформировались две исследовательские стратегии: одна ориентирована на изучение традиционного фольклора в интернете, другая – на выявление новых, уникальных фольклорных форм, рождающихся в цифровой культуре. При этом обе стратегии имеют свои ограничения и требуют четкого разграничения изучаемого материала, чтобы избежать методологической путаницы.

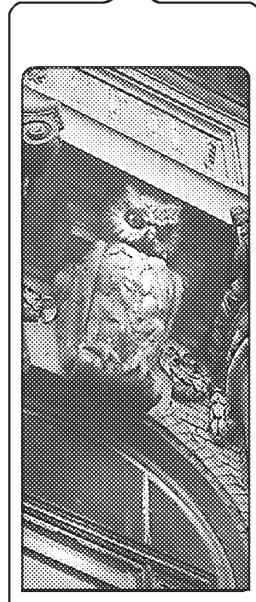
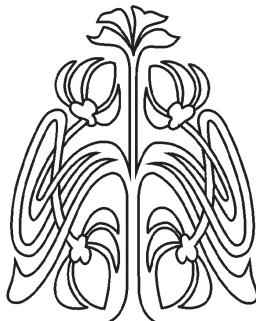
Современная фольклористика сталкивается с проблемами сохранения и изучения интернет-фольклора, поскольку традиционные методы фиксации не всегда применимы к быстро изменяющимся цифровым артефактам. Гибридный характер интернет-коммуникации, размывание границ между устной и письменной речью, а также изменяющиеся способы передачи информации требуют пересмотра классических подходов. Для анализа интернет-фольклора активно применяются новые методы – контент-анализ, дискурсивный анализ, статистические и сетевые исследования, что подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода.

Список литературы

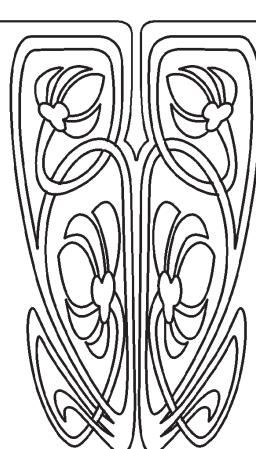
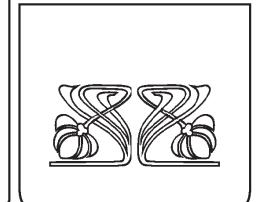
1. Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4. EDN: SSHRCR
2. Бар-Ицхак Х., Фиалкова Л. Фольклор и компьютер: к постановке проблемы // Язык и культура: Четвертая международная конференция : материалы / сост. С. Б. Бураго. Киев : Ред. журн. «Collegium», 1996. С. 143–152.
3. Рукомойникова В. П. «Виртуальный» фольклор в контексте народной смеющейся культуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2004. 23 с. EDN: NHYTJN
4. Каргин А. С., Костина А. В. Интернет и фольклор – технология и традиция // Традиционная культура. 2007. № 3. С. 5–15. EDN: JICPSF
5. Алексеевский М. Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От конгресса к конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов : сб. материалов / сост. В. Е. Доброльская, А. С. Каргин. М. : Гос. республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 151–166.
6. Суслова Т. И. Интернет-фольклор как средство коммуникации // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 123–127. EDN: VPIOFV
7. Розин В. М. Феномен сетевого фольклора // Традиционная культура. 2007. № 3 (27). С. 15–21. EDN: KJAADH
8. Радченко Д. А. «Ищите нас через Яндекс»: методики и проблемы сбора сетевого фольклора // Tautosakos Darbai. 2013. Т. 45. С. 116–131. EDN: MJKOBF
9. Лазарева А. А. Сновидения online: интернет-запрос как фольклорный факт // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоизнание. Культурология. 2019. № 4. С. 68–83. EDN: BHNTAS
10. Тинянь В. Фольклор в социальных сетях (на примере Twitter и Telegram) // Филология: научные исследования. 2023. № 2. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.2.39253>. EDN: HJEFIP. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39253 (дата обращения: 03.02.2025).
11. Головаха-Хикс И. Е. Современная фольклористика: к вопросу о базовой теории и новых методологических подходах в полевой работе // Традиционная культура : науч. альманах. 2009. Т. 10, вып. 2 (34). С. 113–120. EDN: MUYCZU
12. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб. : Наука, 1994. 236 с.
13. Загидуллина М. В. Теория интернет-фольклора: коммуникация фольклорного типа и самоидентификация участников крупных форумов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 4. С. 86–96. EDN: UMMHAD
14. Чистов К. В. Специфика фольклора в свете теории информации // Типологические исследования по фольклору: сборник статей памяти В. Я. Проппа. (1895–1970) / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М. : Наука, 1975. С. 26–43. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
15. Радченко Д. А. Сетевой фольклор: перспективы исследования // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. науч. ст. / сост. В. Е. Доброльская, А. Б. Ипполитова. Вып. 14. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период. М. : Гос. республиканский центр русского фольклора, 2011. С. 417–427. EDN: VDCNKF

Поступила в редакцию 25.02.2025; одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted 25.02.2025; approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication 01.09.2025

ЖУРНАЛИСТИКА

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 476–482
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 476–482
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-476-482>
EDN: XCOAVM

Научная статья
УДК [070.43:005](470+571)|2020/2025|

Пандемия COVID-19 как один из факторов трансформации редакционного менеджмента СМИ: опыт последних пяти лет

Е. А. Важина

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9

Важина Евгения Алексеевна, ассистент кафедры менеджмента массовых коммуникаций,
evazhina94@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9232-3286>

Аннотация. В статье рассматривается влияние пандемии коронавируса COVID-19, с которой мир столкнулся в 2020 г., на функционирование российских СМИ, а также на трансформацию деятельности главного редактора. Повсеместный локдаун, введение жестких ограничений, поток непроверенной информации заметно повлияли на работу российских редакций СМИ в 2020 г.: медиаменеджеру пришлось учиться управлять коллективом в кардинально новых условиях, используя различные инструменты и техники, налаживать взаимодействие с удаленной редакцией, формировать новые способы подачи информации. Журналистский коллектив, в свою очередь, стал работать в новых для себя условиях, при этом стараясь сохранить оперативную работу в инфополе и жесткий фактчекинг. Данная статья отвечает на следующие вопросы: как изменилась работа главного редактора СМИ в пандемию и какие практики, внедренные им тогда, остаются актуальными до сих пор? В качестве эмпирического материала в статье приводятся отрывки из интервью автора с российскими медиаменеджерами федеральных изданий различной тематической направленности, которые были взяты спустя несколько лет после пандемии, чтобы можно было наиболее четко отследить появившиеся паттерны. Кроме того, в статье использованы интервью управленцев из открытых источников в сети Интернет. Выяснилось, что спустя пять лет после пандемии некоторые практики, внедренные в работу редакции СМИ во время локдауна, сохранились до сих пор, равно как и общий паттерн на удаленную работу, использование социальных сетей в качестве основного канала коммуникации и снижение иерархических уровней в редакции СМИ.

Ключевые слова: редакционный менеджмент, инфодемия, СМИ, COVID-19, медиаменеджмент, медиаменеджер

Для цитирования: Важина Е. А. Пандемия COVID-19 как один из факторов трансформации редакционного менеджмента СМИ: опыт последних пяти лет // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 476–482. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-476-482>, EDN: XCOAVM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The COVID-19 pandemic as one of the factors transforming media editorial management: Experience of the last five years

E. A. Vazhina

Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Evgeniia A. Vazhina, evazhina94@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9232-3286>

Abstract. The article examines the impact of the COVID-19 coronavirus pandemic, which the world faced in 2020, on the functioning of the Russian media, as well as on the transformation of the work of the editor-in-chief. The widespread lockdown, the introduction of tough restrictions, and the flow of unverified information significantly affected the work of Russian media in 2020: media managers had to learn to manage their teams in dramatically new conditions, using various tools and techniques, to establish interaction with a remote editorial board, and to form new ways of presenting information. The journalistic team, in turn, began to work in new conditions, while trying to maintain prompt work in the information field and rigorous fact-checking. The article answers the following questions: how the work of the editor-in-chief changed during the pandemic, and which practices introduced back then are still relevant. The article uses excerpts from the author's interviews with Russian media managers from federal publications of various thematic focuses as empirical material. The interviews were conducted several years after the pandemic to clearly track the patterns that emerged. In addition, the article uses interviews with managers from open sources on the Internet. It turned out that five years after the pandemic, some of the practices introduced into the work of media editorial offices during the lockdown have been preserved, as well as the general pattern of remote work, the use of social networks as the main channel of communication, and the reduction of hierarchical levels in media editorial offices.

Keywords: editorial management, infodemic, mass media, COVID-19, media management, media manager

For citation: Vazhina E. A. The COVID-19 pandemic as one of the factors transforming media editorial management: Experience of the last five years. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 476–482 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-476-482>, EDN: XCOAVM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Пандемия COVID-19 стала первым за десятилетия событием, которое кардинально изменило социальную и культурную жизнь всего мира, и в частности, радикально сказалось на медиаиндустрии. В 2020 г. теоретики и практики журналистики стали рассматривать COVID-19 как триггер для изменений СМИ и контента, публикуемого ими, и эти исследования продолжаются до сих пор [1–3]. Спустя некоторое время в научном медиадискурсе появились новые вопросы: распространение фейковых новостей и методы борьбы с ними [4], основные маркеры фейкьюс [5], изменение лексики и словообразования в медийных текстах [6], распространение в СМИ и социальных сетях понятия «инфодемия» [7], COVID-19 как источник медийных манипуляций [8].

Стоит отметить, что в контексте изучения влияния пандемии на медиасреду эксперты практически не поднимают вопрос изменений, произошедших в редакционном менеджменте. Напомним, что в начале 2020 г. сотрудники средств массовой информации перешли на дистанционный формат работы, который продолжался почти полтора года. В связи с этим главным редакторам пришлось кардинально менять привычный стиль управления: внедрять новые методы, координировать работу сотрудников вне офиса, использовать различные ин-

струменты управления, которые изначально не были популярны в традиционном редакционном менеджменте.

Спустя пять лет после начала пандемии COVID-19 мы попытались выяснить, как изменилась работа в редакциях СМИ в год пандемии и какие практики применяли медиаменеджеры для контроля, управления и мониторинга сотрудников, а также какие методы управления редакцией остались актуальными до сих пор. Мы поднимаем следующие исследовательские вопросы:

1) как изменилась работа в редакции медиапредприятия в период локдауна?

2) как изменилась работа топ-менеджера в период пандемии?

3) какие практики управления, внедренные в период локдауна, применяются до сих пор?

Наше исследование основано на фокусированных интервью с представителями следующих медиаорганизаций: «МИЦ «Известия», «РБК», Rambler&Co, Лайфхакер, X5 Media. Все медиаорганизации различаются по тематической направленности и размеру редакции. В большинстве своем они представляют собой онлайн-издания. Выборка случайная и неконтролируемая. Все интервью были взяты спустя два-три года после начала пандемии, чтобы можно было четко проследить паттерн, кото-

рый сохранился в редакциях после окончания масштабного локдауна и снятия ограничений на посещение офисов.

В нашем исследовании мы опустим имена и фамилии респондентов, чтобы привести их цитаты в первоначальном виде.

В качестве эмпирического материала послужили также интервью российских медиаменеджеров, опубликованные на сторонних ресурсах в интернете.

Говоря о работе в период пандемии, медиаменеджеры отметили, что в период COVID-19 им пришлось осваивать новые инструменты управления сотрудниками. Отсутствие личных встреч стало заменяться планерками, социальные сети использовались в качестве основного инструмента коммуникации. Координация редакционной работы медиаменеджерами осуществлялась в чатах в социальных сетях; практиковались регулярные встречи в интернете благодаря платформам ZOOM и Skype, а также оперативные «созвоны» для решения того или иного вопроса.

Из-за онлайн-инструментов управления произошло резкое сокращение иерархической лестницы в редакции. «Это уже не ты приходишь в кабинет к начальнику, а он буквально сидит у тебя дома, вы фактически равны», – пишет А. Шаронов [9].

Многие респонденты отметили, что редакции было несложно перестроиться на удаленную работу, поскольку многие ее члены и до изоляции практиковали «удаленку». «Работа не встала, мы справились с вызовами достойно», – отмечает один из респондентов.

Планерки или регулярные онлайн-встречи стали относительно новым координационным инструментом для сотрудников редакции. «Это полезный инструмент, если у вас есть повестка для обсуждения. Созвоны ради созвонов не имеют смысла», – считает главный редактор одного из лайфстайл-порталов.

Отметим, что задача планерок для многих медиаменеджеров одинакова: это, в первую очередь, обмен мнениями и идеями, причем высказывается вся команда, а не только главный редактор. Все медиаменеджеры, принявшие участие в интервью, подтвердили, что любой сотрудник редакции может в ходе планерки предложить тему для будущего материала и согласовать ее с главным редактором. Кроме того, планерка – место, где главный редактор

анализирует контент издания, в том числе уже вышедшие материалы и их трафикогенность, и обсуждает то, как сделать наполнение издания еще лучше.

Последствия резкого выхода в онлайн в 2020 г. до сих пор сказываются на формировании редакционной работы – некоторые медиаменеджеры сейчас выступают против «удаленки», вновь собрав сотрудников оффлайн, другие же, наоборот, привыкли работать «на удаленке». Большинство медиаменеджеров заявили, что не против «удаленки» и способны работать с командой онлайн. «Удаленка не проблема и привычный для многих сотрудников формат. Контроль эффективности при удаленке и офисной работе в целом одинаков: задача или выполнена, или нет. Упрощает это удобный таск-трекер, где можно посмотреть, чем конкретно занимался сотрудник», – считает один из наших респондентов.

Однако некоторые респонденты сообщили, что для них удаленная работа была вынужденной мерой. «Основные трудности в том, что на удаленке можно «потерять» сотрудника, особенно, если он хорошо работает и минимально взаимодействует с другими коллегами. Также сложно поддерживать коллективный дух, нет возможности сплотить редакцию в неформальной обстановке», – отметила одна из медиаменеджеров в нашем интервью.

Многие управленцы предоставили сотрудникам возможность гибридной работы в офисе, даже когда в России сняли локдаун, а также сами стали практиковать «удаленку».

«Я поехала в офис вчера, потому что у меня была запланирована встреча. Так бы я в офис не ездила. Не знаю, где сейчас есть строгие правила [посещения офиса]. Мне кажется, нигде нет уже. Планерки все онлайн проходят», – считает один из наших респондентов.

Особых сложностей с управлением командой в период пандемии, как отмечают медиаменеджеры, не произошло. Все сотрудники продолжали четко выполнять свои задачи. Главной проблемой, считают управленцы, стало отсутствие «живой» коммуникации: видеовстречи не способны заменить человеческого общения. С медиаменеджерами согласны отечественные социологи. По их мнению, в пандемию «стало все более заметным снижение качества коммуникации: онлайн-общение посредством смартфонов, компьютеров, ноутбуков является

эрзацем, оно никак не заменяет полноценной личной коммуникации, включающей в себя перцептивный, аффективный, тактильный уровни межличностного взаимодействия, а также обмен специфически человеческой энергетикой при физическом контакте» [10, с. 40].

Некоторые управленцы признавались, что их сотрудники не могли привыкнуть к новому формату работы. «Сложности в первую очередь из-за того, что все люди разные. И есть люди, которым сложно функционировать без обратной связи: когда ты не видишь, когда ты не можешь подойти и объяснить», – рассказала одна из медиаменеджеров в нашем интервью.

Коронавирус рассматривается некоторыми практиками журналистики как крайне негативный опыт, который снизил качество работы СМИ. Бывший заместитель руководителя редакции РБК Иван Макаров считает, что из-за пандемии произошло падение качества, оперативности и вовлеченности создателей контента. «Как бы круто медиа ни перевели работу на удаленку, ни настроили дистанционную работу через зумы, трекинговые системы и как бы это ни нравилось владельцам медиабизнесов с точки зрения костов, удаленка делает работу журналиста – я тут говорю больше про крупные редакции, чем про локальные или тематические – хуже по разным причинам», – говорил он¹.

С Иваном Макаровым не согласна Анита Гиговская – бывший президент издательского дома Condé Nast Russia. В качестве плюсов «удаленки» она назвала сокращение времени на дорогу, экономию на жилье в больших городах и в командировках².

С. С. Распопова [1, с. 90] среди плюсов удаленного режима работы сотрудников СМИ выделяет также:

- 1) посещение конференций, симпозиумов, форумов онлайн, так как такой формат дает возможность посещать много мероприятий одновременно;
- 2) интервью по телефонной связи и по скайпу;
- 3) доступность спикеров для контакта;
- 4) приглашение гостей в форматы радиоэфира, куда раньше звали только «живьем».

¹ Медиарынок 2020: пандемия, e-commerce и трансформация контента // Sostav. 2020. URL: <https://www.sostav.ru/publication/mediarynok-2020-46499.html> (дата обращения: 22.02.2025).

² Там же.

Психологически и журналисты, и слушатели адаптировались к гостям по «удаленке» и стали более терпимы к качеству связи;

5) корпоративную сплоченность.

В целом, по словам медиаменеджеров, опыт пандемии показал, что даже крупные издания могут строить свою работу в удаленном формате. Однако подчеркнем, что практически все опрошенные нами медиаменеджеры руководят интернет-изданиями, где все процессы изначально построены на цифровизации и дигитализации. Печатные СМИ испытывали определенные трудности при переходе на дистанционную работу – хотя бы потому, что во многих редакциях «удаленка» до пандемии была запрещена.

«Журналисты, осваивающие навыки работы в условиях слияния и интеграции информационных и коммуникативных технологий в единый ресурс, испытывали поначалу большие затруднения. Процесс перехода редакции к новым условиям деятельности шел трудно», – пишет С. С. Распопова [1, с. 90]. Но даже в таких условиях, отмечает она, СМИ находили положительные моменты – «например, “Комсомольская правда” начала принимать на работу для участия в специальных проектах издания региональных сотрудников без их переезда в Москву» [1, с. 89].

Пандемия также показала, что такое явление, как ньюсрум – тренд, появившийся в начале 2010-х в преимущественно новостных редакциях [11], – перестал быть актуальным и в целом необходимым. Некоторые исследователи начали говорить об этом еще до пандемии. Так, В. Гатов, бывший руководитель Медиалаборатории РИА «Новости», писал, что ньюсрумы усугубили положение прессы в период финансово-кризиса, и из-за них редакторам пришлось сокращать штат, «выбрасывая на рынок особо подготовленных “суперсолдат”» [12, с. 69].

В целом, опыт работы в пандемии ускорил процессы адаптации журналистов к процессам конвергенции и только усилил тенденции цифровизации в контексте редакционного менеджмента. Именно процессы дигитализации и цифровизации позволили некоторым СМИ нарастить аудиторию во время пандемии.

«Сегодня мы наблюдаем стремительный рост потребления мобильных медиа и особенно видео- и аудиоконтента, в результате чего происходит трансформация аудиорекламы в

формат диджитал-аудио как часть performance-кампаний, а также период активной цифровой конвергенции», – говорит исполнительный директор радиохолдинга Krutoy Media Эдуард Оганесян³ [11]. Люди, которые обычно изолируются от информации, снова «включились» в новостное поле [7, с. 61]. Благодаря цифровизации появились новые способы информирования населения: Яндекс и Google опубликовали карту со статистикой заражения коронавируса в мире и обновляли ее ежедневно; Министерство здравоохранения РФ начало распространять информацию не только на своем официальном ресурсе, но и в популярных соцсетях – TikTok, ВКонтакте; Роспотребнадзор создал общедоступный ресурс, на котором регулярно отражалась динамика развития пандемии в мире и в России.

Нельзя не отметить, что у редактора, в том числе и главного, во время пандемии изменился сам процесс работы с текстом. Необходимо было тщательно работать с фактчекингом и избегать дезинформации, даже если это происходит в ущерб собранному трафику – иначе есть возможность крупных информационных рисков. В 2020 г. в медиасреде возник термин «инфодемия» (информационная эпидемия), который эксперты описывают как переизбыток информации, как ложной, так и достоверной. Его ввел в обращение глава ВОЗ Тедрос Адханом Гебрейесус, который сказал: «Мы боремся не только с эпидемией, но еще и с инфодемией. Фейк-ньюс распространяются быстрее и гораздо проще, чем сам вирус, при этом являются не менее опасными, чем он»⁴. Позднее в обществе появились призывы к созданию «инфодемиологии», науки о том, как противодействовать фейковым новостям. Это «показывает, что инфодемия действительно воспринимается в мировом сообществе как весьма серьезная проблема, требующая пристального внимания и незамедлительного решения» [13, с. 97].

Пандемия изменила контентный состав многих изданий и способы подачи информации: в СМИ появились новые рубрики, посвященные COVID-19, а сотрудникам пришлось придумывать темы для новых материалов: «о хобби,

³ См.: Медиарынок 2020: пандемия, e-commerce и трансформация контента.

⁴ Фейковые новости о коронавирусе заполонили соцсети // Российская газета. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/03/01/fejkovye-novosti-o-koronaviruse-zapolonili-socseti.html> (дата обращения: 22.02.2025).

психологической поддержке, индивидуальном опыте противостояния и даже преодолении сложившейся ситуации» [14, с. 147]. Телеканалы, интернет-издания и радиостанции стали выпускать стримы, в которых действующими лицами были главные ньюсмейкеры 2020 г. – представители государственных ведомств, врачи, вирусологи, эпидемиологи, а также проводить прямые эфиры, онлайн-концерты. Усилилась коллaborация онлайн-платформ и телевидения: телеканалы приобретали контент онлайн-платформ (Окко, Яндекс), а те, наоборот, размещали у себя телевизионные материалы⁵. Стоит отметить, что пандемия коронавируса повлияла даже на законодательную систему. Так, был опубликован список системообразующих организаций в сфере информационных технологий, связи и массовых коммуникаций, в который вошли телеканалы, радиостанции, печатные и онлайн-издания (например, «Коммерсантъ», РБК, «Первый канал», «Российская газета», «Комсомольская правда»)⁶. Кроме того, в 2021 г. в России появился социальный интернет – доступ к некоторым СМИ стал бесплатным, в их числе Лента.ру, РБК, RT, ТАСС, «Известия»⁷ [18].

Обобщая результаты интервью с российскими медиаменеджерами, выделим **основные изменения, произошедшие в редакции СМИ** в период пандемии коронавируса.

1. Масштабный переход сотрудников на удаленную работу.

2. Изменился тематический ландшафт издания, появились новые инфоповоды для освещения в медиаполе.

3. Изменилась иерархическая структура редакции, уровни между управленцем и рядовым сотрудником оказались стерты из-за онлайн-коммуникации.

4. Эксперты и спикеры стали доступнее благодаря повсеместному переходу в онлайн.

5. Пандемия дала толчок следующим жанрам: подкастам, видеointервью, фичерам, экспертным интервью, колонкам экспертов.

⁵ См.: Медиарынок 2020: пандемия, e-commerce и трансформация контента.

⁶ Минкомсвязь и Минпромторг представили ключевые для отраслей предприятия // Российская газета. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/21/minkomsviazi-i-minpromtorg-predstavili-kluchevye-dlia-otraslej-priiatiia.html> (дата обращения: 22.02.2025).

⁷ Что изменится в жизни россиян с 1 декабря? // Известия. 2021. URL: <https://iz.ru/1255227/izvestiia/chto-izmenitsia-v-zhizni-rossiian-s-1-dekabria> (дата обращения: 22.02.2025).

Далее выделим **основные изменения, произошедшие в работе главного редактора СМИ** в пандемию.

1. Коммуникация происходит в чатах и корпоративных мессенджерах, редко – по телефону.

2. Медиаменеджеры активно стали использовать регулярные созвоны и онлайн-митапы как основной инструмент управления командой.

3. Возросла необходимость жесткого фактчекинга в связи с распространением фейкьюс и огромного количества недостоверной информации в соцсетях.

4. Возросла необходимость психологической поддержки сотрудников и соблюдения work-life balance в связи с переходом на удаленную работу и отменой жесткого офисного графика.

5. Взаимодействие с другими департаментами медиаорганизации «на удаленке» стало медленнее, некоторые отделы никогда не практиковали работу вне офиса и с трудом смогли приспособиться к новым условиям.

Некоторые практики, внедренные во время пандемии и оставшиеся в редакциях СМИ после ее окончания.

1. Многие офисы перешли на гибридную работу, когда несколько дней в неделю сотрудник работает из дома. В том числе в офис не всегда приезжает и медиаменеджер.

2. В редакциях СМИ появилась возможность полностью удаленной работы.

3. Онлайн-созвоны остаются эффективным инструментом управления.

4. В редакциях появляются больше сотрудников из других городов и даже стран. Чаще всего они работают на проектных условиях и не входят в штат, тем не менее, такая практика довольно распространена.

5. Тема здорового образа жизни осталась ключевой в федеральных и лайфстайл-изданиях, а врачи, представители Минздрава и Роспотребнадзора по-прежнему актуальны в качестве спикеров.

6. Здоровье сотрудников (как моральное, так и физическое) стало приоритетом для работодателей, которые включают в ДМС сессии с психологом и возможность онлайн-консультаций со специалистами разного профиля.

Таким образом, COVID-19 стал катализатором процессов, уже происходивших в ре-

дакции СМИ ранее, особенно в конвергентной редакции, о которой много писали практики и теоретики журналистики в 2010-х гг. [15, 16]. Теперь медиаменеджеры контролируют деятельность сотрудников на «дистанционке», используя новые инструменты управления, а также ориентируются в информационной среде, при этом отвечая потребностям аудитории и собирая трафик, освещают темы, которые не брали в повестку ранее. Можно отметить, что пандемия COVID-19 дала толчок развитию новых жанров журналистики, новых тем для медийного контента.

Нельзя также не упомянуть, что пандемия способствовала ускорению технологических процессов в редакции, оперативности, снизила уровень иерархии до минимума – с главным редактором на связи во время пандемии были все сотрудники, и сейчас эта практика сохраняется даже в крупных СМИ, тем самым подтверждая тенденцию на упразднение централизованной модели управления в медиаорганизациях.

Список литературы

1. Распопова С. С. Пандемия COVID-19 как триггер для изменений СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 4 (42). С. 88–93. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2021-10410>, EDN: XJIIYU
2. Трофимова Н. А. Влияние цифровых новостей на человеческий капитал в условиях инфодемии // Вестник ЦЭМИ. 2024. Т. 7, № 1. С. 429–435. <https://doi.org/10.33276/S265838870030007-0>, EDN: KHAEUR
3. Тимощук А. С. Медиареальность XXI века: роль инфодемии в трансформации медиа // Медиареальность XXI века: эпоха глобальных реформ : материалы I междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, МПГУ, 5 марта 2021 г.) / под общ. ред. Т. Н. Владимиrowой, В. А. Славиной, Н. В. Кодола [Электронное издание]. М. : МПГУ, 2021. С. 282–288. EDN: CSHGPX
4. Землянский А. В. Причины возникновения инфодемии: сравнительный анализ освещения эпидемии SARS и пандемии COVID-19 // Вестник РУДН. Литературное изучение. Журналистика. 2021. Т. 26, № 3. С. 570–579. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-3-570-579>, EDN: PCUUMC
5. Стернин И. А., Шестерина А. М. Маркеры фейков в медиатекстах. Воронеж : Ритм, 2021. 60 с.
6. Завадская А. В. Словообразовательные неологизмы эпохи пандемии коронавируса в медийном пространстве // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 286–294. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-286-294>, EDN: UBHIRX

7. Иванова С. В. Инфодемия в зеркале журналистики // Наука и школа. 2021. № 2. С. 60–65. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2021-2-60-65>, EDN: ANSVMC
8. Федоров А. В., Левицкая А. А., Новиков А. С. Коронавирус как источник медийных манипуляций // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2020. № 2. С. 69–80. EDN: QHCRGC
9. Шаронов А. Эра человечности: как пандемия и удаленка меняют отношения между сотрудниками // Forbes. 2021. 5 февр. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/420351-era-chelovechnost-i-kak-pandemiya-i-udalenka-menyaют-otnosheniya-mezhdu> (дата обращения: 22.02.2025).
10. Касьянов В. В. Язык катастрофы: влияние пандемии COVID-19 на социально-культурную коммуникацию // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 38–42. <https://doi.org/10.23672/s7123-7197-0648-f>, EDN: JSAQUK
11. Пургин Ю. П. Адаптация печатных СМИ к процессу смены модели массовых коммуникаций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 6. С. 74–81. EDN: VEYRAD
12. Гатов В. О судьбах прогульщиков на обочине прогресса // Отечественные записки. 2014. № 3 (60). С. 64–79.
13. Раренко А. А., Воронцова В. О. Инфодемия в условиях пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2021. № 2. С. 94–104. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2021.02.08>, EDN: MRFVXC
14. Коломийцева Е. Ю. Новые медиа в пандемию: пути трансформации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 1 (34). С. 144–152. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_1_144, EDN: RYYGYX
15. Ким М. Н. Организационно-управленческие аспекты деятельности конвергентной редакции // Управленческое консультирование. 2014. № 2 (62). С. 108–115. EDN: RXCKOX
16. Подопригора Д. А. Реализация идеи и особенности функционирования конвергентной редакции на примере ИД «Комсомольская правда» и ИД «Коммерсантъ» // Форум молодых ученых. 2018. № 12–3 (28). С. 844–850. EDN: KEVZWL

Поступила в редакцию 26.02.2025; одобрена после рецензирования 27.03.2025; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted 26.02.2025; approved after reviewing 27.03.2025; accepted for publication 01.09.2025

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 483–488

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 483–488
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-483-488>
EDN: YDBAZE

Рецензия
УДК 821.09-312.9(049.32)+929Ковтун

«Повествование о необычайном»

Рецензия на книгу: Ковтун Е. Н. Интертекст Мира Посмертия в фантастике XX–XXI веков. М. : Индрик, 2024. 656 с. EDN: HGURHR

Е. Г. Елина, Р. И. Павленко

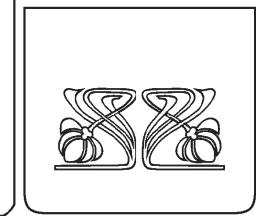
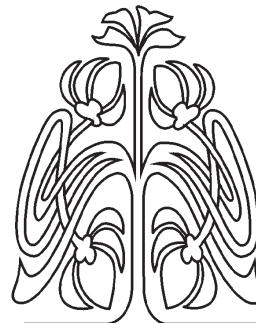
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

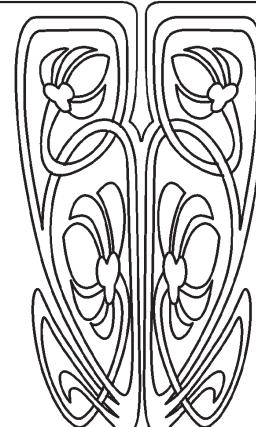
Павленко Роман Игоревич, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения и журналистики, roman.i.pavlenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4109-7713>

Аннотация. Рецензия посвящена книге доктора филологических наук, профессора, зав. отделом истории славянских литератур Института славяноведения РАН, зав. кафедрой славистики и центральноевропейских исследований РГГУ, члена Союза писателей России, известного фантастоведа Е. Н. Ковтун. Книга построена по принципу путеводителя, в котором представлена галерея миров посмертного существования человеческой души. Материалом исследования стали произведения, написанные писателями-фантастами XX–XXI вв., представляющими литературные традиции России, Западной Европы и США. В рецензии анализируются основные аспекты исследования Е. Н. Ковтун, отмечается новаторский подход к изучению фантастической и фэнтезийной литературы, определена множественная оптика, через которую автор изучает художественные тексты: от анализа художественного образа Мира Посмертия до мотивов, связывающих разные локусы и пейзажные элементы в описании «жизни после жизни». Обращено внимание на состоятельность методологии автора в изучении хронотопа Мира Посмертия и поведенческих стратегий литературных персонажей, которым предстоит перейти границу, разделяющую живых и мертвых. Авторская методология связана с построением аналитических рядов, позволяющих рассмотреть выбранные тексты с разных сторон, благодаря чему достигается объективность в рассмотрении основных качеств и свойств Мира Посмертия. С одной стороны, отмечается их общность, достигаемая интертекстуальными связями, а с другой, напротив, их национальная и эстетическая специфичность. Автор стремится прочитать множество привлеченных в работе произведений через призму их поэтики. Представляемая книга – важный источник для исследователей теоретико-литературных проблем. В ней соединяются размышления о хронотопе и сюжете, композиции, типах литературного героя, о мире художественного текста и авторе. В монографии очевидно достигнута «сверхцель»: определить и «оправдать» место фэнтези в современной литературе, объяснить ее популярность. В рецензии отмечена адресация книги: от филологов-литературоведов до широкого круга читателей, увлеченных фантастикой, фэнтези и жизнью после жизни.

Ключевые слова: Ковтун, фантастика, фэнтези, Мир Посмертия, интертекст, художественный образ, мотив, архетип, хронотоп

ПРИЛОЖЕНИЕ

Для цитирования: Елина Е. Г., Павленко Р. И. «Повествование о необычайном» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 483–488. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-483-488>, EDN: YDBAZE
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

“A story of the extraordinary”

Review of the book: Kovtun E. N. *Afterlife Intertext in the 20–21st centuries Science Fiction*. Moscow, Indrik, 2024. 656 p. (in Russian).
EDN: HGURHR

E. G. Elina, R. I. Pavlenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena G. Elina, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Roman I. Pavlenko, roman.i.pavlenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4109-7713>

Abstract. The review is dedicated to the book written by a Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of History of Slavic literatures at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Slavic studies and Central European studies at the Russian State University for the Humanities, member of the Union of Writers of Russia, a well-known science fiction scholar, and president of the Association of Science Fiction Researchers, E. N. Kovtun. The book is structured like a guide, presenting a gallery of afterlife worlds as envisioned by the human soul. The research draws on works by science fiction writers from the 20th and 21st centuries, representing literary traditions of Russia, Western Europe, and the USA. This review analyzes the key aspects of E. N. Kovtun's research, highlighting her innovative approach to the study of science fiction and fantasy literature. It outlines the diverse perspectives through which she examines these genres, ranging from the artistic representation of the Afterlife World to the motifs that connect various locations, geographical elements, and landscapes within afterlife narratives. The review emphasizes the validity of Kovtun's methodology, particularly her exploration of the Afterlife chronotope and the behavioral strategies of characters on the brink of crossing the divide between the living and the dead. Her analytical framework enables a multifaceted examination of selected texts, allowing for an objective assessment of the essential qualities and characteristics of the Afterlife. While commonalities emerge through intertextual connections, distinct national and aesthetic features are also evident. Kovtun seeks to interpret a wide array of works through the lens of their poetics. This monograph serves as a significant resource for researchers interested in theoretical literary issues. It weaves together reflections on chronotopes, plot structures, character types, fictional worlds, and authorial intent. Overall, Kovtun successfully achieves her primary objective: to define and “justify” the role of fantasy in contemporary literature and to explain its appeal to a large adult audience. This review is intended for a broad readership, including philologists, literary scholars, and anyone interested in science fiction, fantasy, and themes of the afterlife.

Keywords: Kovtun, science fiction, fantasy, Afterlife, intertext, artistic image, motif, archetype, chronotope

For citation: Elina E. G., Pavlenko R. I. “A story of the extraordinary”. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 483–488 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-4-483-488>, EDN: YDBAZE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научный труд Елены Николаевны Ковтун поражает не только новаторством, неоспоримой значимостью и системностью, но и масштабом изучения художественных текстов. Провести подсчет романов, повестей, рассказов, благодаря которым автор всесторонне и разнопланово препарирует объект изучения – «Мир Посмертия», пожалуй, не представляется возможным. И не потому, что арифметика – не гуманитарная наука (список текстов со ссылками на электронные издания дан в Приложении), а потому что в процессе прочтения соединение разнообразных фантастических и фэнтезийных текстов каждый раз образует новые содержательные узлы, и исследование интертекста само по себе становится гипертекстом с нечетким множеством вариантов сопряжения смыслов и идей.

Помимо того, что Е. Н. Ковтун, по сути, впервые так обобщенно разрабатывает концеп-

цию «Мира Посмертия» в фантастике и фэнтези России, США, стран Центральной, Юго-Восточной и Западной Европы, она предлагает результат принципиально значимой для современного литературоведения работы: наконец разводит понятия фантастики и фэнтези, объясняет фундаментальные различия, подтверждая при этом несомненную связь между двумя этими видами литературы. Опираясь на труды Льва Успенского, автор монографии оперирует очень важным понятием «рассказы о невозможном», которое по формальным признакам становится обобщающим определением для текстов с фантастическими элементами.

Особенно интересно и с точки зрения филологической науки, и с точки зрения обычайского интереса, размышление о качестве таких текстов: «Мы полагаем, что законы художественного творчества (в том числе и создания

фантастических произведений) едины и качественные различия, объективно существующие между отдельными фантастическими текстами, определяются не какими-то имманентными чертами «элитарной» или «массовой» фантастики, но, как и все в искусстве, масштабом таланта художника и наличием (или отсутствием) у него важных жизненных наблюдений, которыми он может поделиться с читателем» (с. 24). Эта мысль, высказанная в начале научного труда, становится своеобразным камертоном для читателя, взявшего в руки, как сама определяет его исследователь, «путеводитель по множеству миров посмертного существования человеческой души».

Работая с текстами, созданными авторами, принадлежащими, главным образом, к христианской культуре, Е. Н. Ковтун очень аккуратно отмечает религиозные мотивы в текстах разных эпох и литературных традиций. Кажется важным отметить и то, что хоть в названии монографии и указан точный временной отрезок исследования – XX–XXI вв., но связь с писателями, принадлежащими предшествующим этому периоду эпохам – Данте, Дж. Свифт, Н. В. Гоголь, М. Твен, – явственно прослеживается (где-то, потому что с их наследием связан изучаемый текст, например сатирический рассказ Е. Лукина; где-то, потому что это важно автору монографии, пусть и на уровне отрицания такой связи). Таким образом, интертекст Мира Посмертия оказывается и вневременным, и безграничным одновременно. С этим же связана и несомненная беспристрастность изложения результатов длительного кропотливого исследования. Как только возникает малейшее ощущение, что в галерее писателей появляется тот или иной «любимчик», Е. Н. Ковтун тут же это ощущение устраняет, переключая внимание читателя на текст из другого времени, другой страны, другой культуры.

Этим обуславливается большое достоинство монографии: многообразие концептов, фундаментальных замечаний, важных для дальнейшей разработки темы. Сама логика развития исследовательской мысли невзначай призывает искушенного читателя подключиться к разысканиям на заявленную тему в ряде полемических сюжетов (в основном связанных с вариантами представления «жизни после жизни» в паранаучных, религиозных, оккультных традициях или географическими ограничениями). Это стремление поддержи-

вает и представление автором «Гуманитарной танатологии» (с. 80): ряда литературоведческих, культурологических, философских работ, посвященных изучению потустороннего мира. Но каждая отдельно взятая полемическая идея в результате справедливо сводится к осевому концепту «авторской фантазии», на чем бы она ни была основана, сколь осознанной или бессознательной она ни являлась.

В аннотации к книге (с. 4) определен обширный круг проблем, необходимость разрешения которых задала направление исследования, среди них характеристика типов и локусов загробного царства, быта, нравов и поведенческих мотиваций его обитателей; рассмотрение хронотопа, основных вариантов сюжетно-композиционных схем и мотивной структуры историй о «жизни после жизни» и т.п. Вероятно, именно поэтому бесчисленное множество обобщений, парадоксальным образом гармоничных (вопреки тому, что все тексты, рассматриваемые в работе, уникальны и самобытны), делают монографию Е. Н. Ковтун в каком-то смысле методическим и методологическим источником для исследований не только художественного образа Мира Посмертия, но всей фантастической и фэнтезийной литературы вообще.

Обращаясь к изучению мотивов в «рассказах о невозможном» (это авторское жанровое уточнение важно с точки зрения объединения разных текстов разных эпох, систем, традиций), Е. Н. Ковтун выделяет три основные группы (с. 65–76), которые определяют своего рода парадигму исследования, в ее пределах и разворачиваются основные наблюдения за Миром Посмертия. Отметим, что в монографии в неизрываемом единстве рассматриваются и мотив дороги, и мотив памяти, и мотив узнавания, и мотив ощущения умершего. Более того, способ попадания в Мир Посмертия, форма его расположения и внутренняя специфика потустороннего пространства, причины, по которым локус Мира Посмертия описан каждым писателем по-своему, но в то же самое время типизирован, например, на уровне ландшафта или пейзажа, соотнесены с этой мотивной системой. В результате автором дана многоаспектная классификация Миров Посмертия. На наш взгляд, важно подчеркнуть, что исследование имеет очевидные векторы развития. Скажем, много раз проговоренный автором сатирическо-иронический компонент в описании Мира Посмертия

(на наш взгляд, наиболее явно он представлен в разделе о физических муках и душевных страданиях – с. 393) может быть отдельно изучен в более широком контексте.

В новаторской книге Е. Н. Ковтун читатель найдет глубокие и выразительные характеристики Мира Посмертия, рассмотренного через множественную оптику. Это мотивы и локусы, это границы миров, это основные и вспомогательные образы и планы и многое-многое другое. Однако наибольший интерес, как нам кажется, представляют главы, обращенные собственно к характеристикам Мира Посмертия. От рая и ада к нейтральным «территориям», от загробных профессий к быту, от изображения животных к мотиву узнавания.

В многостраничной книге Е. Н. Ковтун особый интерес, как нам кажется, представляет глава «Карты Мира Посмертия, или потусторонний *modus vivendi*». Действительно, как «жили», что чувствовали и как проводили свои дни те, кто оказался волею художника слова в Мире Посмертия? Думается, этими вопросами задаются не только литературоведы – специалисты в области изучения фантастики. Это общие вопросы, ответы на которые следует искать в указанной главе рецензируемой книги. Автор монографии полагает, что в изображении Мира Посмертия можно усмотреть некий канон, вернее, несколько таких канонов. Райскую модель мира автор не связывает с христианской традицией, но возводит к представлениям писателей о мире красоты и гармонии. Здесь важен ландшафт, сопровождающий героя, небо и водные просторы, воздух и особая энергетика пейзажа. Столь же подробно представлен и негативный, «адский» мир с его мрачным небом, пустынным пейзажем, гиперболизацией природных объектов. Любопытно, что пейзажи Мира Посмертия выполняют в тексте те же функции, которые выполняет пейзаж в литературе вообще. Это, прежде всего, создание некоего психологического или поведенческого ореола вокруг героя. Те физические муки и нравственные страдания, через которые проходит герой, особенно страшны своей обыденностью. А сутью адского бытия становится, как убеждает автор, отсутствие любви. Подробно даны параметры еще одной возможности Мира Посмертия – так называемые нейтральные миры, которые чаще всего связаны с зоной перехода из мира живых в царство мертвых.

Е. Н. Ковтун словно ведет своего читателя через тернии и испытания загробного мира к его «простым» будничным занятиям, но при этом постепенно открывая философскую подоплеку Мира Посмертия. И здесь, предлагая читателю постичь картины хронотопа Мира Посмертия, автор выходит на глобальный, едва ли не на космический уровень анализа взятых произведений. Здесь мы видим масштабы загробных миров через иллюзорные территории и «реальные», через способы и формы, указывающие на особенности течения времени. Ось координат, на которой отложены время и пространство, в книге дана внятно и четко. Хронотоп в рецензируемом исследовании тесно связан с судьбами героев. Автора занимают не только способы перемещения персонажа в мир иной, но и различия этих способов, сами причины перемещения, соотношение типов героя, его человеческих качеств. Здесь важно, кто является наблюдателем, с чьей позиции показан переход от мира живых к миру мертвых. И Е. Н. Ковтун различает эти позиции как точку зрения умершего и точку зрения оставшихся в живых.

Автору книги удалось соединить универсальные испытания героя, свойственные произведениям разных литератур, и вывести схемы сюжетов, определив их функциональную наполненность, и частные случаи, когда герой лишь заглядывает в вечность и когда он в этой вечности остается. Очень любопытны рассуждения автора о диалектике жизни и смерти, о реинкарнации – «о сохранении каждой душой в круговороте “земного” и “потустороннего” бытия своей индивидуальности и идентичности» (с. 588).

К каким бы неожиданным поворотам в изображении Мира Посмертия ни обращалась Е. Н. Ковтун, она всегда подробна и обстоятельна. Любой поворот исследовательского сюжета основан на анализе сотен художественных текстов, которые сопоставляются, сопрягаются, соотносятся в разных измерениях в зависимости от задачи, которую ставит перед собой исследователь. Десятки и сотни художественных произведений осмыслены в самых разных аспектах и через призму разнообразных проблем. Один и тот же текст может стать предметом внимания в главах и параграфах, посвященных тем или иным сторонам Мира Посмертия. Автор книги словно поворачивает избранное произведение уникальными его сторонами, то складывая представление читателя о герое, то показывая гра-

ницы миров, то объясняя суть потустороннего мышления на фоне специфических пространств. Такой подход, принятый в книге, демонстрирует особое качество литературоведческой мысли: память текста и память о тексте. При этом текст никогда не становится у Ковтун простой иллюстрацией к сказанному. Литературные сочинения, в избытке отмеченные в монографии, выстраиваются не в типологические, а в аналитические ряды, демонстрируя то общность изображения неких качеств и свойств Мира Посмертия, то, напротив, их специфичность.

Особого внимания заслуживает последняя глава, посвященная функциональности художественного образа Мира Посмертия. Е. Н. Ковтун отмечает его инструментальность, подчеркивая, что он дает возможность писателям поставить серьезные вопросы, касающиеся смысла человеческого существования: «Безусловно, проблема конечности – или, напротив, бесконечности – индивидуального бытия, как и связанные с ней проблемы оценки “с высот вечности” человеческих поступков и суждений, свободы воли и определения каждым своей судьбы, являются ключевыми для интертекста Мира Посмертия и постоянно должны быть в фокусе его изучения» (с. 413).

Монография Е. Н. Ковтун имеет множественную адресацию. Уверены, книга станет важной для исследователей теоретико-литературных проблем, поскольку автор касается множества сложностей этого толка. Здесь мы найдем размышления о хронотопе и сюжете, о композиции и типах литературного героя, о мире художественного текста и авторе. Специалистам-филологам окажется близким сам подход автора к анализируемым текстам – это стремление прочитать множество означенных в работе произведений через призму их поэтики.

Безусловно, эти категории Е. Н. Ковтун рассматривает применительно к «своим» произведениям, но охват материала и масштабность интерпретаций позволяют транспонировать открытое автором монографии на широкий круг литературных сочинений. Вместе с тем рецензируемая книга вполне может восприниматься как учебник по фантастической литературе. Несмотря на заявленный исследовательский ракурс, автор представляет подробную парадигму такой литературы, обращаясь к разным ее сторонам и ее эстетическому функционалу.

Наконец, отдельные разделы монографии окажутся интересными широкому читателю. И не только потому, что тема смерти и тема жизни после смерти влекут к себе множество людей, представляя собой нечто неизведенное и в какой-то степени запретное, но и потому, что в книге представлены размышления о границах фантастики и фэнтези, о научных подходах к этим сложнейшим дефинициям, о мифологизации посмертния и философском его осмыслинии. Хочется специально подчеркнуть глубоко научный характер рецензируемой монографии. Нигде ни на минуту не появляется у автора желания добавить хотя бы толику праздного любопытства, которое свойственно человеку и человечеству в отношении к Миру Посмертия. Узнать, что там, за порогом смерти, попробовать представить себе эту другую реальность, нарисовать себе ее картины – кто из нас не пытался хоть раз это сделать?! В книге Е. Н. Ковтун нет места досужим предположениям. Здесь все идет от художественного текста и им же мотивировано. Это происходит потому, что автор монографии видит созданный писателями разных эпох и разных стран Мир Посмертия как некий акт мироздания, как субстанцию, которая требует описания «одновременно в материально-физическом и философско-метафорическом ключе» (с. 644).

И еще один аспект рецензируемой книги хотелось бы отметить. Речь идет об изучении национального и общечеловеческого в Мире Посмертия, явленном в произведениях мировой фантастики. Обращаясь к произведениям зарубежных славянских авторов, Е. Н. Ковтун показывает, как на основе национального или регионального художественного материала авторы эксплуатируют общие архетипы,ственные Миру Посмертия. Она пишет о причудливости и драматизме загробных локусов, об их трогательности, а порой и забавности. И приходит к выводу, что особое очарование и глубину «они обретают там, где их авторам удается объединить в фокусе художественного сознания личное и значимое для многих, этническое и планетарное, национальное и общечеловеческое» (с. 340).

Используя богатство и выразительность привычного для нее научного нарратива, Е. Н. Ковтун поднимает своего читателя до осознания сущностных проблем бытия через фантастические миры, их пределы и качества:

«...фантастические произведения, рисующие бесконечную спираль восхождения человеческой личности по ступеням (в том числе посмертной) внутренней эволюции, максимально выразительно воплощают веру в мощь человеческого духа, стремящегося и действительно способного подняться в своем развитии до «равной богам высоты» (с. 644).

Книга Е. Н. Ковтун «Интертекст Мира Помремния в фантастике ХХ–XXI веков» поражает не только масштабом прочитанного, но и смелостью научной мысли, глубиной погружения в материал, скрупулезностью описания каждого факта, любой детали. Монография отличается новизной и актуальностью, демонстрирует многообразие исследовательских методов – от сравнительно-исторического до мифологического. Благодаря добросовестному и в высшей мере профессиональному решению задач: основательно изучить, систематизировать богатейший свод текстов фантастики и фэнтези и опреде-

лить их интертекстуальность, автор достигает, по ее словам, сверхцели «обусловливающей и оправдывающей как само существование в современной литературе волшебной фантастики (фэнтези), так и ее устойчивую популярность у многочисленной взрослой, давно оставившей в прошлом детский интерес к сказкам аудитории» [с. 644].

Междисциплинарность исследования позволяет автору подключить к литературоведческим изысканиям философский, культурологический, этнографический инструментарий, достигая эффекта смыслового объема и всеохватности. Вместе с этим очевидно, что книгу прочитает и специалист в области изучения литературы, и преданный читатель «рассказов о невозможном», для которого Е. Н. Ковтун составила также путеводитель по множеству миров посмертного существования и в очередной раз напомнила о «ценности жизни, осознанной из перспективы смерти» (с. 645).

Поступила в редакцию 06.05.2025; принята к публикации 01.09.2025
The article was submitted 06.05.2025; accepted for publication 01.09.2025

ISSN 1817-7115

25004

9 771817 711502

ISSN 1817-7115 (Print). ISSN 2541-898X (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Филология. Журналистика. 2025. Том 25, выпуск 4

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология
Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

